

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Информационный сборник.
Выпуск № 8*

Москва
2000

Министерство культуры Российской Федерации
Российская Академия наук
Российский НИИ культурного и природного наследия

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Информационный сборник
Выпуск № 8*

Москва
2000

ББК 79

Н 31

Научный редактор *П.М.Шульгин*

К о л л е к т и в а в т о р о в :

Ю.А.Веденин, Н.В.Вехов, Ю.Г.Вешнинский, С.В.Гусев, И.Г.Иванова,
Л.П.Кузнецова, Ю.Л.Мазуров, У.Н.Набиева, А.В.Работкевич,
А.И.Сорокин, В.И.Степенев, Т.Я.Турчин, А.М.Шолохов

Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. № 8. М.:
Институт Наследия. 2000. - 216 с., с илл. ISBN 5-86-443-058-7.

Очередной выпуск из серии сборников, посвященных изучению различных аспектов историко-культурного и природного наследия. Основное внимание в нем уделено региональной проблематике сохранения и использования наследия. Опубликованы материалы, связанные с подготовкой Институтотом Наследия раздела "Влияние экологических факторов на сохранение культурного наследия" для ежегодного государственного доклада "О состоянии окружающей природной среды Российской Федерации", в которых дается краткий анализ состояния памятников истории и культуры в регионах Российской Федерации за несколько последних лет. Приводятся также документы по подготовке этого доклада и Резолюция научно-практического семинара, рассмотревшего практику и методы экологического мониторинга объектов наследия.

Рассматриваются современные проблемы отдельных музеев-заповедников; вопросы градостроительного своеобразия исторического города *Торопца*; практика подготовки национального атласа культурного наследия в *Дагестане*; традиции российского природопользования; вопросы аксиологической географии городской среды регионов России; предложена реконструкция путешествий писателя *К.Д. Носилова* на *Новой Земле* по его произведениям. Специальные обзоры посвящены анализу практики сохранения наследия и проблемам подготовки специального законодательства в дореволюционной России, а также анализу современной законодательной практики в сфере наследия в субъектах Российской Федерации.

© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени *Д.С. Лихачёва*, 2000

ISBN 5-86-443-058-7

ВЕДЕНИН Ю.А., докт. геогр. наук,
МАЗУРОВ Ю.А., канд. геогр. наук

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ НЕДВИЖИМЫХ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (документы и комментарий)

Многочисленные в нашей стране культовые и гражданские памятники истории и культуры, равно как и другие недвижимые объекты культурного наследия народов России, выполняют чрезвычайно важные социальные функции, будучи, наряду с природным наследием, своего рода стабилизатором и неотъемлемой частью экономического развития, незаменимым условием его устойчивости. В то же время в последние годы они все более становятся жертвами “экологической агрессии” современного индустриального производства, урбанизации и других антропогенных и естественных природных факторов.

Состояние культурного наследия в современных условиях стало одним из характерных индикаторов экологической ситуации. Вот почему точные знания о состоянии объектов культурного наследия, об экологических факторах их динамики, получаемые посредством организации и систематического ведения их экологического мониторинга, жизненно важны как для совершенствования управления окружающей средой, так и для собственно спасения все большего числа объектов культурного наследия, для обеспечения, в конечном счете, экономического роста и устойчивого развития.

Институт Наследия практически с момента своего основания уделяет особое внимание факторам риска состоянию наследия в стране. В числе прочего это выразилось в ведении им по поручению Министерства культуры Российской Федерации раздела “Влияние экологических факторов на сохранение культурного наследия” в ежегодном государственном докладе “О состоянии окружающей природной среды Российской Федерации” в течение 1994-1999 гг.

Как следует из материалов упомянутого государственного доклада, ежегодно в нашей стране вследствие агрессивного воздействия факто-

ров среды происходит утрата нескольких десятков памятников истории и культуры, тысячи объектов культурного наследия находятся под угрозой уничтожения. Несомненно, что этому негативному процессу может и должна быть противопоставлена активная государственная политика на всех территориальных уровнях по последовательному снижению факторов экологического риска культурному наследию. Однако в регионах страны не налажена работа по экологическому мониторингу объектов культурного наследия для целей региональной экологической политики. В результате, до сих пор в субъектах Федерации не налажен систематический учёт их экологического состояния, не отслеживается проявление факторов экологического риска.

Получается, что поскольку нет информации о проблеме, то зачастую создается видимость отсутствия и самой проблемы. Поэтому изменение к лучшему ситуации с экологическим состоянием памятников истории и культуры в регионах надо начинать с формирования надлежащей системы мониторинга, призванной дать объективную и полную картину масштабов и генезиса проблемы.

Осуществляемый Институтом Наследия проект по экологическому мониторингу наследия — это только начало большой и сложной работы по оценке все возрастающих факторов экологического риска памятникам истории и культуры страны. Очевидно, что в современных политических и экономических условиях России достичь желаемых целей можно только в случае перенесения “центра тяжести” этой работы непосредственно в регионы, где наиболее остро сказываются последствия полной или частичной утраты наследия и где существуют наиболее реальные предпосылки его сохранения.

Симптоматично, что необходимость экологического мониторинга культурного наследия осознается практически всеми специалистами и многими региональными руководителями. Последнее подтверждается, в частности тем, что в отмеченный период в региональных ежегодных докладах о состоянии окружающей природной среды целого ряда субъектов Федерации появились разделы, посвященные влиянию экологических факторов на сохранение культурного наследия, копирующие, как правило, принципы построения соответствующего раздела федерального доклада.

Однако эта работа не должна была быть пущенной на самотек. Она, несомненно, нуждается в координации и поддержке. Именно с этой целью Институт Наследия в 1999 г. начал работу над проектом, нацеленным на разворачивание системы экологического мониторинга культурного наследия в регионах страны. Проект был поддержан Программой “Распространение опыта и результатов” (РОЛЛ) Института Устойчивых Сообществ (США).

Целью проекта является введение разделов “Влияние экологических факторов на сохранение культурного наследия” в государственные доклады “О состоянии окружающей природной среды Российской Федерации” субъектов Федерации Центра и Севера Европейской части России.

Проект ставит следующие задачи:

1. Убедить заинтересованные стороны в регионах в необходимости ведения систематического экологического мониторинга недвижимых объектов культурного наследия и обеспечить гласность его результатов посредством их отражения в региональных ежегодных докладах о состоянии окружающей природной среды.
2. Разработать методические рекомендации по ведению экологического мониторинга недвижимых объектов культурного наследия для региональных ежегодных докладов о состоянии окружающей природной среды с учетом местной специфики.
3. Содействовать подготовке кадров местных специалистов, способных наладить и обеспечить ведение систематического экологического мониторинга недвижимых объектов культурного наследия для ежегодных региональных докладов о состоянии окружающей природной среды.

Реализация цели и задач названного проекта введет в сферу внимания специалистов и общественности регионов страны принципиально новый, но весьма социально значимый реципиент экологического риска — культурное наследие. Неизбежное при этом расширение сферы региональной экологической политики — за счет появления в ней нового важного объекта — будет объективно способствовать повышению ее эффективности, так как совершенствование управления окружающей средой, нацеленное на снижение экологического риска для памятников

истории и культуры, полностью соответствует интересам охраны здоровья населения и охраны биологического и ландшафтного разнообразия.

Осуществляемый проект мог бы стать первым в России по внедрению информации о факторах экологического риска объектам культурного наследия в региональную экологическую политику и поэтому, в случае его успеха, он мог бы дать ощутимый импульс к его тиражированию в других регионах страны.

Реализация основных идей проекта стала возможной благодаря его последовательной поддержке со стороны руководства Минкультуры России и Госкомэкологии России. Очевидно, что самой сложной проблемой налаживания экологического мониторинга культурного наследия является ее межведомственный характер. В рамках осуществляемого проекта Институтом Наследия удалось инициировать совместное обращение Министра культуры Российской Федерации В.К. Егорова и Председателя Государственного комитета Российской Федерации по охране окружающей среды В.И. Данилова-Данильяна в администрации субъектов Российской Федерации по вопросу экологического мониторинга недвижимых объектов культурного наследия (Приложение 1).

На это обращение уже поступило множество откликов от руководителей регионов и руководителей соответствующих структурных подразделений субъектов Федерации. В них не только выражается безусловная поддержка идеи организации экологического мониторинга культурного наследия, но и высказываются конкретные предложения на этот счет, фиксируются проблемы, предлагаются решения и т.п. Первыми на обращение ответили: Губернатор Пермской области Г.В. Игумнов, Заместитель Губернатора Кемеровской области А.И. Копытов, Заместитель Председателя Правительства Удмуртской Республики В.Е. Шудегов, Первый Заместитель Председателя Правительства Свердловской области Г.А. Ковалева, Первый Заместитель Губернатора — Председатель Правительства Курской области Б. Хохлов, Председатель Комитета по культуре Администрации Волгоградской области А.И. Величкин, Председатель Комитета по культуре Правительства Ленинградской области В.Б.Богущ, Председатель Государственного комитета по охране окружающей среды Тюменской области М.С. Мельник,

Председатель Комитета по природным ресурсам Приморского края Е.С. Стоматюк и др.

В рамках упомянутого проекта Институт Наследия при поддержке и непосредственном участии Государственного комитета Российской Федерации по охране окружающей среды и Министерства культуры России организовал и провел в Москве с 29 ноября по 2 декабря 1999 г. научно-практический семинар “Экологический мониторинг недвижимых объектов культурного наследия”. Исходя из важности распространения позитивного опыта сохранения культурного наследия, к семинару были выпущены два издания: *Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов. М.: Институт Наследия, 1999. - 337 с.* и *Экологический мониторинг культурного наследия: анализ и документы. М.: Институт Наследия, 1999. - 161 с.*, которые были распространены среди участников семинара, а в дальнейшем — и среди других специалистов центральных региональных учреждений.

В семинаре в соответствии с заявками участвовали руководители и ведущие специалисты территориальных органов Минкультуры РФ и Госкомэкологии, руководители музеев-заповедников регионов Центра и Севера России, а также представители центральных аппаратов Минкультуры РФ и Госкомэкологии России.

В рамках семинара проведено два пленарных заседания, три тематических сессии, на которых было представлено и обсуждено около 30 докладов специалистов, и один “круглый стол” с представителями руководства Министерства культуры РФ и Госкомэкологии. На заключительном заседании была принята Резолюция - итоговый документ семинара (Приложение 2), содержащий оценку современного состояния в сфере экологического мониторинга недвижимых объектов культурного наследия в стране и принципиальную программу действий по его совершенствованию. В последний день семинара была проведена профессиональная экскурсия в музей-заповедник “Коломенское”, являющийся объектом Всемирного наследия.

Очевидно, что проведенный семинар — первый в своем роде в нашей стране, не мог решить всех рассмотренных на нем проблем.

Поэтому в центре его внимания был вопрос о введении системы информирования специалистов и широкой публики о фактическом состоянии памятников через каналы ежегодных государственных докладов о состоянии окружающей среды по регионам России. По общему мнению участников, семинар оказался успешным и плодотворным. Об этом убедительнее всего свидетельствуют следующие два факта. Первый: в регионах Центра и Севера России (и, к счастью, не только в них) в первые месяцы 2000 года была развернута работа по подготовке соответствующих разделов в региональные доклады. Второй: в ряде регионов были проведены конференции, совещания и семинары (конференция в Вологде, совещание в Смоленске и др.) по введению системы экологического мониторинга в практику региональной экологической и культурной политики.

В Институте Наследия осознают, что сам по себе мониторинг не решает проблемы снижения экологического риска для памятников истории и культуры, но очевидно и то, что без него не может быть и речи о серьезном, долгосрочном эффекте экологической и культурной политики по отношению к культурному наследию нашей страны. С этой целью вниманию специалистов и широкой общественности предлагаются документы по вопросам экологического мониторинга объектов наследия, впервые публикуемые в настоящем издании.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Совместное обращение Министра культуры Российской Федерации и Председателя Государственного комитета Российской Федерации по охране окружающей среды в администрации субъектов Российской Федерации по вопросу экологического мониторинга недвижимых объектов культурного наследия

Государственный комитет Российской Федерации по охране окружающей среды при участии Министерства культуры Российской Федерации на протяжении ряда лет осуществляет подготовку ежегодного государственного доклада о состоянии окружающей природной среды Российской Федерации, где имеется раздел, посвященный мониторингу влияния экологических факторов на состояние культурного наследия на федеральном уровне.

Учитывая высокую социальную значимость проблемы сохранения памятников истории и культуры страны и все возрастающую важность контроля за воздействием на них экологических факторов, Минкультуры России и Госкомэкологии России считают необходимым дальнейшее развитие этой работы на региональном уровне. В связи с этим предлагаем Вам принять участие в подготовке раздела “Влияние экологических факторов на состояние культурного наследия” и его публикации в ежегодных региональных докладах о состоянии окружающей природной среды, начиная с докладов за 1999 год.

При подготовке указанного раздела рекомендуется руководствоваться структурой отражения экологического мониторинга культурного наследия, содержащейся в соответствующих разделах федеральных государственных докладов, а также соответствующих докладов ряда субъектов Федерации (Республики Дагестан и Удмуртия, Корякский и Чукотский автономные округа, Астраханская, Камчатская, Курганская, Омская, Самарская, Тульская, Пензенская области и др.). Работу по подготовке раздела, на наш взгляд, необходимо организовать управлениям (министерствам, комитетам) по культуре администраций субъектов Российской Федерации в тесном взаимодействии с территориальными органами Госкомэкологии России с привлечением местных специалистов и научных сотрудников.

Наше предложение вызвано тем обстоятельством, что Минкультуры России не во всех регионах имеет территориальные органы, которые могли бы организовать эту работу на местах, а территориальные органы Госкомэкологии России в настоящее время не осуществляют мониторинг влияния экологических факторов на состояние культурного наследия. Общее научно-методическое руководство ведением экологического мониторинга культурного наследия осуществляет РНИИ культурного и природного наследия (адрес: 129366, Москва, ул. Космонавтов, 2, директор — Ю.А.Веденин, телефон 286-1319, факс — 286-1324, электронная почта heritage@mtu-net.ru).

Министр культуры
Российской
Федерации

В.К.Егоров
17.11.99 г. № 01-190/16-32

Председатель
Государственного комитета
Российской Федерации
по охране окружающей среды

В.И.Данилов-Данильян
20.10.99 № 01-16/24-261

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

РЕЗОЛЮЦИЯ

**научно-практического семинара “Экологический мониторинг
недвижимых объектов культурного наследия”**

Принята на заключительной сессии семинара 2 декабря 1999 г.

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия Министерства культуры Российской Федерации и РАН при поддержке Государственного комитета Российской Федерации по охране окружающей среды и Министерства культуры России организовал и провел в Москве с 29 ноября по 2 декабря 1999 г. в рамках проекта “Экологический мониторинг недвижимых объектов культурного наследия в регионах Центра и Севера России” Программы “Распространение опыта и результатов” (РОЛЛ) Института Устойчивых Сообществ научно-практический семинар “Экологический мониторинг недвижимых объектов культурного наследия”.

В семинаре приняли участие более 60 специалистов в области теории и практики охраны культурного наследия и экологической политики из центрального аппарата Министерства культуры России, Госкомэкологии, их региональных органов из 15 субъектов Федерации, представители академической и вузовской науки из Москвы и регионов Севера и Центра России. На пленарном и секционных заседаниях было заслушано и обсуждено около 30 докладов, большая часть участников семинара выступила на “круглом столе”, посвященном наиболее актуальным проблемам становления экологического мониторинга культурного наследия в регионах страны.

Учитывая высокую социальную значимость проблемы сохранения памятников истории и культуры страны,

признавая важность проблемы совершенствования системы экологического мониторинга недвижимых объектов культурного наследия в России,

положительно оценивая опыт Института Наследия в этой сфере, и исходя из необходимости ускоренного развития этой работы в регионах страны, участники семинара на своем заключительном заседании решили обратиться к соответствующим федеральным и региональным органам власти со следующими оценками, предложениями и рекомендациями:

Участники Семинара:

1. Одобряют и поддерживают обращение Министра культуры РФ В.К.Егорова и Председателя Госкомэкологии России В.И.Данилова-Данильяна в Администрации субъектов Российской Федерации с предложением о налаживании в регионах страны системы экологического мониторинга культурного наследия и отражении его результатов в ежегодных докладах о состоянии окружающей природной среды регионов, начиная с докладов за 1999 год.

2. Считают необходимым и возможным введение системы экологического мониторинга культурного наследия в тех регионах страны, где это еще не осуществлено, начиная с 2000 года.

3. Призывают соответствующие региональные органы власти создать режим наибольшего благоприятствования для ведения систематических наблюдений за состоянием культурного наследия и его отражения в региональных экологических докладах, в федеральном докладе "О состоянии окружающей природной среды в Российской Федерации", в средствах массовой информации, а также просят Госкомэкологии России изыскать возможности обеспечения региональных библиотек Минкультуры ежегодными федеральными государственными докладами о состоянии окружающей природной среды.

4. Призывают региональные органы охраны культурного наследия и органы охраны природы к налаживанию эффективного взаимодействия в деле формирования и совершенствования экологического мониторинга памятников истории и культуры, обращают внимание этих органов на целесообразность привлечения к этой работе местных ученых и специалистов, преподавателей и студентов вузов, краеведов, общественных организаций и других, причастных к охране наследия, сил.

5. Предлагают Институту Наследия продолжить работу по выявлению позитивного отечественного и зарубежного опыта ведения экологического мониторинга наследия, его обобщению, адаптации, развитию и унификации, а также его распространению посредством публикаций, проведения научно-практических семинаров и т.п.

6. Просят Минкультуры РФ, Госкомэкологию и РАН содействовать Институту Наследия в осуществлении координационных функций в развитии методических основ ведения экологического мониторинга культурного наследия в стране, в том числе — посредством разработки в 2000 г. проекта соответствующих методических рекомендаций, и внедрению позитивного отечественного и зарубежного опыта в практику государственной экологической и культурной политики.

7. Предлагают федеральным и региональным органам образования и просвещения включить проблему сохранения культурного наследия страны и ее регионов, в том числе вопросы мониторинга его экологического состояния, в число приоритетов в системе образования и подготовки кадров.

8. Считают необходимым привлечение внимания политических сил страны к проблеме кризисного состояния ее культурного достояния и вовлечение в деятельность по его охране максимально широких масс местного населения, для чего следует полнее использовать все доступные каналы массовых коммуникаций.

9. Обращаются к Министерству культуры РФ, Госкомэкологии России и Федеральной лесной службе РФ с просьбой включить в программу деятельности находящихся в их ведении учреждений (музеев-заповедников, заповедников, национальных парков) разработку методических основ экологического мониторинга объектов культурного наследия в регионах.

10. Обращаются к Министерству культуры РФ и Госкомэкологии России с предложением о систематическом (ежегодном) проведении семинаров по совершенствованию экологического мониторинга культурного наследия, приурочивая их к началу работы по подготовке ежегодного государственного доклада о состоянии окружающей природной среды в Российской Федерации.

11. Обращаются в экологические фонды страны всех уровней с просьбой оказать поддержку в создании и развитии систем экологического мониторинга наследия в регионах.

12. Предлагают рассматривать налаживание экологического мониторинга в регионах и в стране в целом как важнейшее в современных условиях направление политики в отношении наследия, как важнейшую предпосылку воспитания экологической и общей культуры молодежи и общества в целом.

13. Информируют о состоявшемся семинаре и принятых на нем решениях федеральные органы власти, причастные к проблеме сохранения культурного наследия страны, и администрации субъектов Федерации посредством рассылки настоящей резолюции и ее публикации.

В заключение участники Семинара выражают искреннюю признательность Программе РОЛЛ Института Устойчивых Сообществ за обеспечение возможности проведения полезной и плодотворной межведомственной встречи специалистов в области культуры и экологии и за поддержку проекта “Экологический мониторинг недвижимых объектов культурного наследия в регионах Центра и Севера России” в целом.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Разнообразные памятники истории и культуры, к числу которых относятся отдельные объекты культурного наследия, их ансамбли, исторические поселения, историко-культурные местности и другие недвижимые ценности, находящиеся под охраной федерального законодательства, как и другие компоненты среды, страдают от воздействия антропогенно обусловленного загрязнения, других форм негативного воздействия человеческой деятельности, а также от стихийных природных бедствий (1, 4).

Зависимость потенциала жизненно важного для общества его культурного наследия от складывающейся экологической ситуации в настоящее время для специалистов несомненна (7, 9). Однако она еще очень слабо осознана на уровне национальной и региональной экологической и культурной политики. Эта мысль неоднократно звучала при подготовке и во время проведения Межправительственной конференции по политике в области культуры в интересах развития, состоявшейся в Стокгольме (Швеция) весной 1998 г. с участием абсолютного большинства стран мира, включая Россию. По своей исторической значимости она может быть поставлена в один ряд с Конференцией по окружающей среде и развитию, прошедшей в Рио-де-Жанейро в 1992 г. (6).

Конференция в Стокгольме подтвердила признание мировым сообществом роли культуры вообще и культурного наследия, в частности, как решающего фактора устойчивого развития. В принятом ею "Плане действий по политике в области культуры в интересах развития" (8) в качестве одной из пяти приоритетных целей деятельности, рекомендованных отдельным государствам, называется *"укрепление политики и практической деятельности с целью сохранения и повышения роли ... наследия ..."*. В числе этих видов деятельности, как следует из материалов Стокгольмской конференции, подготовленного к ней Доклада Всемирной комиссии по культуре и развитию (вышел в свет в Париже под названием "Наше творческое разнообразие"), а также вытекает из опыта многих стран мира,

особо важное место в современных условиях занимает снижение экологических факторов риска культурному наследию (10). Непременным условием успешного решения этой задачи является формирование и развитие системы экологического мониторинга состояния культурного наследия.

Материалы Стокгольмской конференции по культуре и развитию дают новый импульс деятельности Министерства культуры Российской Федерации и его региональных органов в сфере наблюдений за экологическими факторами состояния памятников истории и культуры страны и отдельных ее регионов (2). К сожалению, как и следовало ожидать, положение в рассматриваемой сфере, в соответствии с полученными от субъектов Федерации официальными данными, продолжало оставаться в целом неблагоприятным.

Предпринимаемых на федеральном и региональном уровнях усилий пока еще недостаточно для того, чтобы преломить выявленные негативные тенденции. В большинстве регионов страны ситуация в последние годы продолжала ухудшаться, что связано как с собственно негативной экологической динамикой в стране, так и с явной недооценкой значимости негативных последствий утраты культурного наследия, в том числе — под воздействием факторов экологического риска.

Начиная с 1995 г. Министерство культуры РФ с помощью своих региональных подразделений осуществляет экологический мониторинг объектов культурного наследия. Получаемые из регионов данные обрабатываются и представляются в специальных разделах ежегодного государственного доклада “О состоянии окружающей природной среды в Российской Федерации”, выпуск которого осуществляется Государственным комитетом РФ по охране окружающей среды с участием около 50 министерств и ведомств страны.

Не абсолютизируя значения получаемых из регионов сведений об экологическом состоянии объектов культурного наследия, следует все же признать их высокую фактическую значимость для выработки федеральной и региональной экологической и культурной политики. Характерным в этом отношении примером являются последние данные (Табл. 1), собранные для Государственного доклада “О состоянии окружающей природной среды в Российской Федерации в 1998 году”.

Таблица 1

НЕГАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Экономический район. Республика, край, область, автономная республика, автономный округ	Общее количество памятников		Количество утраченных памятников		Количество памятников, находившихся в 1998 году под негативным воздействием экологических факторов				Затраты на охрану культурного наследия в 1998 году, тыс. руб.
	всего	в т.ч. на гос-охране	всего	в т.ч. в 1998 году	Естест-венного проис-хождения	Антропогенного происхождения			
						Всего	в том числе		
							наруше-ния геоло-гической среды	загряз-нение воздуш-ного бассей-на	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Северный район									
Республика Карелия	2431	1165	0	0	0	1	0	0	0
Республика Коми	312	247	16	0	7	18	3	0	143
Архангельская область	2523	1595	н/д	10	1192	500	248	0	н/д
Мурманская область	462	97	2	0	57	226	0	226	0
Северо-Западный район									
Новгородская область	2089	1238	27	1	4	428	0	428	н/д
Псковская область	4436	3960	165	24	0	46	0	0	0
Центральный район									
Владимирская область	3581	2393	н/д	0	7	3	1	3	1764
Костромская область	1967	1942	51	10	85	1068	0	0	5004
г.Москва	6407	4313	1	0	1	524	н/д	н/д	н/д
Рязанская область	1139	376	19	1	20	900	0	900	1831
Тульская область	42138	41328	6	0	1670	890	39	1132	550

Ярославская область	5377	1572	73	15	271	0	0	0	12000
Волго-Вятский район									
Кировская область	3546	832	0	0	1	1305	1	626	5200
Нижегородская область	2486	2486	11	1	320	520	260	5	н/д
Центрально-Черноземный район									
Белгородская область	2015	2015	14	0	10	19	0	0	н/д
Курская область	3934	857	7	2	0	5	0	5	255
Липецкая область	1136	476	11	0	670	1136	440	419	0
Пензенская область	568	370	4	2	н/д	н/д	н/д	н/д	4500
Поволжский район									
Республика Калмыкия	233	3	12	0	10	6	0	0	н/д
Республика Татарстан	6770	1170	276	0	800	н/д	н/д	н/д	н/д
Чувашская республика	745	655	12	0	6	18	14	0	342
Астраханская область	572	572	6	0	0	378	0	0	н/д
Волгоградская область	2198	1544	17	0	15	198	49	34	150
Самарская область	2957	483	9	0	5	34	10	13	120
Северо-Кавказский район									
Краснодарский край	4753	3254	49	5	8	143	3	143	1122
Ставропольский край	2539	2169	50	17	30	72	53	0	43528
Уральский район									
Респ. Башкортостан	968	589	0	0	1	1	1	0	19073
Респ. Удмуртия	2110	234	16	3	219	503	4	0	536
Курганская область	819	273	3	0	0	200	н/д	н/д	2516

Оренбургская область	2320	1561	25	7	5	2320	0	2320	5213
Пермская область в т.ч	946	927	6	1	66	5	0	0	0
Свердловская область	2789	1156	48	6	120	320	н/д	н/д	6503
Западно-Сибирский район									
Республика Алтай	12	12	н/д	5	1	2	2	1	0
Алтайский край	1129	1102	31	1	6	41	0	37	0
Омская область	871	835	8	1	10	115	45	0	7600
Томская область	1687	982	25	2	6	120	0	120	0
Таймырский автономный округ	47	47	3	3	3	0	0	0	0
Восточно-Сибирский район									
Красноярский край	3999	1897	0	0	201	19	1	0	0
Читинская область	4640	840	н/д	0	н/д	н/д	н/д	н/д	2568
Дальневосточный район									
Магаданская область	120	63	0	0	0	0	0	0	0
Чукотский автономный округ	221	15	50	0	50	90	30	0	0
Хабаровский край	551	381	6	0	0	141	0	118	0
Амурская область	731	532	41	н/д	67	154	103	94	3000
Сахалинская область	592	123	н/д	н/д	112	205	127	51	2000

В соответствии с полученными из субъектов Федерации официальными сведениями, под негативным воздействием экологических факторов в 1998 г. в России находилось около 19 тыс. памятников истории и культуры, в том числе — под воздействием факторов естественного происхождения — более 6 тыс., а факторов антропогенного происхождения — около 13 тыс. объектов.

В течение года, по далеко не полным данным, зафиксирована *полная утрата 126 памятников*, что составляет около 12% от общего числа утраченных памятников за относительно непродолжительное время наблюдений в перечисленных в Табл. 1 регионах страны. По одному памятнику

было утрачено в Новгородской, Рязанской, Нижегородской, Пермской, Омской областях и в Алтайском крае, по два — в Курской, Пензенской и Томской областях, по три — в Удмуртии и Таймырском АО, по пять — в Краснодарском крае и в Республике Алтай, шесть — в Свердловской области, семь — в Оренбургской области, по десять — в Архангельской и Костромской областях, 15 — в Ярославской области, 17 — в Ставропольском крае, 24 — в Псковской области. Весьма вероятно при этом, что общая величина реальных потерь по стране превышает имеющиеся данные вдвое и более — вследствие известной неполноты представляемой информации и недостатков еще только формирующейся системы мониторинга объектов культурного наследия.

Показатели потерь памятников истории и культуры в России в 1998 г. на фоне их общего количества в стране (около 64,5 тыс. объектов или 78,8 с учетом пообъектной расшифровки) относительно невелики — 0,16-0,19% и сохраняются приблизительно на уровне прошлых лет. Однако заслуживает особого внимания то обстоятельство, что это показатели реального абсолютного снижения культурного потенциала страны — важнейшей части ее национального достояния. При этом следует также иметь в виду, что наряду с абсолютным происходит относительное (частичное) снижение культурного потенциала за счет пребывания под воздействием факторов природного и экологического риска значительной доли объектов культурного наследия — более 16% от общего числа памятников страны.

Антропогенные факторы экологического риска, как и в предшествующие годы, в целом по стране доминировали над факторами естественного происхождения. Исключение составляли некоторые регионы российского Севера со значительно более благополучной экологической ситуацией (Таймырский АО и др.).

Среди естественных природных факторов риска памятникам истории и культуры особую роль, как и в прошлые годы, играли абразия берегов, трансгрессия моря, оползни, эрозия и некоторые другие. Памятники Астраханской области, Дагестана и Калмыкии, вместе с объектами народного хозяйства этих регионов испытывали все возрастающий ущерб от последствий *повышения уровня Каспийского моря.*

Развитие *оползневых процессов* в сочетании с *эрозией земель* серьезно угрожает памятникам Нижнего Новгорода (Кремль, Печерский и Благовещенский монастыри, Рождественская (Строгановская) и Ильинская церкви, ряд усадеб), Нижегородской области (ансамбли исторической застройки городов Павлово и Городец, Амвросиево-Дудина монастыря, Фролицевой пустыни); оползни создают также реальную угрозу памятникам в Ставропольском крае, Чувашии и в других местах.

Антропогенные факторы в течение рассматриваемого периода проявлялись преимущественно в форме загрязнения воздушного бассейна, вибрации, подтопления территории и других форм нарушения геологической среды.

Последствия *загрязнения воздушного бассейна* особенно остро проявлялись в ухудшении состояния конструкционных материалов и исторических парковых ансамблей. Выбросы производственных объектов и автотранспорта способствуют быстрому загрязнению фасадов и в сочетании с атмосферными осадками формируют химически агрессивную среду, вызывающую разрушение фасадных материалов (кирпичной кладки, штукатурки, лепнины, покрасочных слоев и пр.). В течение 1998 г. отмеченные процессы фиксировались в Курске (разрушение Знаменского собора, архиерейских палат, здания Дворянского собрания и других памятников вследствие выбросов ОАО “Электроаппарат”), Нижнем Новгороде (разрушение белокаменной резьбы Рождественской и Смоленской церквей, деградация растительности в архиерейском саду и парке им. Кулибина), Нижегородской области (парк усадьбы Баташевых в г. Выкса), Новгороде (ухудшение состояния памятников кремля, Ярославова дворца и других, в том числе входящих в число памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО под воздействием выбросов преимущественно химического комбината “Акрон” и других промышленных предприятий) и т.д.

Пагубное воздействие транспортной и производственной *вибрации* проявлялось на отдельных выдающихся памятниках и целых их комплексах в Нижнем Новгороде (церковь Жен Мироносиц, историческая застройка улиц Рождественской, Большой Печерской, Варварской,

Ильинской), Нижегородской области (Ильинская церковь в Ардатове, Знаменская церковь в г. Бор, Успенская церковь в Богородске, Знаменская, Крестовоздвиженская и Воскресенская церкви в Балахне, историческая застройка Арзамаса и Городца) и др.

Острой проблемой в деле сохранения памятников культуры прошлого продолжает оставаться подъем уровня грунтовых вод и *подтопление территории*, особенно в зонах создания водохранилищ и сооружения каналов. Характерным в рассматриваемом отношении является Новгородская область с целыми ареалами памятников на подтопленных территориях в бассейнах рек Луга, Волхов, Мста и др. Только в бассейне р. Луга полностью утрачено две часовни, серьезный ущерб нанесен многим другим памятникам. Другим типичным примером региона массового распространения воздействия подтопления территории на памятники продолжает оставаться Поволжье. Только в Татарстане в результате строительства Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ ощутимый ущерб испытывают несколько сот памятников истории и культуры.

Особую озабоченность специалистов вызывает ситуация с подтоплением территории в местах расположения таких выдающихся памятников как Рождественский собор и другие памятники белокаменной архитектуры Суздаля, ансамбль Ипатьевского монастыря в Костромской области, ансамбль Макарьевского Свято-Троицкого монастыря в Нижегородской области, памятник-ансамбль “Мамаев курган” и памятник В.И.Ленину у Волго-Донского судоходного канала в Волгоградской области и некоторые другие.

Антропогенно обусловленное подтопление территории продолжает оставаться, по-видимому, приоритетной проблемой сохранения культурного наследия крупнейших городов России. Так, в столице страны от последствий подтопления территории в 1998 г., по данным московских экспертов, страдало около 500 памятников.

По имеющимся сведениям, отмеченная проблема проявляется не только в староосвоенных регионах, где она давно уже заняла прочное место среди основных проблемных ситуаций в сфере сохранения наследия, но и в районах пионерного освоения. В числе последних — долины рек Амур, Зея, Селемджа и Бурей в Амурской области.

Нередко подтопление территории накладывается на ареалы проявления атмосферного загрязнения, вибрации, и других факторов экологического риска взаимно усиливая их последствия для всех реципиентов, включая и недвижимые объекты культурного наследия. Характерными примерами последних лет были: памятники Петру I в Архангельске и Липецке, все 25 садово-парковых ансамблей Липецкой области, место высадки морского десанта в г. Новороссийске, здание Арсенала и собор Александра Невского в Ижевске.

Экологически агрессивная среда ускоряет естественное разрушение памятников вследствие процессов старения. Отмеченный феномен характерен не только для памятников белокаменной архитектуры, но и для традиционного для России деревянного зодчества. В рассматриваемый период специалистами фиксировалось ухудшение *состояния памятников деревянного зодчества* в Мурманской области (Успенская церковь в с. Варзуга и Никольская церковь в с. Ковда, обе — XVII века), Новгородской области, Нижегородской области и др.

Специфической социально-экологической проблемой сохранения культурного наследия является все еще нередкое проявление *вандализма и варварства*. В течение 1998 г. неоднократно отмечались: поджоги памятников в Архангельской области, разборка старинных пешеходных дорожек в усадьбах и усадебных строений для личных хозяйственных нужд в Новгородской области, осквернение памятников военной истории в Краснодарском крае, уничтожение ряда объектов историко-культурного комплекса “Чукотлаг” в Певеке и т.п.

Другой стороной этой же проблемы является *пренебрежение к духовным ценностям* прошлого. Так, при проектировании Белопорожской ГЭС было принято проектное решение, предусматривающее затопление исторической деревни Панозеро Кемского района Республики Карелия вместе с находящимися в ней 17 памятниками деревянного зодчества (4).

В результате нарушения законодательства в Оренбурге было полностью или частично утрачено несколько особо ценных для города памятников, в том числе: Гостиный двор, Дом Губернатора, Каравансарай, Дом Панкратова, Особняк купца Хусаинова. Другая форма пренебрежения к памятникам прошлого — их бесхозность; именно в

таким состоянии в г. Омске находился памятник “Баня Коробейникова”, разрушающийся без необходимых реставрационных (консервационных) работ. В этом же городе в том же 1998 г. был разобран на 80% и фактически утрачен другой исторический памятник — “Склад семян” СибНИИСХоза. Приведенные примеры не были, к сожалению, исключительными для страны в целом.

Специфическим для 1998 г. фактором воздействия на состояние памятников стало такое относительно редкое для центра России явление, как сильнейший ураган, пронесшийся над Московским регионом в ночь с 20 на 21 июня. Разыгравшаяся стихия только в Москве нанесла ощутимый ущерб 23 памятникам истории и культуры. На территориях объектов ландшафтной архитектуры города уничтожено более 31 тыс. деревьев, еще около 1 тыс. деревьев и значительное число кустарников серьезно повреждено. Общий ущерб для древесной и кустарниковой растительности города составил, по данным муниципальных служб, около 177 млн. рублей.

Другим аналогичным по своим последствиям стихийным бедствием 1998 г. стали затяжные дожди в Забайкалье, приведшие к катастрофическому наводнению в Читинской области и резкому ухудшению технического состояния многих объектов культурного наследия, особенно культовых объектов на территории Читинского, Хилокского и Красночико́йского районов названной области.

Симптоматично, что в числе наиболее острых экологических проблем 1998 г. эксперты многих регионов страны называют *визуальное загрязнение ценных исторических ландшафтов*, выразившееся в экологически нерегламентированной застройке, во вторжении в зоны охраны памятников истории и культуры разного рода новостроек, преимущественно частных коттеджей и дач. Отмеченная проблема все зримее приобретает черты крупномасштабного эколого-культурного бедствия в таких регионах страны, как Владимирская, Московская, Нижегородская, Псковская области, последствия которого проявятся во всей своей полноте уже в следующем веке.

В качестве нового фактора утраты памятников, впервые фиксируемого в официальных материалах соответствующего мониторинга, в 1998 г.

отмечается “обезлюдение сельских населенных пунктов”, отмеченное, в частности, в Алтайском крае. К сожалению, это, по-видимому, далеко не единственный регион страны, где наблюдается, а еще более будет наблюдаться в скором будущем, это прискорбное явление.

В результате проявления названных выше и других факторов риска в стране сформировались территории особого экологического неблагополучия для объектов культурного наследия. Среди них такие уже традиционные как Москва и ближайшее Подмосковье, Санкт-Петербург с окрестными дворцово-парковыми комплексами, города “Золотого кольца”, а также некоторые другие, проявившиеся в 1998 г. как требующие особого внимания. В числе последних, в частности, Самарская область — типичный в отношении состояния культурного наследия регион Поволжья.

Самарская область относится к числу регионов с высоким потенциалом культурного наследия различных эпох (около трех тысяч памятников истории и культуры, без археологических) и, в то же время, - проявлением множества факторов экологического риска. Наиболее существенными из них в 1998 г. проявили себя следующие:

- *Подтопление территории и абразия берегов* вследствие подъема уровня грунтовых вод в связи с созданием Куйбышевского и Саратовского водохранилищ (разрушение отдельных памятников и усадебных комплексов в прибрежной зоне Волги).

- *Загрязнение среды* производственными и бытовыми отходами, особенно опасное для памятников Самары, Сызрани, Чапаевска, Новокуйбышевска и др. Характерное для этих городов загрязнение территории памятников промышленными отходами, строительным и бытовым мусором создает условия для биопоражений зданий, нарушает отвод поверхностных вод, вызывая переувлажнение грунтов оснований и конструкций, создает угрозу возникновения пожаров.

- *Вибрация:*

- для памятников, расположенных на городских магистралях Самары, преимущественно ее исторической части (сплошное асфальтобетонное покрытие проезжей части и тротуара при отсутствии разделительных полос-газонов передает вибрационные нагрузки на конструкции зданий-памятников);

- для памятников промышленной архитектуры, используемых для размещения производства (вибрационные и динамические нагрузки от технического оборудования);

- для памятников, вблизи которых осуществляются строительные работы (при строительстве новых объектов в области продолжается использование забивки железобетонных свай).

● *Экологически нерегламентированная застройка:*

- активное вторжение в историческую часть Самары и других крупных городов области современной застройки, в том числе — повышенной этажности, приводящей к нарушению исторически сложившихся и, как правило, наиболее экологичных планировочной структуры и архитектурного облика городов;

- насыщение исторического центра административными и деловыми учреждениями, предприятиями торговли и т.п., приводящее к перегруженности транспортными и людскими потоками, в результате чего происходит постепенное накопление отрицательных экологических воздействий в среде и передача их населению.

● *Визуальное нарушение ландшафтов:*

- утрата в городах области системы исторических архитектурных доминант, организующих панораму города, возведение объектов нового строительства, диссонирующих с исторической средой (по масштабу, этажности, материалу фасадов, цветовому решению), насыщение исторической части городов современными элементами рекламы и городского дизайна, дисгармонизирующими с историко-архитектурной средой;

- нерегламентированная застройка дачных массивов в наиболее ценных в ландшафтном отношении местах, в том числе - на территории национального парка «Самарская Лука»;

— разрушение единого образа исторических усадеб на территории области современной застройкой.

● *Бесконтрольное наращивание культурного слоя в поселениях.*

В результате ежегодной укладке асфальтобетона без снятия предыдущего слоя мостовые начала XX века оказались на глубине до 80 см, цоколи зданий-памятников вросли в землю, в результате чего влага из грунтов, не имея возможности испаряться, проникает в стены

и внутренние конструкции зданий; входы в здания оказываются ниже уровня тротуаров, при этом намокают дверные блоки, искажается внешний вид памятников.

● *Нарушение температурно-влажностного режима внутри зданий памятников.* Первоначальная система естественной вентиляции и отопления (печное, калориферное) повсеместно разрушена, старые воздуховоды не используются, забиты; система водяного отопления, устроенная в советское время, при отсутствии нормальной вентиляции и постоянных протечках создает избыточную температуру и парниковый эффект, способствующие развитию биопоражений. Ситуация усугубляется использованием паро-воздухонепроницаемых отделочных материалов.

● *Нарушение геологической среды городов области,* приводящее к переувлажненности грунтов оснований зданий вследствие: неудовлетворительной вертикальной планировки, благоустройства и ливневой канализации улиц и территорий памятников, повсеместных протечек инженерных коммуникаций при сплошном асфальтобетонном покрытии улиц, приводящих к неравномерным просадкам фундаментов зданий-памятников и развитию оползневых процессов на береговых склонах.

Большинство нерешенных экологических проблем сохранения культурного наследия страны связано с *недостаточностью финансирования* соответствующих программ, в том числе — связанных с внедрением более совершенных механизмов экологического мониторинга памятников истории и культуры. Необходимые объемы средств на осуществление приоритетных мероприятий по нейтрализации экологических факторов риска недвижимым объектам культурного наследия отдельных регионов исчисляются специалистами суммами от нескольких сот миллионов до нескольких десятков миллиардов рублей в ценах начала 1999 г. К сожалению, в условиях резко ограниченного финансирования в 1998 г. из федерального бюджета многие регионы крайне медленно внедряли практику привлечения новых источников, особенно региональных и местных.

В течение 1998 г. в России были отмечены некоторые положительные явления и тенденции в рассматриваемой сфере, проявивши-

еся преимущественно на региональном уровне. Так, например, в условиях сохраняющегося несовершенства правовой базы охраны памятников на федеральном уровне в ряде регионов страны были приняты полезные, а зачастую и необходимые законодательные и нормативные акты, продолжалось формирование региональных структур управления культурным наследием.

Литература

1. Ю.А.Веденин, А.П.Вергунов, С.В.Кулинская и др. Культурное наследие России под воздействием экологических факторов: современное состояние и проблемы охраны // Ориентиры культурной политики, 1998, №6.
2. А.П.Вергунов, Ю.Л. Мазуров. Культурное наследие деревни Панозеро: опыт комплексной эколого-культурологической экспертизы // Наследие и современность. Вып. 6. 1998.
3. Государственный доклад "О состоянии окружающей природной среды в Российской Федерации в 1997 году". - М.: Центр международных проектов, 1998 (и Госдоклады предшествующих лет изданий).
4. Культурная политика России. История и современность. Отв. ред. К.Э.Разогов, И.А.Бутенко. - М.: ГИВЦ Минкультуры РФ, 1996.
5. Ю.Л.Мазуров. Культура и культурная политика. Послесловие к Стокгольмской конференции по культуре и развитию // Наследие и современность. Вып. 7. 1998.
6. Ю.Л.Мазуров. Экологические факторы сохранения культурного наследия: проблемы и решения. В кн.: Природа и культура древнего города. Под ред. Т.В. Васильевой и Т.К. Чуриловой. - М.: Геос, 1998.
7. План действий по политике в области культуры в интересах развития // Наследие и современность. Вып. 7. 1998.
8. Europe's Environment. The Dobris Assesment. 1995. Kopenhagen.
9. Our creative diversity. Report of the World Comission on Culture and Development. 1996. Paris, UNESCO.

ГУСЕВ С.В., канд. истор. наук

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ: ОПЫТ АНАЛИЗА СОСТОЯНИЯ ПАМЯТНИКОВ

В 1996, 1997, 1998 гг.

В настоящее время в Российской Федерации выявлено научными исследованиями более 100 000 памятников археологии, включающих в себя стоянки, городища, селища, могильники, святилища, памятники наскальной живописи, шахты, мастерские, участки культурного слоя в исторических городах. Из них только немногим более 18 000 объектов взяты на учет и поставлены под охрану государством.

Информация о состоянии археологического наследия России представлена в 1996, 1997, 1998 гг. соответственно 48, 49 и 43 субъектами Федерации и различна по полноте и точности. Органам по охране памятников истории и культуры в субъектах РФ было предложено провести мониторинг памятников археологии по следующим позициям (Табл. 1). Кроме того, было предложено указать, на землях каких ведомств находятся памятники.

Таблица
НЕГАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ
И АНТРОПОГЕННО ОБУСЛОВЛЕННЫХ ФАКТОРОВ
НА ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ

Регион	Антропогенные процессы, уничтожено/разрушается				Естественные процессы	Всего	
	Всего	Гидротехническое стро-во	Распашка земель	Промыш- ленное и дорож- ное стро-во			Прочие антро- погенные процессы

В ряду важнейших причин, не позволивших всем регионам представить информацию, а представившим ее — не позволивших достичь требуемого качества, отметим, прежде всего, отсутствие финансирования

из Федерального бюджета подпрограммы Минкультуры России “Сохранение археологического наследия народов РФ”. Ряд региональных органов охраны памятников, научных учреждений, ВУЗов и музеев провели обследования памятников археологии и охранные раскопки в соответствии с утвержденной Минкультуры РФ программой “Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации”. Все эти работы Минфином РФ так и не были профинансированы, но выполнение работ позволило получить основную долю информации о состоянии археологического наследия народов России. Реальным источником финансирования для выполнения охранных работ (разведок и охранных раскопок) стали различные проекты, связанные с землеобразованием. В ряде случаев работы проводились за счет средств субъектов Федерации.

В подавляющем большинстве субъектов Федерации мониторинг выявленного археологического наследия осуществляется слабо, либо полностью отсутствует. Такое положение обусловлено как отсутствием археологов в регионах, так и отсутствием контакта между органами по охране памятников с археологами, работающими в регионе. Если в первом случае ситуацию можно объяснить объективным обстоятельством - отсутствием научных учреждений в регионе и отсутствием финансирования для приглашения специалистов, то во втором - только неумением и нежеланием работать как сотрудников региональных органов по охране памятников, так и местных археологов.

Несмотря на все сложности, получена статистическая информация о состоянии археологического наследия народов России, об основных формах негативного воздействия внешней среды: естественных и антропогенно обусловленных. Данные носят часто оценочный характер и порой далеки от реальных. Поэтому при анализе цифровых показателей важно в каждом случае сопоставлять данные из смежных регионов. На современном этапе, этапе выживания российской культуры, важно продолжать работу по сохранению археологического наследия России как базисного элемента культурного наследия, лежащего в основе культурного пространства государства и являющегося одним из элементов каркаса, сохраняющего общее культурное пространство Российской Федерации. Представленное в таблице информационное поле неоднородно и несет на себе печать всех субъективных

факторов, связанных с процессом сбора информации. В ряде случаев количественные показатели получены субъектами Федерации по разным методикам, но это тоже свойство современного информационного пространства России. Такое положение не умаляет проделанной работы, а требует понимания оценочного характера представленных данных.

Анализ оценочных данных о состоянии археологического наследия народов России позволяет увидеть за скупыми колонками цифр основные тенденции в развитии ситуации с антропогенной агрессией в отношении памятников археологии.

В 1996, 1997, 1998 гг. были утрачены (полностью уничтожены) 626, 477, 196 памятников в результате антропогенного воздействия и 3, 9, 0 — в результате естественных процессов. Большинство памятников утрачено в результате гидротехнического строительства — 220, 142, 11. В результате распашки утрачены 151, 175, 94 памятника. Промышленным и гражданским строительством полностью уничтожен 42, 63, 41 памятник. Всего за 1996, 1997, 1998 гг. утрачено около 629, 567, 204 памятника археологии.

По полученным сведениям, в 1996, 1997, 1998 гг. в России 14881, 22156, 32936 памятников археологии (кроме утраченных) подверглись негативному воздействию окружающей среды. Разрушение происходит в результате антропогенных (13745, 19880, 30730 памятников) и естественных (1159, 1792, 2206 памятников) процессов. Наибольшее количество памятников уничтожается в результате распашки — 9500, 13484, 26913 памятников. Эти процессы характерны прежде всего для Южного и Центрально-Черноземного районов. В результате гидротехнического строительства, включая деятельность гидроузлов, разрушается 2302, 2946, 1996 памятников, но это воздействие гораздо мощнее распашки и процессы разрушения идут быстрее. Прямому физическому воздействию в результате промышленного и гражданского строительства подверглось 920, 1343, 929 памятников археологии.

Среди ведомств, на территории которых находятся разрушаемые или находились разрушенные памятники археологии в 1996, 1997, 1998 гг. лидирует Минсельхозпрод — 13 416, 4531, 12122 объекта. Распашка курганов ведет к изменению исторически сложившихся антропогенных ландшафтов.

дшафтов. При этом прослеживается тенденция по увеличению количества разрушаемых памятников на частных землях — 2789, 1431, 3904 объектов. В связи с начавшимся процессом купли-продажи земли основной задачей по сохранению археологического наследия в Южном и Центрально-Черноземном районах, в Южной Сибири является запрещение совершения сделки по купле-продаже и перевода земель в разряд частных без согласования с государственными органами по охране памятников.

Минпоэнергo является пользователем, на землях которого расположено наибольшее после Минсельхозпрода количество уничтоженных и разрушаемых памятников археологии — 4190, 831, 3733 объекта. Даже при осуществлении грандиозных международных и межрегиональных проектов нет никакого согласования с Минкультуры России. В то же время регионы ведут активную работу по научному спасению памятников археологии, попадающих под проектируемые линии коммуникаций и здания. В Краснодарском крае спасено для науки (полностью раскопано) в 1998 г. 18 памятников археологии по трассе строящихся трубопроводов.

На землях Госкомэкологии России, в пределах особо охраняемых природных территорий, находится 1156, 557, 7 памятников археологии. К сожалению, не всегда в составе администрации парков, заповедников, заказников имеются археологи. Более того, в ряде регионов (например, Республика Хакасия) местные органы по охране окружающей среды упорно игнорируют призывы органов по охране археологического наследия о проведении совместных работ по созданию особо охраняемых территорий и созданию в их рамках природно-исторических зон. На землях Рослесхоза утрачено и разрушается в настоящее время 1558, 1076, 1486 памятников археологии, на землях Рослеспрома — 841, 369, 269, Минтранса — 438, 337, 210, Минстроя — 438, 265, 4, Минобороны — 87, 67, 1912, МПС - 85, 46, 401, Роскомзема — 253, 1410, 593, ФПС — 51, 11, 5, МПР — 133, 68, 61, Минатома России — 6, 12, 6. Даже эти первые, далеко не полные, представленные менее трети регионов России сведения, позволяют наметить пути взаимодействия Минкультуры РФ с конкретными Министерствами и ведомствами. В связи с этим актуально проведение совещания с участием представителей всех перечисленных Министерств и ведомств для

выработки совместных решений по сохранению археологического наследия народов РФ. Особую озабоченность вызывает тот факт, что 117 памятников археологии утрачено и разрушается на муниципальных землях (прежде всего — в Псковской области). Это прежде всего подрывает веру в возможности местных органов культуры и общественности воздействовать на местную администрацию.

Среди естественных процессов отметим интенсивное разрушение памятников археологии в приморских районах практически по всем морям, омывающим территорию России. К сожалению, в проекте Государственной целевой программы “Мировой океан” задачи сохранения археологического наследия не поставлены. Такое положение должно быть исправлено. Единственно эффективным средством по сохранению археологического наследия в этих районах является разработка и осуществление эффективной программы по мониторингу археологического наследия и проведение спасательных работ на наиболее важных объектах.

Разрастаются масштабы грабительских раскопок памятников археологии с целью наживы в различных регионах России. Опасной тенденцией следует считать разрастание масштабов противозаконных действий и дерзкое поведение представителей незаконных группировок по раскопкам древностей и их сбыту. Грабительские раскопки широко распространяются в Причерноморье, южнорусских степях, на Алтае, Чукотке, в Московской, Смоленской и Оренбургской областях, в Удмуртии. Разрушение отдельных объектов и ансамблей памятников грабителями серьезно нарушает почвенный баланс, усиливает береговую абразию, оползневые и эрозионные процессы.

Особой проблемой является физическое уничтожение культурного слоя в исторических городах. Уничтожение культурного слоя в крупных городах перешло в новую фазу, когда инвесторы готовы оплатить любые раскопки и выполнить все научные нормативы в целях получения земельных участков в центре города. Такие раскопки никак не согласуются с задачами по сохранению и использованию археологического наследия. Физическое уничтожение археологического культурного слоя в исторических городах не всегда удастся предотвратить. Нередко строители пытаются проводить работы без специального археологического

исследования. На фоне относительно благополучной Москвы особенно удручающим выглядит ситуация в малых городах России.

Вызывает серьезные нарекания позиция ряда субъектов Федерации, не имеющих сведений о пользователях (владельцах) участков (по ведомственной принадлежности), в границах которых расположены памятники археологии.

Требованием дня становится переход от системы учета памятников археологии к мониторингу археологического наследия. Ряд регионов уже созрел для этой работы и проводит мониторинг на части своих территорий (Ставропольский край, Волгоградская, Иркутская, Челябинская области).

Затянувшийся процесс принятия Федерального Закона "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" оказывает прямое негативное воздействие на охрану и использование археологического наследия.

Сегодня идет процесс составления Земельного Кадастра РФ. Необходимо безотлагательное включение в эту работу органов по охране памятников. Составление Реестра археологических земель является одной из наиболее актуальных задач. Минкультуры РФ и Госкомитет по земельной политике РФ ведут работу по согласованию позиций и подходов. Началась эта работа и в регионах РФ. На этом фоне вызывает серьезные нарекания позиция ряда субъектов Федерации, не имеющих сведений о пользователях (владельцах) участков, в границах которых расположены памятники археологии.

В числе наиболее важных мер по сохранению археологического наследия народов России в настоящее время представляются:

- создание законодательной базы, способной обеспечить сохранение археологического наследия в современных социально-экономических условиях;
- координация деятельности Минкультуры России со всеми министерствами и ведомствами, на территории которых находятся разрушаемые памятники археологии;
- возобновление и развитие Федеральной подпрограммы по сохранению археологического наследия, важнейшими направлениями которой должны являться мониторинг выявленных объектов, выявление архео-

логических памятников и включение их в систему мониторинга, разработка проектов охранных зон, музеефикация;

— координация в действиях Минкультуры России и Госкомэкологии России по проведению археологической экспертизы в рамках общей экологической экспертизы.

— разработка и проведение археологического мониторинга на Федеральном и региональном уровнях;

— участие государственных органов по охране недвижимых памятников истории и культуры всех уровней в подготовке Земельного Кадастра России.

РАБОТКЕВИЧ А.В., канд. культурологии

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В РОССИИ В XVIII - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Для понимания одной из важнейших задач, стоящих сегодня перед отечественной культурой — задачи сохранения богатейшего историко-культурного наследия и путей её решения, необходимо знание современной российской и международной практики охраны и использования памятников истории и культуры. Но и знание исторического опыта охраны памятников старины в дореволюционной России, накопленного за период с момента осознанной постановки вопроса о государственной охране памятников в начале XVIII века до 1917 года, также совершенно необходимо. Особенно актуально это в сегодняшних условиях перехода к новым формам собственности при изменении социально-экономической ситуации в стране, что неизбежно обостряет проблему сохранения всей совокупности культурных ценностей, созданных предшествующими поколениями.

Современные представления о российской истории, развитие исторической науки стали возможны только благодаря сохранившимся с древнейших времён многочисленным памятникам культуры — сначала археологическим, дающим материал для изучения истории народов с самых ранних стадий их развития, а начиная с образования древнерусского государства, и памятникам архитектуры, скульптуры, изобразительного искусства, письменности. Но и до того, как этими свидетельствами прошлого заинтересовались учёные, некоторые виды памятников привлекали внимание и были известны народам, населявшим Киевскую Русь.

Прежде всего это утверждение относится к разнообразным археологическим памятникам — валам, курганам, городищам, служившим ориентирами для населения. Именно в этом качестве указываются эти памятники в древнерусских летописях и других произведениях письменности.

Помимо археологических памятников, в письменных источниках постоянно упоминается возведение различных архитектурных сооружений, преимущественно церквей, что свидетельствует об интересе древних авторов не только к археологическим, но и к архитектурным памятникам. Подтверждением этому является свод сведений о строительной деятельности Андрея Боголюбского, содержащийся под 1178 годом в Ипатьевской летописи и говорящий о восхищении автора текста этими постройками как произведениями искусства (1).

Если в документах эпохи Киевской Руси имеются лишь упоминания о различных памятниках, то в XVI-XVII вв. интерес к ним стал более явным. Появляются описания отдельных памятников. Многие из них имеются в “Книге Большому Чертежу” 1627 г. (2), писцовых книгах, содержащих краткие характеристики крепостей и других оборонительных сооружений, церквей, монастырей и других зданий. Кроме того, в связи с попытками извлечения практической пользы из археологических памятников — раскопками курганов и городищ с кладочисследовательскими целями — появились первые представления о том, что содержится в городищах и курганах. И хотя бугровщики наносили существенный вред археологическим памятникам, всё же именно их наблюдательность подготовила в некоторой степени исследовательский подход к памятникам в XVIII веке.

Осознанная постановка вопроса об охране памятников истории и культуры относится к началу XVIII века. В это время происходят крупные сдвиги в экономическом и культурном развитии страны, связанные с активной деятельностью Петра I по преобразованию России. Серьёзное значение Петр I придавал историческим знаниям, о чём говорит тот факт, что он уже в 1708 году отдал распоряжение о составлении русской истории (3), что выдвигало проблему сбора источников. А.М.Разгон в связи с этим отмечает, что “с этим связан и ряд законодательных распоряжений об охране памятников” (4). Однако первые распоряжения о сохранении памятников всё же не дают достаточных оснований для вывода о понимании памятников древности как исторических источников о событиях прошлого, хотя уже можно говорить о стремлении сохранить памятники для будущих поколений.

Так, Петр I предписал передать в Кунсткамеру “для курьезите” и “памяти на предбудущее время” военную реликвию — медное пушечное ядро, а также серебряный ключ от города Дербента (5).

С этим же стремлением связан и первый указ о специальном строительстве сооружений в память исторических событий — указ Петра I о постройке на месте Полтавской битвы монастыря и каменной пирамиды в память победы над шведами, изданный в июле 1709 года. Были предприняты также меры по сохранению “потешной флотилии”, построенной на Плещеевом озере при личном участии Петра I в 1688-1692 годах. 7 февраля 1722 г. Петр приказал переяславским воеводам: “Надлежит вам беречь остатки кораблей, яхт и галер. А буде опустите, то взыскано будет на вас и на потомках ваших, яко пренебрегши сей указ” (6).

По сведениям А.М.Разгона, этот указ имел предысторию. Ещё в 1702 году был отдан приказ Переяславскому воеводе “с реки Трубеж поднять на берег три судна и поставить в удобных местах грацкими и уездными людьми”, затем последовало повеление “те суда осмотреть и описать, каким званием они устроены и каковы мерою в длину и ширину, и что к ним каких канатов и весел и якорей и иных всяких припасов по судам порознь, и поставлены в удобных местах и дранью покрыты ль и та крышка и иное всякое о тех судах строение впредь прочно ль и надежно и кому те суды для бережения отданы, а описные книги велено подать в Разряд” (7). По-видимому, эти распоряжения не выполнялись, что и повлекло за собой издание вышеназванного указа, после издания которого в Переславе, на реке Трубеж построили два сарая, в которые поместили оставшиеся суда. После пожара 1783 года уцелел лишь бот “Фортуна”, для хранения которого в 1803 году около Плещеева озера было специально выстроено здание музея(8). Сохранен был для будущего поколения и петровский ботик, специальный указ о котором, изданный 2 сентября 1724 года, гласил: “...ботик Августа в 30 числе для торжествования выводить повсегодно на воду и иметь при Александро-Невском монастыре” (9).

В 1724 году, по указу Петра I, по Российской империи был разослан вопросник, по которому предполагалось составление географическо-

го описания России. В анкете большое место занимали вопросы по географии, истории и этнографии, что создавало возможность получить сведения о многих памятниках (10).

Задача описания памятников ставилась и в первых указах, положивших начало выработке законодательных мер по охране памятников древности. В силу того, что этот период характеризуется проявлением бурного интереса к коллекционированию, первые указы об охране древностей распространялись в первую очередь на вещественные памятники, и если в 1716 году был издан указ, касающийся сбора "куриозных" предметов и о присылке их в Петербург (11), то в указе о сдаче старинных редкостей комендантам от 13 февраля 1718 года ставилась задача сохранения тех же предметов, но уже найденных в земле или в воде: *"...Ежели кто найдет в земле или в воде какие старые вещи, а именно: камень необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенным, также какие старые подписи на камнях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, також бы приносили, за что давана будет довольная дача, смотря по вещи, понеже не видав, положить нельзя цены..."* (12).

Распоряжение от 11 июня этого же года уточняло размер вознаграждения за найденные предметы и, что особенно важно, предписывало делать чертежи, фиксирующие условия находки: *"За человеческие кости за все (ежели чрезвычайного величества) тысячу рублеф, а за голову пят сот рублеф. За денги и протчие вещи, кои спотписью, вдвое чего оне стоят. За камни спотписью по разсуждению. Один гроб скостми привести не трогая. Где найдутца такие, всему делать чертежи как что найдут"* (13).

Деятельность по охране памятников древности в XVIII веке в значительной мере определил ещё один указ Петра I — об учреждении Академии наук в 1724 г. Именно Академия наук стала учреждением, начавшим планомерное исследование России, одним из направлений которого явилось выявление и изучение памятников древности, происходившее, в первую очередь, в организуемых Академией наук экспеди-

циях. Другим видом работ, направленных на полномасштабное описание страны, были анкетные обследования.

Расширению знаний об отечественных памятниках способствовала активная деятельность В.Н.Татищева, разработавшего “Предложения о сочинении истории и географии Российской” (14) — анкету из 198 вопросов, ответы на которые могли существенно расширить представления о памятниках древности. Сведения о памятниках давали также документы генерального межевания, проводившегося с 1760-х годов и завершённого в большинстве губерний к концу XVIII века, а также материалы “Топографических описаний” ряда губерний. Однако в XVIII веке была опубликована лишь часть описаний (15). Многие же из них остались в рукописях и, таким образом, не могли оказать реального воздействия на деятельность по сохранению перечисленных в них памятников, организация которой после Петра I вперёд практически не продвинулась, хотя и были приняты отдельные постановления, развивающие петровские указы о сохранении вещественных и документальных памятников старины. Кроме того, при Елизавете Петровне в многочисленных указах “о починке казенных строений” впервые формулировались “реставрационные” задачи, но они были направлены преимущественно на сохранение внешнего вида здания, а не самого архитектурного памятника — здания разрешалось ломать и затем восстанавливать “таким же видом как прежде были”, “без всякой отмены” (16). С этой целью составлялись тщательные обмеры, зарисовки и описи, что являлось шагом вперед в развитии представлений о необходимости сохранения памятников старины, но при этом отсутствовало понятие подлинности древнего здания — основное понятие в сфере охраны памятников истории и культуры. В результате подобных представлений во второй половине XVIII века многие древние строения были утрачены, в частности, при строительстве Кремлёвского дворца по проекту В.И.Баженова. Также продолжались бесконтрольные переделки и неквалифицированные поновления, искажающие подлинный вид архитектурных памятников.

Среди документов, свидетельствующих о сохранении архитектурных памятников в первую очередь по причине их древности, можно отметить лишь определение Синода от 16 января 1786 г. о необходимости финансирования ремонта Успенского собора г. Дмитрова из казённых средств, в

котором на требование указа Екатерины II об уведомлении “по какой причине остался состоящий в городе Дмитрове Успенский собор сверхштатным и буде в том городе Дмитрове есть другие приходские церкви, то настоит ли в нем надобность и для каких резонов починивать оный из казенных денег...” Синод приказал сообщить в Сенат, “...что как из представления преосвященного Переславского открылось, что в городе Дмитрове Успенская церковь с приделами построена во время основания города Дмитрова 1154 г. более шести сот лет самую древнюю архитектуру... то по таковым обстоятельствам, не упраздняя вышеозначенной соборной церкви, особливо ж в рассуждении ее древности, св. Синод полагает остаться ей по прежнему, а определение на исправление оной денежной суммы представляет на рассмотрение Сената” (17). В остальном, некоторые указы и распоряжения Синода способствовали сохранению древних церковных памятников, но принимались они по основаниям, никак не связанным с этой проблемой.

Таким образом, XVIII век знаменателен в истории охраны памятников истории и культуры прежде всего тем, что в этом веке впервые осознанно поставлен вопрос о необходимости сохранения памятников древности, а также признана необходимость сохранения исторических реликвий современности для будущих поколений. Но в то же время следует признать, что эта постановка вопроса касалась прежде всего вещественных памятников - предметов декоративно-прикладного искусства, “куриозных” предметов, найденных в земле, а также памятников письменности, необходимых для написания истории российского государства, ценность же архитектурных памятников не осознавалась в полном объеме, принимались меры по охране лишь отдельных построек, вызванные субъективными факторами в большей степени, чем их древностью и, кроме того, практически не принималась во внимание подлинность памятника, результатом чего явилась утрата многих древних памятников архитектуры или существенное их искажение. Определяющими факторами в развитии деятельности государства по охране памятников истории и культуры в это время являлись прежде всего развитие исторической науки и связанные с ней исследования страны. Однако, поскольку направления этой деятельности определялись российским

монархом, то говорить о государственной политике в области охраны памятников древности в XVIII веке можно лишь в контексте наличия или отсутствия понимания императором этой проблемы, его пристрастий и антипатий, личной образованности и художественного вкуса, то есть субъективных факторов. Собственно же государственная политика, предполагающая наличие системы охраны памятников и органов, её осуществляющих, в это время ещё не сложилась.

Начало формирования системы государственной охраны памятников связано с реформами Александра I, преобразовавшими коллегии в Министерства. Впервые вопросы, связанные с памятниками древности, были поручены конкретному центральному государственному учреждению — Министерству внутренних дел, при котором в 1812 г. был создан Строительный комитет, занимавшийся вопросами строительства в Российской империи. Однако при этом дворцовое строительство не входило в компетенцию данного комитета. Вопросы церковного строительства также были сосредоточены в другом ведомстве — техническо-строительном комитете при хозяйственном управлении Синода. Действующие крепости находились в ведении Военного департамента (18).

Эти реформы мало повлияли на состояние проблемы охраны памятников в целом. Ведущая роль в её разработке принадлежала, в основном, отдельным исследователям и образующимся в это время научным обществам и первым музеям.

Отечественная война 1812 года привела к значительному подъёму национального самосознания и, соответственно, усилению интереса к отечественной истории, что не могло не сказаться и на отношении к памятникам прошлого. Прежде всего, оно проявлялось в стремлении сохранить и отметить сооружением монументов места боевой славы русского оружия — появились памятники в честь Полтавской победы, был сооружен памятник Мину и Пожарскому в Москве, приступили к сбору средств на возведение колонны на Куликовом поле. Кроме того, проявилось желание сохранить для памяти будущих поколений и сами памятники Отечественной войны 1812 года. В то же время внимание правительственных структур к этим вопросам было явно недостаточным. Низкая эффективность правительственных мер по охране па-

мятников старины, недостаточность этих мер имела ряд объективных причин, одной из которых являлось само отношение русского общества к памятникам культуры, не осознавшего ещё к тому времени необходимости сохранения всех видов памятников вне зависимости от времени их происхождения или архитектурного стиля. Вопрос о том, что именно необходимо сохранить для потомства, в это время для многих оставался неразрешимым, понимания ценности некоторых, в особенности архитектурных, памятников не было и этому есть множество примеров.

Так, в 1817 г. Н.М.Карамзин написал “Записку о достопамятностях Москвы”, в которой, в частности, приводились сведения о времени постройки Кремля, а также некоторых церквей и других зданий. В “Записке” говорится об окрестностях Москвы — Коломенском, Царицыне, Архангельском, Останкине, Кускове, Дубровицах, но Коломенское, с точки зрения Карамзина, “славно плодовитыми садами”, знаменитая церковь Вознесения даже не названа. О Царицынском дворце Карамзин писал, что “Екатерина...в досаде велела сломать Баженовский дворец и построить этот новый, который еще хуже сломанного”, а Останкино примечательно “разве близостью к городу. Дом велик, в украшении заметен мелочный вкус”. О храме Василия Блаженного Карамзин писал как о “готической церкви”, отмечая лишь, что “она воздвигнута Иоанном Грозным в память завоевания Казанского царства” (19).

В 1826 г. издана статья В.И.Григоровича “О состоянии художеств в России”, в которой он пишет: “Пусть охотники до старины соглашаются с похвалами, приписываемыми каким-то Рублевым... и проч[им] живописцам, жившим гораздо прежде времен царствования Петра: я сим похвалам мало доверяю... Художества водворены в России Петром Великим” (20).

Ряд характерных примеров, иллюстрирующих непонимание обществом ценности памятников русской архитектуры, приведён А.А.Формозовым (21). Из этих примеров стоит отметить высказывания К.Н.Батюшкова, заявлявшего в 1810 г.: “Я за все русские древности не дам гроша. То ли дело Греция? То ли дело Италия?”. В.Ф.Одоевского, говорившего, что он “никогда не верил в существование наших древно-

стей”, дипломата Д.Н.Свербеева, отмечавшего в своих мемуарах, что в 1826 г. он “напрасно в Пскове искал... глазами каких-нибудь следов его достопамятного по летописям прошедшего — в нём решительно не на чем было остановить внимание проезжего”, а также А.И.Герцена, который, говоря о Новгороде, отмечал, что он “невыносимо скучен”, “в нем не осталось ничего старинного русского”, “здания, пережившие смысл свой, наводят ужас” (22). Аналогичные настроения владели также и видными государственными деятелями. В связи с этим первые попытки сохранения памятников архитектуры были сделаны в отношении древностей Крыма, так как необходимость их сохранения как памятников античной культуры была для русского общества того времени наиболее очевидной.

Вопрос об охране памятников отечественной архитектуры на государственном уровне был поставлен позднее, уже при Николае I, что во многом было связано с проводимой им политикой, в основе которой лежала теория “официальной народности”. Поступавшие сведения о разрушениях архитектурных сооружений, отсутствие представлений о масштабе этих разрушений и о реальном наличии памятников в российских губерниях обусловили необходимость принятия мер по выявлению памятников архитектуры на местах с целью последующей организации их охраны. Первой такой мерой стал циркуляр МВД, изданный 31 декабря 1826 года по повелению императора (23). Он предписывал гражданским губернаторам доставлять сведения о наличии и состоянии в губерниях древних зданий, а также запрещал разрушать такие здания. Этот документ намечал достаточно масштабную для того времени программу выявления и обследования памятников архитектуры.

Из положений циркуляра видно, что он представлял собой попытку центральных властей получить всеобъемлющие данные об одном из видов памятников старины — памятниках архитектуры — для последующей организации их охраны. Материалы, поступившие в Министерство внутренних дел во исполнение данного распоряжения, были частично опубликованы в “Журнале МВД” (24) и послужили основой для предпринятого в 1839-1841 гг. А.Г.Глаголевым “Краткого обозрения древних русских зданий и других отечественных памятников”. Первая

часть обозрения представляла собой описание древних оборонительных сооружений по 24 губерниям (25), вторая часть содержала сведения о памятниках культового водчества (26). Несмотря на то, что в “Краткое обозрение” Глаголевым были включены только наиболее примечательные с его точки зрения памятники, оно содержало весьма ценные сведения о памятниках архитектуры, в том числе исторические данные о времени их сооружения и последующих перестройках, а также фиксировало состояние памятников на момент составления обозрения. В этом состояло основное практическое значение труда Глаголева, так как на его основании можно было впоследствии сделать вывод об эффективности мер, предпринятых для сохранения памятников. Кроме того, “Краткое обозрение” фактически стало первым целенаправленно составленным списком памятников архитектуры, дающим представление о том, что именно нуждается в охране. К недостаткам опубликованного Глаголевым обозрения следует отнести то, что не все поступившие в МВД материалы нашли отражение в этом списке, что сказалось на его полноте, а также отсутствие других видов памятников, в частности, памятников археологии и истории. Но, справедливости ради, нужно отметить, что такая задача перед Глаголевым и не ставилась, в чём сказалось недостаточное в то время представление правящих кругов обо всём многообразии культурного наследия, подлежащего охране.

Полученные по циркуляру материалы свидетельствовали о неблагоприятном положении в российских губерниях в сфере сохранения культурного наследия. Многие архитектурные сооружения требовали реставрации, о чём докладывали губернаторы, доставляя сведения о памятниках и *“препровождая планы и фасады древних зданий, испрашивали разрешения, исправить или починить оные по сделанным на месте сметам.”* (27). Всё это обусловило необходимость издания ещё одного циркуляра МВД, посвящённого проблемам сохранения древних зданий. Через год после предыдущего, 14 декабря 1827 г., такой циркуляр был направлен гражданским губернаторам. Им предписывалось *“...присылать в Министерство внутренних дел планы, фасады и сметы на... исправления, с обстоятельным описанием повреждений или ветхостей и с изъяснением, для чего именно исправление оных*

нужно” в тех случаях, когда необходимо “исправить какое-либо древнее здание..., и когда исправление таковое не может быть произведено на счет суммы, ежегодно на исправление и поддерживание казенных зданий ассигнуемой” (28). Таким образом, при решении вопросов о ремонте и перестройке памятников архитектуры предусматривалась необходимость согласования центрального правительственного органа, в ведении которого находились эти вопросы, но оговорка о финансовой стороне проблемы говорила скорее о том, что согласование необходимо в первую очередь для рассмотрения вопроса о целесообразности выделения на реставрационные работы средств из казны. О важности проведения реставрации зданий без нарушения их первоначального вида в этом документе речь не идёт. Это подтверждается и императорской резолюцией по докладу МВД об “исправлениях древних зданий”, гласившей: “разрушать их не должно, но и чинить ненужного не надобно; а поддерживать одне ворота или такие здания, в которых есть нужные помещения” (29). Таким образом, проявления научного подхода к сохранению памятников, заложенные в циркуляре 1826 года заменялись, в определённой степени, подходом утилитарным, в связи с чем данный циркуляр не улучшил состояние рассматриваемой проблемы.

В 1832 году положения названных циркуляров были законодательно подтверждены в “Уставе строительном”, одна из статей которого гласила: “Строжайше воспрещается разрушать остатки древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности, под ответственностью за нарушение сего Начальников Губерний и местных Полиций”. Следующая же статья предусматривала, что “из зданий сего рода исправляются и починиваются только те, в коих есть какая либо помещения; в прочих же починиваются и поддерживаются только ворота” (30). Был также установлен порядок починки или перестройки церквей, по которому эти действия разрешались епархиальными архиереями, при этом если работы финансировались из казны, то проекты перестроек должны были рассматриваться в МВД, если же перестройка производилась за счёт прихожан, то достаточно было рассмотрения проекта местными губернскими архитекторами (31). О необходимости

сохранения прежнего вида древних церквей в случае их перестроек в данном документе упоминаний нет.

Эта ситуация была исправлена в 1841 г., когда в Устав духовных консисторий было внесено положение, согласно которому епархиальное начальство должно было наблюдать, *“чтобы старинные церкви, замечательные в каком-либо отношении историческом, возобновлялись с сохранением прежнего вида”* (32). Годом позже был изменен и порядок согласования перестройки церквей. Это было связано с тем, что до Николая I дошли сведения, *“что в некоторых древних соборах древняя живопись на стенах заменяется новой и вообще не сохраняется как следует”*, в результате чего император *“повелеть соизволил принять надлежащие меры, чтобы вообще древний, как наружный, так и внутренний, вид церквей сохраняем был тщательно, не позволяя никаких произвольных поправок и перемен без ведома высшей духовной власти”* (33). Во исполнение этого распоряжения 31 декабря 1842 г. Синодом был издан указ, по которому все предложения *“местных духовных начальств о обновлении всех вообще церковных памятников древности (в чем бы таковое обновление ни заключалось) представляемы были на предварительное рассмотрение Святейшего Синода с приложением подлежащих описаний и чертежей”* (34), а указом от 20 апреля 1843 года было запрещено возобновление и изменение живописи в древних церковных зданиях (35).

Но, как показывала практика того времени, достаточное количество распоряжений об охране памятников не спасало их от разрушения, в том числе и самими государственными структурами. Время от времени выдвигались идеи и предложения о ломке и перестройке многих замечательных памятников. Так, ещё в 1818 году было предложено полностью разрушить уникальный архитектурный ансамбль Ростовского кремля и построить на его месте Гостиный двор и хотя этот проект осуществлен не был, памятники кремля всё же пострадали: были разобраны верхняя часть Часобитной башни и второй этаж Красной палаты (36). Разрушался и сам ансамбль. Свидетельством этому могут служить слова сенатора П.А.Шульца, писавшего в начале 1850-х годов о том,

что “...церкви и здания Ростовского кремля представляли прискорбную картину разорения и запустения... Белая и Красная палаты, переходы и церкви стояли без крыши и окон с провалами в полах и сводах, в домово́й — крестовой сохранилась только большая — во всю стену — фреска, несмотря на поливавший ее дождь и снег, когда в части “палат” были склады вина, соли и дров” (37).

В 1838- 1849 гг., в ходе очередного строительства Большого Кремлёвского дворца, были разобраны все прежние дворцовые здания, кроме Теремного дворца, Грановитой и Малой Золотой (Царицыной) палат (38). При этом почти всё убранство Теремного дворца после проведённой в 1836 г. так называемой “реставрации” представляло собой новodelы, созданные по рисункам Ф.Г.Солнцева (39). В Закавказье продолжали разрушаться ценные памятники средневекового зодчества — нахичеванские мавзолеи XII века, Дворец ширваншахов в Баку, которые использовались часто как складские помещения (40). В Нижнем Новгороде в 1830 году был разобран кремлевский Спасо-Преображенский собор XIII-XVII вв., в котором был захоронен прах К.Минина. На этом месте к 1835 г. был построен новый собор “в прежнем виде” (41), выдававшийся впоследствии за древний. Серьёзный ущерб Дмитриевскому собору во Владимире нанесла “реставрация”, проведённая в 1837-1839 гг. по распоряжению Николая I, в результате чего собор лишился интереснейших частей (42).

Во многом к значительным перестройкам и разрушению памятников архитектуры, большинство которых являлось памятниками древнего храмового зодчества, приводило отношение к ним представителей церковных властей, не желавших признавать в них памятники старины. По этому поводу неоднократно высказывались деятели русской науки и культуры. Так, например, в 1829 году И.М.Снегирев писал М.П.Погодину: “Более всего терпят древние церкви наши от нелепых пристроек и своенравных перестроек попа и старосты вместе с комиссиею строения”. В 1840 году сам Погодин, ссылаясь на указы Николая I о сохранении памятников старины, попросил архимандрита Рафаила, настоятеля Кирилло-Белозерского монастыря, сохранить древнюю живопись и получил ответ: “Вы, историки, судите по-своему,

а богомолы — по-своему, вы любите ветхости, а те относят их к нерадению настоятелей". А.С.Хомяков писал А.В.Веневитинову в 1845 году о том, что *"...все церкви московские испорчены усердием православных, вечно пристраивающих приделы"* (43).

Нередко устройство приделов являлось началом серьёзной перестройки храмов и монастырских комплексов. Так, один из новых приделов был пристроен к соборному храму XVII века в Московском Страстном монастыре по определению Синода, сообщенному московскому митрополиту Филарету 8 февраля 1844 года (44), а спустя пять лет, 7 декабря 1849 г., он направил донесение Синоду, в котором ходатайствовал о разрешении на перестройку колокольни Страстного монастыря, обосновывая это тем, что *"в здании колокольни Страстного девичьего монастыря... с примыкающими к ней боковыми корпусами имеющиеся повреждения время от времени все более увеличиваясь, обнаружались, наконец, трещинами в длину и вышину стен, арок, сводов и перемычек над окнами и даже уклонением стен от отвесной линии, а потому изумения признает необходимым все обветшавшее здание колокольни разобрать и вместо оных соорудить вновь колокольню с двумя по бокам оной корпусами по составленному архитектором Быковским плану и фасаду"* (45). В 1849 году этот проект был рассмотрен и одобрен Правлением IV Округа Главного управления путей сообщения и публичных зданий, что свидетельствовало о том, что вопрос об охране монастырских строений XVII века как памятников даже не ставился. В итоге, было дано заключение, санкционировавшее снос существующей и строительство новой колокольни. В этом заключении, помимо прочего, также отмечалось, что колокольня и боковые корпуса не могут принадлежать к памятникам древности (46). Никаких критериев либо иной аргументации этого утверждения при этом не приводилось. 24 марта 1850 г. проект строительства новой колокольни был утвержден императором (47) и в 1850-1855 гг. она была построена.

Не все однозначно восприняли появление нового сооружения на одной из центральных площадей Москвы: снос старой колокольни и строительство новой некоторые считали неоспоримым благом, некото-

рые - варварством. Так, Алексей Константинович Толстой в 1860 году писал Александру II: *“На моих глазах, Ваше величество, лет шесть тому назад в Москве снесли древнюю колокольню Страстного монастыря, и она рухнула на мостовую, как поваленное дерево, так что не отломился ни один кирпич, а на ее месте соорудили новую псевдорусскую колокольню”*. Этими строчками Толстой иллюстрировал основную мысль своего письма в защиту древних архитектурных памятников о том, что *“именно духовенство — отъявленный враг старины, и оно присвоило себе право разрушать то, что ему надлежит охранять, и насколько оно упорно в своем консерватизме и косно по части идей, настолько оно усердствует по части истребления памятников”* (48). В этом письме А.К.Толстой справедливо отметил, что церковные власти разрушают то, что должны охранять, так как вопросы охраны церковных памятников находились в ведении Синодального ведомства, а не МВД.

Все эти факты свидетельствовали о неблагоприятной ситуации, сложившейся в деле охраны памятников архитектуры к середине XIX века. Что же касается памятников истории, то в 1830-х гг. были приняты некоторые меры по охране памятников Отечественной войны 1812 года. В 1839 г. на Бородинском поле был захоронен прах П.И.Багратиона (49). В этом же году был издан указ Николая I, который предусматривал назначение двух инвалидов *“для надзора за порядком и чистотой при Бородинском памятнике”*. Этот памятник был заложен в 1837 г. в день 25-ой годовщины Бородинского сражения и открыт через два года, 26 августа 1839 г (50). Он, вместе *“с состоящим при нем инвалидным домиком”*, передавался в ведение Комитета для оказания помощи раненым воинам, учрежденного в 1814 году. Те же меры должны были осуществляться и в отношении других памятников Отечественной войны (51).

Помимо памятников военной истории, в 1834 году, когда в Воронеже был учрежден Комитет о сооружении памятника Петру I, было обращено внимание Губернского начальства на частный деревянный дом в г. Валуйки Воронежской губернии, в котором император останавливался проездом в 1699 г. во время Азовских походов, и в дальнейшем

ежегодно “отпускалася сумма 239 р. 75 к. ассигнациями на исправление того дома с обязательством владельцем без дозволения начальства дом тот не продавать” в целях сохранения этого дома, как писал в МВД Воронежский губернатор, “в том виде, в каком он существовал в эпоху жизни Императора Петра I, чтобы сохранить в народе воспоминание о мудром Монархе” (52). Этот факт является, пожалуй, одним из первых проявлений понимания возможности и необходимости сохранения зданий в качестве памятников истории вне зависимости от их времени сооружения и архитектурно-художественной ценности.

Таким образом, несмотря на принимающиеся меры и определённые шаги вперёд в сфере охраны памятников культуры, имелись и серьёзные недостатки в области государственного управления процессами сохранения культурного наследия России. В поисках возможных путей устранения этих недостатков правительством были проведены некоторые организационные мероприятия. В частности, в 1842 г. в Строительный Устав были включены “Особенные правила о сохранении и починках древних зданий”, положения которых были закреплены в Уставе, вошедшем в Свод законов Российской империи издания 1857 г. В нём строго запрещалось “разрушать остатки древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности” и устанавливалась ответственность “за нарушение сего начальников губерний и местных полиций”, однако по-прежнему провозглашалась необходимость реставрировать только те здания, “в коих есть какие-либо помещения”, а в остальных — только ворота. Эти вопросы перепоручались Главному управлению путей сообщения, которое для их решения должно было взаимодействовать с МВД (53). Тем самым несколько усложнялась процедура рассмотрения дел о реставрации древних зданий, так как появлялся новый государственный орган, в обязанность которого вменялись вопросы сохранения памятников.

Создание параллельной структуры в целом не способствовало лучшей организации охраны культурного наследия, так как охранные функции стали распределяться уже между несколькими ведомствами, что порождало определённые сложности, связанные с необходимостью ко-

ординации действий, и, следовательно, затрудняло государственное управление процессами сохранения памятников древности. С другой стороны, именно Главное управление путей сообщения создало сеть своих региональных органов, которым поручались вопросы охраны памятников на местах. Эта мера, несомненно, имела прогрессивный характер и должна была положительно сказаться на организации охраны памятников как на местах, так и в масштабе всего государства, ибо через региональные органы государственной власти, подчинённые центральному, можно было эффективнее, чем напрямую из центра, управлять деятельностью по сохранению культурного наследия страны. Однако в силу специфичности такой деятельности и межведомственной раздробленности полномочий по её осуществлению, реальное положение дел в сфере охраны памятников старины к середине XIX века существенно не изменилось. На это влияло ещё и то обстоятельство, что, как видно из вышеизложенного, ни центральные государственные учреждения, ведавшие вопросами охраны памятников, ни их органы на местах не обладали подготовленными специалистами, компетентными в рассмотрении и решении многих весьма неординарных задач, возникающих в процессе осуществления мероприятий, направленных на сохранение российских древностей.

Правительству Николая I решить эту проблему не удалось. Научные общества, созданные в это время, пытались оказывать, по мере возможностей, влияние на властные структуры с целью защиты памятников от разрушения и иногда им это удавалось. Однако они были лишены возможности прямого запрета действий, наносящих ущерб памятникам, а также непосредственного воздействия на те организации, от которых зависело принятие подобных решений. Самостоятельные же действия этих обществ в то время не приносили осязаемых результатов. Решить эти проблемы была призвана Императорская Археологическая комиссия, созданная в 1859 году.

Несмотря на то, что Положением об Археологической комиссии (54) не предусматривалось прямое возложение на неё обязанностей по охране памятников архитектуры, правительственные учреждения, в том числе и ведающие вопросами охраны памятников, признавали компетентность Археологической комиссии по более широкому кругу

вопросов, связанных с охраной памятников древности, а не только в организации археологических раскопок. Однако при этом действия Комиссии объективно свидетельствовали о ещё не сложившемся у неё понимании безусловной необходимости сохранения памятников древнего зодчества; археологические проблемы по-прежнему являлись приоритетными для Комиссии. Не проявляла интереса Археологическая комиссия и к памятникам российской истории. По мнению автора, недостатки в её работе можно объяснить объективными причинами. Само понятие “памятника древности, подлежащего охране” в то время ещё не сложилось, не были определены критерии, по которым объект историко-культурного наследия мог быть отнесён к числу памятников, в связи с чем вопросы, связанные с необходимостью сохранения этих объектов, решались, исходя из субъективных представлений отдельных специалистов, особенно в тех случаях, когда они не касались памятников археологии. В связи с этим определение понятия “памятника древности”, круга памятников, подлежащих государственной охране, становилось насущной необходимостью. Действенно решить этот вопрос стало возможно только на законодательном уровне. Все эти объективные предпосылки привели к появлению первых специальных законопроектов, направленных на сохранение памятников древности.

Появление первых законопроектов по охране памятников древности связано с активной деятельностью Московского археологического общества, по инициативе которого стали проводиться Всероссийские археологические съезды. Уже на первом съезде, состоявшемся в Москве в 1869 г. был представлен разработанный в МАО первый “Проект мер охранения памятников старины” (55). Он не носил характер готового законопроекта, а лишь намечал те меры, которые необходимо принять “для сохранения памятников старины от повреждения или от разрушения”. Главное научное и практическое значение данного проекта состояло в постановке задачи составления списков памятников как основы для организации их охраны, ибо без официальной регистрации зданий и других объектов культурного наследия как памятников древности, распространение на них общих положений законодательства об охране памятников являлось проблематичным. В этом проекте была

также предпринята попытка объединить общественную и государственную охрану памятников древности с учётом сложившейся к этому времени её системы. Основная ответственность при этом, возможно, вполне справедливо, всё же возлагалась на научную общественность, ибо в археологических обществах работали энтузиасты, заинтересованные в сохранении памятников старины, в отличие от многих правительственных структур, где этими вопросами занимались по обязанности.

Идеи “Проекта мер охранения памятников старины” были приняты I Археологическим съездом за основу. В доработанном виде он был представлен II Археологическому съезду в 1871 году, после одобрения которого направлен на рассмотрение ряда учреждений. В связи с тем, что мнения по проекту разделились, при Министерстве народного просвещения была создана комиссия по доработке данного законопроекта под председательством князя А.Б.Лобанова-Ростовского, которая представила свой “Проект правил о сохранении исторических памятников” (56). Центральное положение в проекте занимали вопросы создания, организационного устройства и порядка работы специального государственного органа охраны памятников — Императорской Комиссии о сохранении исторических памятников, учреждаемой при Министерстве народного просвещения. Впервые была рассмотрена финансовая сторона проблемы, однако именно эта положительная сторона проекта его и сгубила — министр финансов М.Х.Рейтерн категорически отказал в выделении средств на содержание Комиссии о сохранении исторических памятников. На некоторое время попытки составления подобных законопроектов были приостановлены, но тем не менее, заложенные в них идеи оказали влияние на понимание государственными структурами путей улучшения организации охраны памятников древности. В результате в последней четверти XIX века ими был принят ряд указов и распоряжений, некоторые из которых положительно отразились на решении этих проблем.

В частности, по указу Александра III, принятому в 1889 г. (57), Археологическая комиссия получила исключительное право проведения и разрешения археологических раскопок и, кроме того, реставрация памятников древности стала возможна только по согласованию Археоло-

логической комиссии и Академии Художеств. Принимавшиеся этими ведомствами меры значительно улучшали организацию охраны культурного наследия, но не решали всех её проблем. Благополучие в деле охраны памятников истории и культуры в России конца XIX века достигнуто не было. Разрушение и искажение памятников не прекращалось. Так, в 1880-х гг. был разрушен памятник архитектуры XVII в. - колокольня при церкви на Пречистенском бульваре (58), в 1896 г. в результате так называемой "реставрации" был сильно искажён облик одной из древнейших башен Нижегородского кремля (59), в конце столетия по аналогичным причинам лишились фресок XII века новгородский Софийский собор и Спасо-Преображенский собор Переяславля-Залесского (60). Не был составлен список всех памятников старины, что затрудняло деятельность по их сохранению. Всё это вновь поднимало проблему разработки законопроекта об охране памятников, а также ставило задачу их выявления для формирования сводного списка.

Конкретные действия в этом направлении были предприняты уже в XX веке. Одним из них явилось издание в 1901 г. циркуляра МВД (61), предписывавшего губернаторам составить и направить в МВД список памятников с приложением их подробных описаний, фотографий и планов. В результате сведения были получены из 89 губерний и областей, 9 городов и о. Сахалина, то есть почти от всех регионов страны. Всего же было выявлено и зарегистрировано 4108 памятников, из них 2456 памятников архитектуры (62). В губерниях была проведена систематизация памятников по различным видам и оформлен список в виде таблицы. Однако, следует заметить, что в самом МВД полученные списки так и не были сведены воедино. Не была решена в них и уже ставшая в то время актуальной проблема определения критериев ценности памятников, в соответствии с которыми памятники могли быть отнесены к различным категориям значимости.

Последний факт был отмечен и в постановлении Государственного Совета, утвержденном 27 мая 1902 г. императором Николаем II. Поводом к нему послужила жалоба Муромского городского головы на постановление Владимирского губернского присутствия по земским и городским делам, отменившее постановление Муромской городской думы "об от-

казе в поддержании древней Космодамианской церкви в городе Муроме Владимирской губернии”. Рассматривая эту жалобу, Государственный Совет “остановился на значении Космодамианской церкви как памятника старины”. Проанализировав статьи об охране памятников действовавшего в то время Строительного устава, Госсовет сделал вывод, что “...приведенные постановления не различают памятников и зданий древности по их значению - местному или общегосударственному. Между тем, необходимо установить порядок отнесения памятников старины к той либо другой из указанных категорий, так как, в зависимости от их значения, они могут вызывать различные мероприятия, относительно которых, однако, в законе надлежащих указаний не имеется”. На основании этих выводов, впервые появившихся в государственных актах, касающихся проблем охраны памятников, “признавая необходимым восполнить этот пробел”, Государственный Совет предписал министру внутренних дел “...подвергнуть пересмотру действующия постановления относительно древних памятников и зданий и свои по сему предмету предположения внести, по сношении с кем следует, на законодательное разрешение” (63). Таким образом, вновь, но уже на самом высоком уровне, была высказана необходимость подготовки закона об охране памятников древности и дано поручение о его разработке, согласно которому в конце 1904 г. МВД учредило соответствующую Комиссию (64).

Итогом пяти заседаний Комиссии в феврале - апреле 1905 года стала выработка “Основных положений, выработанных Комиссией по пересмотру действующих постановлений об охранении древних памятников и зданий”. Эти “Основные положения” распространяли своё действие “в равной мере... на памятники движимые и недвижимые” и предписывали органам охраны памятников составить “общий поименный список всех памятников древности, подлежащих охранению”, а до составления такого списка в отношении недвижимых памятников признавали, “что по истечении 150-летнего периода существования, каждый памятник становится памятником древности, подлежащим охранению” (65). “Основными положениями” предусматривалось двойное разделение памятников древности

на две группы: с одной стороны, такое разделение памятников было обусловлено порядком их охраны - к первой группе относились *“все те памятники, которые имеют первостепенное археологическое, историческое или художественное значение и поддержание коих должно составлять предмет особой заботливости государства”*, ко второй группе — *“все остальные памятники, подлежащие охранению”*; с другой стороны, памятники, в соответствии с порядком финансирования деятельности по их сохранению, также делились на две группы: *“1) памятники, коими пользуются для своих надобностей различные ведомства и учреждения, средствами которых они и должны поддерживаться, и 2) не находящиеся в пользовании особых ведомств и поддерживаемые средствами охранительных органов”* (66). Как и предыдущие законопроекты, “Основные положения” предполагали разделение Российской империи на археологические округа, которых по этому проекту насчитывалось пятнадцать (67). Ответственность за организацию охраны памятников возлагалась в этих округах на научные общества и другие подобные организации.

Ряд вопросов не был решен Комиссией по пересмотру законодательства об охране памятников и по ним было высказано желание *“выслушать мнение компетентных учреждений”*. Нерешенными проблемами являлись, к примеру, вопросы о возможности распространения действия законодательства об охране памятников древности на памятники, находящиеся в частной собственности, необходимости создания новых местных органов охраны памятников и их функций, запрещения вывоза древностей за границу, установления ответственности за нарушение данного закона. “Основные положения” с перечнем нерешенных задач были разосланы Департаментом общих дел МВД в правительственные и научные учреждения на заключение.

В результате к 1908 г. поступили отзывы на выработанный Особой комиссией законопроект из 40 обществ и учреждений, что дало МВД основание для решения о возобновлении заседаний Комиссии, о чём 11 мая 1908 г. директор Департамента общих дел МВД А.А.Арбузов сообщил председателю Техническо-строительного комитета Министерства, академику Н.В.Султанову, назначенному председателем Комиссии (68).

Комиссия выработала следующие основные положения, которыми должны были руководствоваться её подкомиссии при разработке проекта закона об охране памятников истории и культуры: *“1) необходимость государственной охраны памятников древности; 2) слияние в организации этой охраны отдельных ведомственных интересов; 3) учреждение центрального охраняющего органа, с участием в нем представителей заинтересованных ведомств и 4) право приоритета государства при отчуждении древностей от частных собственников”* (69).

На основании этих положений в течение 1909 года указанный законопроект был разработан и направлен на рассмотрение министерств и ведомств, где он столкнулся с многочисленными осложнениями. Об этом 25 июня 1910 г. товарищ министра внутренних дел С.Е.Крыжановский писал помощнику управляющего делами Совета министров Н.В.Плеве. Основные проблемы были вновь связаны с возражениями Синода, настаивавшего на исключении вопросов охраны памятников церковной древности из сферы действия разработанного закона. Эти возражения подверглись серьёзной критике со стороны Крыжановского. Он отмечал, что если согласиться с точкой зрения Синода, то *“...неизбежным из нее выводом явится признание, что в действительности не имеется надобности ни в каком особом законодательстве по охране древностей”*. Этот вывод Крыжановский аргументировал тем, что *“большинство русских древностей должно быть отнесено к числу церковных”* и, следовательно, если действие закона на них распространяться не будет, то *“...такое действие будет распространяться на столь малый круг предметов, что для него едва ли целесообразно создавать особые охранительные учреждения и вообще принимать особые мероприятия”*. Также он справедливо считал, что *“...если предположить, что для древностей церковных необходима какая-либо отдельная охранительная организация, особая от организации, которая ведала бы охранением древностей нецерковных, то этим устанавливалась бы в деле едином по целям и по самой природе своей не только нежелательная, но и решительно вредная двойственность”* (70).

Основным аргументом, выдвинутым Синодом в защиту своих возражений, являлось мнение о нарушении его прав *“...как собственника*

всех церковных древностей, призванного к их охране преимущественно пред всеми прочими установлениями". Однако права Синода как собственника церковных памятников никак не нарушались. Крыжановский считал, что положения законопроекта направлены на то, "...чтобы обеспечить сохранность церковных древностей в тех случаях, когда способы и средства, находящиеся для сего в распоряжении святейшего Синода, окажутся недостаточными или недействительными", а также отмечал, что данный проект закона "...отнюдь не имеет в виду ограничивать также и права святейшего Синода по распоряжению церковными древностями, во всяком случае, поскольку эти распоряжения не будут противоречить общегосударственным интересам охраны" (71).

Видимо, именно эти "общегосударственные интересы охраны" и вызывали наибольший протест у духовного ведомства, ибо они предусматривали серьёзные ограничения действий по отношению к изменению внешнего облика памятников, а это лишало епархиальные власти возможности беспрепятственно перестраивать церкви и пристраивать к ним приделы. В то же время Синод сам неоднократно издавал распоряжения относительно запрещения самовольной реставрации и перестроек церковных зданий, но, во-первых, эти распоряжения были, как правило, следствием императорских указов и постановлений других органов государственной власти, а во-вторых, оставляли вопросы сохранения церковных памятников за собой. Синод оставлял за собой и право контроля за распоряжениями по их охране, что давало возможность снижения требований к действиям по изменению внешнего вида памятников. Полный же переход всех этих прав к другому государственному учреждению мог лишить синодальное ведомство возможности оказывать влияние на рассмотрение подобных вопросов, что, естественно, не могло быть принято Синодом благосклонно. Вопрос нарушения прав собственности Синода на церковные здания служил скорее поводом к его протесту против положений законопроекта об охране памятников древности, но, как видно из изложенного, такая постановка вопроса не имела под собой реальных оснований.

Несмотря на все сложности, проект "Положения об охране древностей" (72) был внесён на рассмотрение Государственной Думы

29 октября 1911 г. министром внутренних дел А.А.Макаровым. В докладе о проекте закона (73) он дал краткий исторический обзор мероприятий государства по охране памятников древности за два столетия, а затем остановился на основных задачах нового законопроекта.

Согласно этому докладу, мероприятия по охране памятников *“...должны касаться, главным образом, двух существенных сторон дела. Во-первых, должны быть точно установлены нормы материального права охраны древностей и, во-вторых, следует создать особый строй учреждений, которые ведали бы делом охраны”* (74). Но, сделав такое заявление, министр опасался, *“слишком широко ставить вопросы материального права такой охраны”* и *“придавать строю охраняющих древности учреждений какие-либо слишком определенные и законченные формы”*, что уже свидетельствовало об ограниченности нового законопроекта.

Рассматривая вопросы *“материального права охраны”*, Макаров справедливо указал на то, что основным из них является *“...определение тех общих признаков, которые могли бы служить юридическим основанием к признанию предмета древним и потому требующим охраны государства”*. Решение этого вопроса возможно путём регистрации памятников, под которой министр понимал *“...изучение памятников на месте, классифицирование их и занесение в особые реестры, в точном порядке, имеющем все значение юридического акта”*. Это понимание реестра как нормативного юридического акта, являющегося основой охраны памятников было, пожалуй, основным достижением разработчиков законопроекта, которое свидетельствовало о том, что в начале XX века объективно сложилось понимание как задач охраны памятников, так и путей их решения. Главной же проблемой по-прежнему оставалась сложность реального воплощения в жизнь всего намеченного.

Говоря ещё об одном вопросе материального права, связанном с разделением памятников на категории, министр внутренних дел повторил мнение Комиссии, выработавшей проект, о выделении в отдельную категорию памятников, находящихся в пользовании и распоряжении различных ведомств и учреждений, а в другую — памятников, принадлежащих частным собственникам, но в то же время, видимо, под дав-

лением синодального ведомства, определил, что *“...в пределах первой группы действие правил охраны будет, очевидно, иным по отношению к памятникам гражданским, и иным по отношению к тем церковным памятникам, которые представляют собою предметы религиозного почитания...”* (75). Разница в отношении выражалась уже в утверждении о том, что регистрация церковных памятников *“...должна происходить не иначе, как по сношению с местным епархиальным начальством, причем все разномыслия, прежде разрешения дела Комитетом по охране древностей, должны быть вносимы на уважение святейшего Синода...”* (76). Таким образом, многие церковные памятники древности, при нежелании Синода вносить их в реестр, могли остаться беззащитными перед угрозой разрушения и перестроек.

Организация охраны памятников, согласно законопроекту, возлагалась на специальное учреждение — Комитет по охране древностей, находившийся в структуре МВД. В состав Комитета, помимо председателя, должны были войти представители от следующих учреждений: три — от ведомства православного исповедания, по два — от Министерства народного просвещения и Императорской Академии художеств и по одному — от Императорской Академии наук, Императорской Археологической комиссии, Императорской Археографической комиссии, Комитета попечительства о русской иконописи, Техническо-строительного комитета при МВД, Министерств императорского двора, внутренних дел, военного, юстиции, финансов и Государственного контроля. Кроме того, в состав Комитета предполагалось ввести одного члена — по избранию Всероссийского археологического съезда, ещё одного — по избранию областного археологического съезда, пятерых — по назначению министра внутренних дел *“из числа деятелей, известных своими особыми трудами по истории, археологии или искусству”* и ещё двоих — по назначению Синода *“из состава комиссии для описания синодального архива и Техническо-строительного Комитета хозяйственного управления при святейшем Синоде”* (77).

Основные задачи Комитета А.А.Макаровым были сформулированы следующим образом: *“1) объединить дела охраны древностей на*

всем пространстве Империи, в частности -объединить деятельность местных органов; 2) распределить между сими последними денежные пособия для развития их охраняющей деятельности; 3) слить в целях более успешной охраны памятников отдельные ведомственные интересы; 4) образовать орган охраняющей власти и 5) наблюдать за точным исполнением закона об охране древностей на всем пространстве Империи” (78).

Кроме вопросов материального права охраны памятников и функций Комитета по охране древностей, в докладе министра внутренних дел заслуживает внимания установление действий по нарушению закона, за которые предполагалось привлечение к ответственности в судебном порядке. К таким действиям относились: “1) умышленное повреждение или истребление древностей; 2) незаконное изъятие предметов из собраний правительственных мест, музеев и т.п.; 3) вывоз древностей за границу, без надлежащего на то разрешения; 4) производство раскопок с нарушением установленных правил, а также кладоискательство и 5) утайка случайно найденных древностей” (79).

Таковы основные положения, вошедшие в законопроект об охране памятников древности, внесённый на рассмотрение Государственной Думы. Сам текст, как уже было отмечено, подвергся существенной переработке в результате воздействия ряда учреждений и ведомств и в него не вошли многие из предложений Комиссии по разработке законопроекта. Одна из глав “Положения об охране древностей” не случайно была названа “О порядке и пределах охраны древностей”, так как содержала условия, ограничивающие действие данного закона. Две главы были посвящены организационному устройству и функциям Комитета по охране древностей и ещё одна представляла собой очень краткую вводную часть, состоящую всего из трёх статей, фактически дублирующих положения последующих глав. Таким образом, этот законопроект не отличался серьёзной проработкой и по своей сути напоминал, скорее, документ, определяющий устройство нового структурного подразделения одного из центральных министерств (возможный аналог — Положение об Археологической комиссии), а не всеобъемлющий закон, призванный четко организовать охрану памятников древности в масштабе всей страны.

Всё это не могло не сказаться на оценке этого законопроекта организациями, заинтересованными в сохранении памятников российской древности. Так, уже через два месяца после направления в Государственную Думу проекта “Положения об охране древностей”, он стал предметом обсуждения Всероссийского съезда художников, который ходатайствовал о полной переработке данного проекта. Съезд обратил внимание на статьи проекта, предполагающие участие научных организаций в процессе охраны памятников, и нашёл, что оно отражено недостаточно. Критические замечания были высказаны по поводу необходимости согласования с Синодом вопросов постановки на государственную охрану церковных памятников и установки особого порядка охраны таких памятников. На съезде отмечалось, что *“...при общем недостатке у нас вообще сведущих по искусству лиц на местах, тем менее можно ожидать компетентных ценителей в составе тех епархиальных комитетов, к коим предполагается законопроект обратиться”*. Кроме того, *“...местное духовное начальство, как это показывают многочисленные примеры прошлого, часто преследует цели, хотя и важные для него, но находящиеся в разительном противоречии с необходимостью блюсти памятники старины и произведения искусства”* (80). Съезд также предложил повысить предполагаемый размер ассигнований на деятельность по охране памятников.

Решение финансовых вопросов в законопроекте вызвало протест и со стороны Академии художеств, верно полагающей абсолютно нереальной организацию охраны памятников на местах исходя из суммы 500 рублей в год. Также критике подверглись структура Комитета по охране древностей — в его составе было отмечено слишком малое количество специалистов в области сохранения памятников, а также вопросы организации и функционирования местных органов охраны. Исходя из этого, Комиссия Академии художеств под председательством академика П.Ю. Сюзора нашла данный проект существенно не отличающимся от предыдущих, признанных неудачными, *“мало практичным”* и ходатайствовала о возврате проекта в МВД *“...для обстоятельной его разработки в особой комиссии из компетентных лиц с художественным образованием...”* (81).

В самой же Государственной Думе проект рассматривался в специально созданной Комиссии, где у её представителей возникли предло-

жения по дальнейшему ограничению сферы действия данного проекта. Так, статью о государственном приоритете в приобретении памятников у частных собственников, эта комиссия нашла *“весьма оскорбительным стеснением права частной собственности и нарушением частных интересов и очень спорным с принципиальной точки зрения”*, в результате чего рекомендовала при доработке проекта закона учитывать, что *“...все составляющие частную собственность древности изъемятся из действия настоящего законопроекта, а вывоз предметов древности за границу не карается законом и почитается свободным от всяких запретов”* (82). Высказывалось также возражение против права Археологической комиссии производить раскопки на частных землях. Только после внесения соответствующих поправок комиссия представила проект на рассмотрение Думы, но там он практически не обсуждался и был снят с повестки дня (83), а затем передан постановлением Думы от 25 января 1913 г. в Комиссию по направлению законодательных предположений, где рассматривался на заседаниях 19 и 26 октября 1913 года (84).

В итоге, после двухлетнего обсуждения и ряда доработок был подготовлен окончательный вариант проекта *“Положения об охране древностей”*. Следует отметить, что, по-видимому, в результате реакции научной общественности, а также активных действий МАО в него не вошли предложения думской Комиссии для рассмотрения проекта об охране древностей, а некоторые предложения МАО, напротив, были учтены. Устанавливалось, в частности, разделение памятников на две категории — государственного и местного значения. Для организации их охраны, согласно ст. 3 проекта, предполагалось создание центрального и окружных археологических комитетов, в связи с чем в проект вернулась статья из *“Основных положений”* 1905 г. о разделении России на пятнадцать округов с окружными археологическими комитетами во главе. Правда, уже в ст. 4 центральный орган именуется Комитетом по охране древностей, но это говорит лишь о несогласованности статей и не носит принципиального характера, тем более, что в состав комитета включались представители Археологической комиссии, Академий наук и художеств, а число представителей Синода сокращалось с трёх до

одного. Предполагалось в этом проекте и улучшение финансирования мероприятий по охране памятников (85). Таким образом, окончательный вариант проекта "Положения об охране древностей" выгодно отличался от своего предшественника, но многие принципиальные вопросы и в нём остались непроработанными, как и в законопроекте, представленном А.А.Макаровым в 1911 г.

В силу изложенных обстоятельств, итоговый законопроект не нашёл серьёзной поддержки ни в думских кругах, ни среди научной общественности, что не позволило довести его до принятия Государственной Думой в 1913-1914 гг., а начавшаяся Первая мировая война вообще отодвинула рассмотрение этого вопроса на неопределённое время, хотя необходимость охраны памятников с началом военных действий ещё более возросла. Дополнительным аргументом в пользу скорейшего принятия закона стала тревога русского общества за сохранность вещественных памятников старины в связи с их скупокой и активным вывозом за границу, связанными с обстоятельствами военного времени. В итоге, в начале 1916 г. к министру внутренних дел обратились члены Государственного Совета, одним из основных предложений которых являлась *"скорейшая переработка правительством, в соответствии с поступившими поправками от разных ученых и художественных обществ и учреждений, законопроекта "об охране древних памятников", безотлагательное внесение его в законодательные учреждения и проведение его в жизнь"* (86). Результатом этого обращения явились отношение МВД, направленное 8 апреля 1916 г. председателю Государственной Думы М.В.Родзянко с ходатайством о возвращении министерству из Думы законопроекта об охране памятников древности для пересмотра (87) и письмо Департамента общих дел МВД от 16 апреля 1916 г. председателю Археологической комиссии А.А.Бобринскому с предложением создания Комиссии для переработки *"Положения об охране древностей"* (88).

19 апреля 1916 г. законопроект об охране памятников древности был возвращен из Государственной Думы в МВД для доработки (89), а 13 сентября министр внутренних дел А.А.Хвостов докладывал Николаю II о необходимости образования при МВД особого совещания для пере-

смотра данного законопроекта под руководством А.А.Бобринского (90), но в итоге, к моменту падения императорской власти в феврале 1917 года вопросы разработки и принятия единого законодательства по охране памятников истории и культуры в России решены не были, а следовательно, не были решены и другие проблемы организации государственной охраны российского историко-культурного наследия.

Причины подобной неудачи следует искать, пожалуй, в нежелании различных ведомств преодолеть свои узкие интересы ради общегосударственной задачи сохранения культурного наследия, а также отсутствии такого органа, ответственного за организацию охраны памятников, который был бы способен настоять на необходимости принятия закона, обеспечивающего интересы дела сохранения российских памятников древности вне зависимости от каких бы то ни было других обстоятельств. В реальности это было невозможно без поддержки высшей государственной власти Российской империи. Её отсутствие, безусловно, также сказалось на итоговом результате, так как законопроект, вызвавший серьезные разногласия в обществе и не обеспеченный поддержкой высшей власти, был обречён на провал.

Таков основной результат государственной политики в области охраны памятников истории и культуры в императорской России. Но в то же время в начале XX века окончательно сложилось научное понимание основных вопросов охраны памятников, некоторыми государственными и большинством научных организаций были намечены пути улучшения этого дела в общегосударственном масштабе, что в значительной степени подготовило принятие будущих законов по охране российских памятников культуры.

Примечания.

1. *Разгон А.М.* Охрана исторических памятников в России (XVIII в. - первая половина XIX в.) // Очерки по истории музейного дела в России. Вып. 7 / Труды НИИ Культуры. М., 1971. С. 294.
2. Книга Большому Чертежу. М., Л., 1950. С. 64, 65, 68, 71, 74, 75, 78.
3. *Разгон А.М.* Охрана исторических памятников в России (XVIII в. - первая половина XIX в.). С. 301.
4. Там же. С. 302.

5. Материалы для истории императорской Академии наук. Т. 1 (1716-1730). СПб., 1885. С. 8.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (далее - ПСЗ-1). Т. VI. № 3903. С. 510.
7. *Разгон А.М.* Охрана исторических памятников в России (XVIII в. - первая половина XIX в.). С. 308.
8. Охрана памятников истории и культуры в России: XVIII - начало XX вв.: Сборник документов / Институт истории СССР АН СССР, Институт археологии АН СССР (Ленинградское отделение). Центральный Государственный исторический архив СССР / Отв. ред. Л.Г.Бескровный. М., 1978. (далее — Охрана памятников истории и культуры в России...), С. 328.
9. ПСЗ-1. Т. VII. № 4562. С. 345.
10. *Андреев А.И.* Труды В.Н.Татищева по географии России // Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 10.
11. ПСЗ-1. Т. V. № 3054. С. 483.
12. ПСЗ-1. Т. V. №3159. С. 542; Охрана памятников истории и культуры в России... №2. С. 21.
13. Распоряжение Петра I о вознаграждении за археологические находки // Русская старина. Т. VI. СПб., 1872. Октябрь. С. 474.
14. *Татищев В.Н.* Предложение о сочинении истории и географии российской // Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 77 - 97.
15. "Общее описание Вологодского наместничества // Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы. Ч. VII. СПб., 1791. С. 32-128; Топографическое описание Калужского наместничества. СПб., 1785. 48 с.; Описание Курского наместничества, из древних и новых разных о нем известий вкратце, собранные С.Ларионовым, того наместничества верхней расправы прокурором. М., 1786; Историческое и топографическое описание городов Московской губернии. М., 1787; Собрание сочинений, выписанных из Месяцесловов на разные годы. Т. VI. СПб., 1790 (Описание Саратовского наместничества, с. 23-62; Описание городов Нижегородского наместничества, с. 242-261; Краткое известие о Симбирском наместничестве, с. 262-276; Описание Тамбовского наместничества, с.375-459). *Дильтей Ф.Г.* О Тульском наместничестве // *Дильтей Ф.Г.* Собрание нужных вещей для сочинения новой географии о Российской империи. Ч. 1. СПб., 1781. 175 с.; Топографическое описание Харьковского наместничества с историческим предуведомлением о бывших в сей стране с древних времен переменах. М., 1788. 170 с.

16. Памятники архитектуры Москвы: Кремль. Китай-город. Центральные площади. М., 1982. С. 288 - 289.
17. Сохранение памятников церковной старины в России в XVIII - начала XX вв.: Сборник документов / Министерство культуры Российской Федерации; Государственный научно-исследовательский институт реставрации. М., 1997. № 47. С. 58 - 59.
18. *Комарова И.И.* Законодательство по охране памятников культуры (историко-правовой аспект). М., 1989. С. 19.
19. *Карамзин Н.М.* Записка о достопамятностях Москвы // Москва в описаниях XVIII века. М., 1997. С. 287 - 297.
20. *Григорович В.И.* О состоянии художеств в России // Северные цветы на 1826 год, собранные бароном Дельвигом. СПб., 1826. С. 9-11.
21. *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 141-143.
22. Там же. С. 142.
23. ПСЗ-2. Т. 1. № 794. С. 1373; Охрана памятников истории и культуры в России... № 19. С. 39 - 41; Сохранение памятников церковной старины в России... № 54. С. 67 - 68.
24. Журнал МВД. СПб., 1838. № 10. С. 135 - 164; № 12. С. 512 - 551; 1839. № 5. С. 238 - 272; № 6. С. 273 - 304; № 8. С. 181-250; 1840. № 1. С. 76-135; № 2. С. 255-268; №3. С. 338-363.
25. *Глазов А.Г.* Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников // Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1839.
26. То же. СПб., 1841.
27. ПСЗ-2. Т. II. № 1613. С. 1070; Охрана памятников истории и культуры в России... № 20. С. 42.
28. ПСЗ-2. Т. II. №1613. С. 1070; Охрана памятников истории и культуры в России... № 20. С. 42.
29. ПСЗ-2. Т. II. №1613. С. 1070; Охрана памятников истории и культуры в России... № 20. С. 42.
30. Сохранение памятников церковной старины в России... № 60. С. 74; Устав строительный // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 12. С. 124 (разд. II, гл. IV, ст. 617, 618).
31. Там же. С. 133 (разд. III, гл. I, ст. 655).
32. Сохранение памятников церковной старины в России... № 64. С. 78; Устав духовных консисторий. СПб., 1841. С. 12 (гл. III, отд. 2, ст. 50).

33. Сохранение памятников церковной старины в России... № 65. С. 80; Охрана памятников истории и культуры в России... №28. С.53.
34. ПСЗ-2. Т. XVII. Отд. II. № 16401. С. 288; Сохранение памятников церковной старины в России... №66. С. 79.
35. ПСЗ-2. Т. XVIII. Отд. 1. № 16770. С. 274 - 275.
36. Иванов В.Н. Ростов Великий. Углич. М., 1964. С. 35.
37. Цит. по: Разгон А.М. Охрана исторических памятников в России (XVIII в.- первая половина XIX в.). С. 356.
38. Тихомиров Н.Я., Иванов В.Н. Московский Кремль: История архитектуры. М., 1967. С. 213.
39. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 147.
40. Разгон А.М. Охрана исторических памятников в России (XVIII в. - первая половина XIX в.). С. 356.
41. Филатов Н.Ф. Нижний Новгород: Архитектура XIV - начала XX в. Нижний Новгород, 1994. С. 23.
42. Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII - XV веков. Т. 1. М., 1961. С. 398.
43. Цит. по: Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры, 2-е изд., доп. М., 1990. С. 16- 17.
44. РГИА. Ф. 797. Оп. 13. Д. 32209. Л. II.
45. РГИА. Ф. 797. Оп. 20. Д. 44648. Л. 1; Ф. 218. Оп. 3. Д. 1265. Л. 2.
46. Работкевич А.В. Архивные документы по истории Московского Страстного монастыря // Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1997. С. 269.
47. РГИА. Ф. 797. Оп. 20. Д. 44648. Л. 4; Ф. 218. Оп. 3. Д. 1265. Л. 13.
48. Толстой А.К. Собр. соч.: В 4-х т. М., 1969. Т. 4. С. 295 - 296.
49. Разгон А.М. Охрана исторических памятников в России (XVIII в. - первая половина XIX в.). С. 349.
50. Охрана памятников истории и культуры в России... С. 333.
51. ПСЗ-2. Т. XIV. Отд. 1. № 12164; Охрана памятников истории и культуры в России... № 26. С. 50.
52. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1868 г. Д. 9. Л. 2.
53. Охрана памятников истории и культуры в России... №32. С. 63; Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 12.4.1. Тетр. 4. С. 41.

54. ПСЗ-2. Т. XXIV. Отд. 1. № 34109; Охрана памятников истории и культуры в России... №33. С. 63-64.
55. Охрана памятников истории и культуры в России... №41. С. 86-91; Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные императорским Московским археологическим обществом. М., 1911.С.35-39.
56. Охрана памятников истории и культуры в России... № 48. С. 101 -109.
57. ПСЗ-З. Т. IX. № 5841; Охрана памятников истории и культуры в России... №57.С.133-134.
58. *Разгон А.М.* Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861 - 1917) // История музейного дела в СССР. Вып. 1 / Труды НИИ музееведения. М., 1957. С. 82.
59. *Филатов Н.Ф.* Нижний Новгород: Архитектура XIV - начала XX в. Нижний Новгород, 1994. С. 10.
60. *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 164.
61. Охрана памятников истории и культуры в России... № 68. С. 153-154.
62. РГИА. Ф. 1284. Оп. 186. 5 отд. 2 ст., по археологии. 1901 г. Д. II. Ч. 1. Л. 616об.-617.
63. РГИА. Ф. 1284. Оп. 186. 5 отд. 2 ст., по археологии. 1901 г. Д.11.4.1. Л.22.
64. Там же. Л. 75 — 75об.
65. Охрана памятников истории и культуры в России... №71. С. 163.
66. Там же. С. 163-164.
67. Охрана памятников истории и культуры в России... №71. С. 165-167.
68. РГИА. Ф. 1284. Оп. 186. 5 отд. 2 ст., по археологии. 1901 г. Д. 11.4. 1. Л. 217; См. также: Охрана памятников истории и культуры в России... С. 341.
69. РГИА. Ф. 1284. Оп. 186. 5 отд. 2 ст., по археологии. 1901 г. Д. II. Ч. 1. Л. 271.
70. Охрана памятников истории и культуры в России... № 85. С. 210; См. также: РГИА. Ф. 1284. Оп. 186. 5 отд. 2 ст., по археологии. 1901 г. Д. II. Ч. 1. Л. 605 - 609.
71. Охрана памятников истории и культуры в России... С. 210-211.
72. Охрана памятников истории и культуры в России... № 87. С. 254-266.
73. Там же. №86. С. 214-254.
74. Охрана памятников истории и культуры в России... С. 219.
75. Охрана памятников истории и культуры в России... С. 220-221.
76. Там же. С. 229.
77. Охрана памятников истории и культуры в России... № 87. С. 255.

78. Там же. № 86. С. 229.
79. Охрана памятников истории и культуры в России... С. 246.
80. Охрана памятников истории и культуры в России... № 88. С. 269.
81. Охрана памятников истории и культуры в России... № 90. С. 285-290.
82. Цит. по: *Разгон А.М.* Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861-1917). С. 122 - 123.
83. Там же. С. 123.
84. См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 186. 5 отд. 2 ст., по археологии. 1901 г. Д. 11.4. 1. Л. 1078-1122.
85. Там же. Л. 1294 - 1298.
86. Охрана памятников истории и культуры в России... №95. С. 313.
87. Там же. №97. С. 315.
88. Охрана памятников истории и культуры в России... №98. С. 315-318.
89. Там же. №99. С. 319.
90. Там же. №101. С. 325-327.

ОБЗОР ЗАКОНОВ, ПРИНЯТЫХ СУБЪЕКТАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ ОХРАНЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ (по состоянию на 1998 год)

Современное законодательство в сфере культуры существенно отстает от потребностей времени. Многие из насущных вопросов культурного развития, сохранения и использования культурного наследия практически не рассматриваются в федеральных законодательных органах, остаются как бы в тени дискутируемых политических вопросов или ключевых экономических законов. Подобное положение приводит к тому, что при охране и использовании памятников возникают практически непреодолимые трудности, связанные с учетом новых экономических отношений, приватизации, ситуаций с землепользованием и т.п. Достаточно сказать, что основным законодательным актом в сфере охраны памятников остается закон, принятый в середине 1970-х годов, в котором не могли даже предполагаться многие нынешние реалии экономической жизни.

Вместе с тем существующий вакуум активно заполняется законодательством субъектов Российской Федерации. Прежде всего это связано с необходимостью создать правовую основу современной культурной политики, а также с решением конкретных задач развития сферы культуры на местах. Изучение и анализ этой законодательной практики крайне необходим как с точки зрения подходов к решению насущных вопросов правового обеспечения сферы культуры, так и с точки зрения использования накопленного опыта для разработки федерального законодательства.

Федеративный договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти республик в составе Российской Федерации от 13 марта 1992 года установил, что особо охраняемые природные территории и охрана памятников истории и культуры относятся к совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации

и органов государственной власти республик в составе Российской Федерации. (Статья II, часть 1, пункт "в"). *"По вопросам, указанным в части первой этой статьи, федеральные органы государственной власти Российской Федерации издают Основы законодательства, в соответствии с которыми органы власти республик в составе Российской Федерации осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных правовых актов"*. (Статья II, часть 2). Эти положения закреплены и развиты Конституцией Российской Федерации (12 декабря 1993 года) в отношении всех субъектов Российской Федерации: республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области и автономных округов.

Ранее в соответствии с законодательством СССР и РСФСР местные органы исполнительной власти могли принимать постановления (решения) по вопросам учета, охраны и использования историко-культурного наследия, в частности, о принятии под государственную охрану памятников местного значения, о передаче памятников в пользование и изъятии их из пользования, об улучшении условий содержания памятников и их территорий, об установлении зон охраны и по другим вопросам, решение которых должно было обеспечивать наилучшую сохранность и использование историко-культурного наследия.

Изменение прав собственности, новые политические и экономические отношения, разграничение предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Российской Федерации позволили значительно расширить круг вопросов, по которым субъектами Российской Федерации осуществляется правовое регулирование в области охраны историко-культурного и природного наследия, причем не только, как ранее, на уровне исполнительной власти, но и на уровне законодательной власти.

С 1992 года в субъектах Российской Федерации принят ряд региональных законов об охране наследия, развивается процесс приватизации памятников и передачи культовых памятников различным конфессиям, отработывается методика оценки стоимости объектов наследия.

В Центре документации наследия Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва (далее Центр доку-

ментации) сделана попытка систематизировать и обобщить имеющиеся к настоящему времени законодательные акты субъектов Российской Федерации об охране историко-культурного наследия. В рамках настоящей статьи дается общий статистический обзор уже принятых законодательных актов в сфере культурного наследия без подробного анализа. Этот, впервые предпринятый по данной тематике обзор, позволяет представить как масштабы регионального законотворчества в сфере наследия, так и основные его темы. Институт Наследия в дальнейшем предполагает осуществить серию тематических выборок наиболее интересных законов, принятых в субъектах Российской Федерации, с публикацией текстов законодательных актов и комментариев к ним. В настоящий обзор не вошли сведения по регионам, не ответившим на запрос института или сообщившим, что их законодательные органы не принимали подобных документов: республики Ингушетия, Чечня, Дагестан, Калмыкия, Саха (Якутия); Камчатская, Магаданская, Сахалинская области; Еврейская автономная область; Бурятский, Коми-Пермяцкий, Корякский, Таймырский, Эвенкийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

Предлагаемая вниманию читателя таблица составлена на основе документов, присланных с мест по нашему запросу и дополненных из информационно-поисковой системы "Энциклопедия Российского права" АРБТ и других источников.

В таблице систематизировано 1440 документов из 70 субъектов Российской Федерации, которые принимались в 1992 г. и последующие годы после подписания Федеративного договора, о котором говорилось выше. По каждому региону указаны временные рамки систематизируемых документов (графа 4). В их число вошли такие крупные документы, как законы и положения, в которых, как правило, находит отражение большинство позиций, обозначенных в заголовочной части таблицы. Принимая во внимание это обстоятельство, данные документы не включены в тематические графы таблицы, но при этом они не исключены из общего количества представленных документов, за исключением четырех областей (Брянской, Кемеровской, Оренбургской и Тамбовской), которые представили только по

одному такому документу. Включение их в таблицу дало бы пустые строки во всех тематических графах.

Законы о культуре приняты в 6 регионах — Башкортостане (1993), Кабардино-Балкарии (1993), Карелии (1995), Тыве (1995); Ивановской (1995), Читинской (1997) областях.

Законы о культурном, природном наследии, уникальных территориях приняты в 17 регионах — в республиках Алтай (1994), Карелия (1996), Северная Осетия (1996), Татарстан (1996); в Краснодарском (1997) и Приморском (1996) краях; Астраханской (1996), Брянской (1997), Калининградской (1995), Кемеровской (1995), Омской (1996), Оренбургской (1997), Пермской (1997), Свердловской (1996), Тюменской (1996), Читинской (1996) областях; в Ханты-Мансийском автономном округе (1997).

Положения об охране памятников, археологического наследия, земель историко-культурного назначения приняты в 19 регионах — в республиках Алтай (1996), Марий Эл (1997), Татарстан (1995); в Алтайском (1994), Краснодарском (1996), Хабаровском (1993) краях; Амурской (1993), Белгородской (1997), Владимирской (1995), Вологодской (1994), Кировской (1992), Костромской (1994, 1995), Липецкой (1995), Нижегородской (1993), Псковской (1995), Рязанской (1996), Тамбовской (1997), Ярославской (1993) областях; Чукотском автономном округе (1996).

Перечень граф заголовочной части таблицы формировался в процессе изучения систематизируемых документов с учетом отраженных в них вопросов. Для удобства пользования в боковик таблицы вынесены не только наименования субъектов Российской Федерации, но и их коды¹, которые повторяются на следующих страницах таблицы для экономии места. Количество документов по конкретному региону, указанное в графе 3, как правило, не соответствует сумме чисел в строке, так как не всякий документ может и должен отражать только

¹ Коды субъектов РФ утверждены приказом Госкомитета РФ по земельным ресурсам и землеустройству от 19 сентября 1996 г. № 102, они соответствуют данным Справочника кодов регионов РФ, утвержденного приказом Государственной налоговой службы РФ от 23 сентября 1998 г. № БФ-3-08/255.

один вопрос или пути решения одной проблемы, что наглядно демонстрирует данная подборка.

В ряде случаев одно постановление утверждает несколько регламентирующих документов, которые в свою очередь отражают ряд вопросов, разнесенных по графам в заголовочной части таблицы. В нашей работе каждый из этих документов считается за единицу и соответственно дает определенные цифровые показатели в той или иной графе. Например, Постановлением главы администрации Краснодарского края от 20.06.1994 г. № 343 регламентируется ряд вопросов государственного управления и контроля в области охраны культурного наследия и вместе с тем утверждено 7 документов, имеющих самостоятельное значение, которые в свою очередь разнесены по соответствующим графам. Среди них такие документы, как “Временная методика выявления и использования памятников археологии”, “Временная методика балансовой оценки недвижимых памятников истории, культуры и архитектуры, стоимости археологических памятников и историко-культурных земель”, “Временная методика страховой стоимости недвижимых памятников истории и культуры”, “Положение о порядке производства археологических раскопок и разведок на территории Краснодарского края” и др. В этом случае количество документов признается равным восьми (постановление и семь приложений). В тех случаях, когда постановление или решение только констатирует принятие какого-то значимого документа, оно в графе 3 не учитывается.

Таковы основные принципы составления предлагаемой таблицы. Что касается ее итоговых данных и общего обзора регионального законодательства об охране историко-культурного и природного наследия, то Центр документации полным набором принятых в субъектах Федерации документов не располагает, но их общее количество (1444) и количество представленных регионов (70) позволяют рассчитывать на достоверность и обоснованность полученных выводов.

Следует отметить, что в данном обзоре недостаточно отражены документы регионального законодательства об охране природного наследия (графы 35-39), так как ко времени обобщения материала Центр доку-

ментации располагал только небольшой частью документов. По мере поступления с мест анализ этих документов будет продолжен.

Наибольшее количество документов за указанный период принято в Санкт-Петербурге (351) и Москве (314), при этом основную массу (более 50%) составляют решения органов исполнительной власти по отдельным объектам наследия (графы 31-41): в Санкт-Петербурге — 229, в Москве — 165 документов. В таком же соотношении отдельные объекты наследия отражены в документах еще 9 регионов: Республика Башкортостан — 10 из 18 документов; Астраханская область — 26 из 42; Калужская область — 22 из 30; Пензенская область — 4 из 7; Пермская область — 8 из 11; Псковская область — 5 из 8; Смоленская область — 4 из 6; Ярославская область — 13 из 25; Ненецкий автономный округ — 7 из 8 документов. В 5 регионах они составляют ровно половину представленных документов: Республика Татарстан — 21 из 42; Приморский край — 3 из 6; Белгородская область — 4 из 8; Волгоградская область — 6 из 12; Московская область — 8 из 16; Тульская область — 3 из 6 документов.

Большое внимание уделяется общим вопросам охраны наследия. Так, по основным положениям охраны наследия принято 46 документов в 24 регионах, по вопросам государственного управления и контроля — 69 документов в 24 регионах, по финансовым вопросам (средства, расценки и т.д.) — 67 документов в 24 регионах.

В разделе “Право собственности и иные вещные права на объекты наследия” (графы 8-15) несомненное лидерство принадлежит вопросам приватизации (70 документов в 31 регионе), аренды (66 документов в 19 регионах) и основным положениям данного раздела (47 документов в 17 регионах). И только в республиках Карелия и Татарстан и Астраханской области принято по одному документу, где регламентируются права и обязанности собственника, пользователя объекта наследия, при том что в этих регионах приняты законы о культурном наследии, а в Республике Татарстан также и Положение, в которых эти вопросы находят отражение. Но в тех регионах, где не приняты ни законы, ни положения о культурном наследии, из имеющегося в

Центре документации массива документов ни один не отражает прав и обязанностей собственника, пользователя объекта наследия.

По остальным пунктам данного раздела показатели следующие:

— оценка стоимости объекта наследия — 10 документов в 8 регионах, из них 2 в Москве и ни одного в Санкт-Петербурге;

— изъятие объекта наследия — 11 документов в 6 регионах;

— использование, основные положения — 13 документов в 10 регионах;

— налогообложение — 7 документов в 4 регионах: Пензенская и Ярославская области, г. Москва и Санкт-Петербург.

По вопросам государственного учета объектов наследия обозначены две позиции: 1) основные положения, по которым принято по 1 документу в 8 регионах, и 2) принятие памятников под государственную охрану, снятие с охраны. По второй позиции выявляются более яркие результаты: в 44 регионах принято 134 постановления, из них во Владимирской области — 12, Нижегородской — 9, Новгородской — 6; Омской — 10, в Москве — 6, в Санкт-Петербурге — 12.

Вопросы обеспечения сохранности объектов наследия в региональных правовых актах отражены наиболее полно:

— основные положения — 72 документа в 33 регионах;

— компетенция государственных органов — 87 документов в 32 регионах;

— градостроительство — 35 документов в 4 регионах (здесь прослеживается определенная закономерность, которая проявляется и по другим вопросам: наибольшее количество документов дают Москва (21) и Санкт-Петербург (12), по 1 документу принято в Республике Татарстан и Псковской области;

— зоны охраны — 56 документов в 27 регионах;

— режим содержания и использования объектов наследия — 44 документа в 17 регионах;

— реставрация, консервация, воссоздание объектов — 93 документа в 14 регионах, из них большая часть принята в Москве (66);

— археологические исследования — 10 документов в 6 регионах;

— лицензирование — 23 документа в 15 регионах;

— страхование объектов наследия — 11 документов в 10 регионах.
Земельные отношения отражены в документах достаточно слабо, и опять же чаще всего это Москва и Санкт-Петербург:

— основные положения — 20 документов в 7 регионах (Москва — 9, Санкт-Петербург — 6 документов);

— режим использования земель историко-культурного назначения — 9 документов в 9 регионах;

— плата за землю — 12 документов в 5 регионах, из них Москва — 4, Санкт-Петербург — 5 документов;

— отчуждение земель — 12 документов в 8 регионах.

В законодательной практике регионов наиболее распространены документы по отдельным объектам наследия, лидируют в этом законодатели Москвы и Санкт-Петербурга. Общйй итог по этому разделу:

— исторические города и культурные центры — 65 документов в 25 регионах (Санкт-Петербург — 14 документов);

— ансамбли, отдельные объекты — 390 документов в 38 регионах (Санкт-Петербург — 174, Москва — 96);

— монументальные памятники — 15 документов в 10 регионах;

— музеи, музеи-заповедники — 64 документа в 22 регионах (Москва — 16, Санкт-Петербург — 18);

— природные комплексы — 21 документ в 14 регионах;

— национальные парки — 5 документов в 4 регионах;

— природные парки — 3 документа в 2 регионах (Москва — 2, Иркутская область — 1);

— заказники — по 1 документу в Санкт-Петербурге и Курганской области;

— памятники природы — 9 документов в 8 регионах;

— особо ценные объекты наследия — 13 документов в 9 регионах;

— передача памятников религиозным организациям — 98 документов в 22 регионах (Москва — 39, Санкт-Петербург — 18).

В 11 документах 9 регионов устанавливается ответственность за нарушение законодательства об охране памятников.

Международные отношения в области охраны культурного наследия представлены 3 документами, регламентирующими ввоз и вывоз

памятников, которые приняты только в Москве (2 документа) и Республике Татарстан (1 документ).

Такова общая картина регионального законодательства об охране культурного и природного наследия по состоянию на 1998 год. Конкретные показатели по каждому субъекту Федерации и обозначенным позициям легко проследить по таблице. Необходимо отметить, что практически все основные вопросы сохранения наследия в той или иной мере представлены документами регионального законодательства. Из 70 регионов, представленных в данном обзоре, в 55 регионах приняты правовые акты по “Обеспечению сохранности объектов наследия” (431 документ) и по “Отдельным объектам наследия” (685 документов). Это самые высокие показатели по сравнению с остальными разделами. С небольшим отставанием следуют “Общие вопросы” — в 50 регионах 182 документа. 46 регионов приняли постановления по “Государственному учету объектов наследия” (142 документа), 42 региона — по “Праву собственности и иным вещным правам на объекты наследия” (227 документов). Наиболее слабо представлены “Земельные отношения” — только в 22 регионах принято 53 документа.

О степени активности развития законодательства об охране наследия в субъектах Российской Федерации свидетельствует заполнение вынесенных в заголовочную часть таблицы граф, которые отражают принятие правовых актов в каждом из представленных здесь регионов. Всего в таблицу введено 39 таких граф (с 5 по 43), сколько из них имеют показатели количества документов, регулирующих данные вопросы, видно из следующего перечня:

Республика Адыгея	12
Республика Алтай *	3
Республика Башкортостан	7
Республика Бурятия	2
Кабардино-Балкарская Республика *	3
Карачаево-Черкесская Республика	1
Республика Карелия *	17
Республика Коми	11
Республика Марий Эл *	3
Республика Мордовия	3

Республика Северная Осетия *	1
Республика Татарстан *	23
Республика Тыва	1
Удмуртская Республика	7
Республика Хакасия	1
Чувашская Республика	4
Алтайский край *	5
Краснодарский край *	15
Красноярский край	13
Приморский край *	5
Ставропольский край	4
Хабаровский край *	6
Амурская область *	1
Архангельская область	6
Астраханская область *	11
Белгородская область *	6
Брянская область *	—
Владимирская область *	14
Волгоградская область	6
Вологодская область *	8
Воронежская область	12
Ивановская область	9
Иркутская область	9
Калининградская область *	8
Калужская область	12
Кемеровская область *	—
Кировская область	4
Костромская область *	13
Курганская область	12
Курская область	2
Ленинградская область	11
Липецкая область *	1
Московская область	11
Мурманская область	1
Нижегородская область *	15

Новгородская область	12
Новосибирская область	9
Омская область *	14
Оренбургская область *	—
Орловская область	1
Пензенская область	6
Пермская область *	10
Псковская область *	10
Ростовская область	9
Рязанская область *	18
Самарская область	3
Саратовская область	7
Свердловская область *	15
Смоленская область	8
Тамбовская область *	—
Тверская область	13
Томская область	8
Тульская область	6
Тюменская область *	11
Ульяновская область	3
Челябинская область	9
Читинская область *	2
Ярославская область *	15
г.Москва	32
г.Санкт-Петербург	31
Ненецкий автономный округ	5
Усть-Ордынский автономный округ	1
Ханты-Мансийский автономный округ *	5
Чукотский автономный округ *	1

* В данных регионах приняты законы или положения об охране культурного или природного наследия.

Таблица

ТЕМАТИКА ЗАКОНОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОБ ОХРАНЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО
НАСЛЕДИЯ

Код субъекта РФ	Субъект РФ	Всего документов	Период принятия документов	Общие вопросы		
				Основные положения	Государственное управление и контроль	Финансовые вопросы (средства, расценки...)
1	2	3	4	5	6	7
01	Республика Адыгея	7	1993-1996	-	1	3
02	Республика Алтай	7	1993-1996	-	-	-
03	Республика Башкортостан	18	1991-1998	2	-	-
04	Республика Бурятия	3	1994-1997	2	-	-
07	Кабардино-Балкарская Республика	5	1993-1997	-	-	-
09	Карачаево-Черкесская Республика	1	1994	-	-	-
10	Республика Карелия	16	1993-1997	1	1	-
11	Республика Коми	19	1990-1997	2	3	-
12	Республика Марий Эл	4	1993-1997	-	-	1
13	Республика Мордовия	3	1995-1997	-	-	-
15	Республика Северная Осетия	2	1996-1997	1	-	-
16	Республика Татарстан	42	1992-1996	4	4	5

1	2	3	4	5	6	7
17	Республика Тыва	2	1993-1995	1	-	-
18	Удмуртская Республика	9	1993-1997	-	-	4
19	Республика Хакасия	1	1996	-	-	-
21	Чувашская Республика	5	1995-1997	1	-	-
22	Алтайский край	7	1994-1997	-	1	-
23	Краснодарский край	25	1992-1997	1	7	4
24	Красноярский край	14	1993-1997	1	1	1
25	Приморский край	6	1995-1998	-	-	-
26	Ставропольский край	5	1995-1997	-	1	-
27	Хабаровский край	10	1993-1998	-	1	-
28	Амурская область	3	1993-1996	-	-	-
29	Архангельская область	5	1992-1997	-	-	-
30	Астраханская область	42	1992-1997	-	-	1
31	Белгородская область	8	1992-1997	1	2	4
33	Владимирская область	28	1994-1998	-	-	3
34	Волгоградская область	12	1994-1997	-	-	-
35	Вологодская область	16	1992-1996	2	-	-
36	Воронежская область	14	1993-1997	-	1	-
37	Ивановская область	10	1993-1997	1	-	-
38	Иркутская область	8	1993-1997	2	-	4

1	2	3	4	5	6	7
39	Калининградская область	12	1992-1997	-	1	-
40	Калужская область	30	1993-1997	2	-	-
43	Кировская область	5	1992-1995	-	-	1
44	Костромская область	20	1992-1997	1	2	3
45	Курганская область	9	1992-1996	-	2	-
46	Курская область	2	1995	1	1	-
48	Ленинградская область	11	1994-1997	-	1	3
50	Липецкая область	4	1995-1997	-	-	-
51	Московская область	16	1993-1997	-	2	-
52	Мурманская область	1	1992	-	-	-
53	Нижегородская область	31	1993-1997	-	2	2
54	Новгородская область	16	1993-1997	-	-	2
55	Новосибирская область	14	1994-1997	1	-	-
57	Омская область	27	1993-1998	-	2	1
58	Орловская область	1	1996	-	-	-
59	Пензенская область	7	1995-1996	-	-	-
60	Пермская область	11	1993-1998	-	-	1
61	Псковская область	8	1994-1997	-	-	-
62	Ростовская область	13	1992-1997	-	-	-
63	Рязанская область	22	1993-1998	-	3	1

1	2	3	4	5	6	7
63	Самарская область	3	1993-1997	-	1	-
64	Саратовская область	9	1995-1997	-	2	-
66	Свердловская область	28	1992-1997	2	4	3
67	Смоленская область	6	1994-1997	-	1	1
69	Тверская область	23	1993-1998	5	3	1
70	Томская область	8	1992-1997	-	1	-
71	Тульская область	6	1995-1997	1	-	-
72	Тюменская область	13	1993-1997	-	1	-
73	Ульяновская область	5	1993-1997	-	-	-
74	Челябинская область	13	1993-1998	-	1	-
75	Читинская область	4	1996-1997	-	-	-
76	Ярославская область	25	1993-1998	1	-	3
77	г.Москва	314	1992-1998	4	16	7
78	г.Санкт-Петербург	351	1992-1997	6	9	8
83	Ненецкий автономный округ	8	1993-1997	-	-	-
85	Усть-Ордынский автономный округ	1	1997	-	-	-
86	Ханты-Мансийский автономный округ	4	1994-1997	-	1	-
87	Чукотский автономный округ	2	1996-1997	-	-	-
Итого:		1440		46	69	67

Код субъекта РФ	Право собственности и иные вещные права на объекты наследия								Государственный учёт объектов наследия	
	Основные положения	Приватизация	Оценка стоимости объекта	Права и обязанности собственника, пользователя	Изъятие объекта наследия	Использование	Аренда	Налогообложение	Основные положения	Принятие под охрану, снятие с охраны
1	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
01	-	1	1	-	-	-	-	-	-	2
02	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
03	-	1	-	-	-	-	-	-	-	3
04	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
07	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
09	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
10	1	2	-	1	1	-	-	-	-	2
11	-	2	-	-	-	-	-	-	-	3
12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
13	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2

1	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
15	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
16	-	4	1	1	-	-	3	-	-	4
17	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
18	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
19	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
21	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
22	-	1	-	-	-	-	4	-	-	1
23	5	2	2	-	-	-	-	-	-	-
24	5	2	-	-	-	1	1	-	1	2
25	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-
26	-	1	-	-	-	1	-	-	-	2
27	-	3	-	-	-	-	1	-	-	2
28	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
29	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1
30	1	-	-	1	3	-	1	-	1	7
31	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
33	-	1	-	-	-	1	3	-	-	12
34	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
35	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-
36	-	-	-	-	-	2	6	-	-	2

1	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
37	1	1	-	-	-	-	-	-	-	2
38	-	-	-	-	-	1	4	-	-	-
39	1	-	-	-	-	-	-	-	-	3
40	-	1	-	-	-	-	-	-	-	2
43	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
44	-	4	1	-	1	-	4	-	-	2
45	-	1	-	-	-	-	2	-	-	1
46	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
47	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-
48	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
50	1	2	1	-	-	-	-	-	1	-
51	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
52	-	1	-	-	-	-	-	-	-	9
53	-	-	-	-	-	-	2	-	1	6
54	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
55	1	-	-	-	-	-	3	-	1	10
57	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
58	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-
59	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
60	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2

1	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
61	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4
62	1	2	-	-	1	-	1	-	-	1
63	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1
64	-	-	1	-	-	1	-	-	-	1
66	2	1	-	-	1	-	3	-	-	3
67	-	-	-	-	-	2	-	-	-	2
69	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
70	-	1	-	-	-	-	1	-	-	1
71	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1
72	1	1	-	-	-	-	1	-	1	1
73	-	1	-	-	-	-	1	-	-	1
74	-	1	-	-	-	-	-	-	-	4
75	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
76	1	3	-	-	-	-	-	1	-	2
77	11	9	2	-	4	-	7	3	-	6
83	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
85	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
86	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
87	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Итого	47	70	10	3	11	13	66	7	8	134

Код субъекта РФ	Обеспечение сохранности объектов наследия.										Земельные отношения			
	Основные положения	Компетенция государственных органов	Градостроительство	Зоны охраны	Режим содержания и использования объектов	Реставрация, консервация, воссоздание	Археологические исследования	Лицензирование	Страхование	Основные положения	Режим использования земель историко-культурного назначения	Плата за землю	Отчуждение земель	
1	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	
01	2	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	
02	-	-	-	-	-	-	1	2	-	-	-	-	-	
03	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	
04	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
07	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	
09	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
10	-	3	-	3	-	1	-	-	1	-	1	-	-	
11	2	2	-	6	-	-	-	1	-	-	-	-	-	
12	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
13	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
15	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
16	1	6	1	1	-	-	1	1	1	1	-	-	-	
17	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
18	-	-	-	-	1	2	-	-	-	-	-	-	-	

1	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
19	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
21	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
22	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
23	2	5	-	2	1	-	3	-	2	-	-	1	-
24	1	2	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
25	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
26	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
27	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
30	2	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
31	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
33	1	-	-	1	-	2	-	-	-	-	-	-	1
34	4	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-
35	2	6	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
36	2	1	-	1	-	1	-	-	1	-	-	-	-
38	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-
39	-	2	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-
40	2	-	-	4	1	1	-	-	-	-	-	-	-
43	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
44	-	3	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-
45	1	3	-	1	1	-	-	-	-	1	-	-	-
46	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

1	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
47	1	2	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-
48	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
50	1	2	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
51	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
52	1	2	-	5	6	2	-	3	-	-	-	-	-
53	-	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	1
54	2	2	-	2	2	-	-	1	-	-	-	-	-
55	-	-	-	1	-	3	-	-	-	-	-	-	-
57	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
58	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
59	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-
60	-	1	1	2	1	-	-	1	-	-	1	-	-
61	1	3	-	2	-	2	-	-	-	-	-	-	1
62	1	2	-	1	1	-	-	-	1	-	-	-	-
63	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
64	2	1	-	-	-	2	1	-	-	-	1	-	-
66	-	2	-	-	-	2	-	-	1	-	-	-	-
67	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-
69	8	4	-	-	-	-	3	-	-	1	1	-	-
70	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
71	-	-	-	2	-	-	-	1	-	-	-	-	-

1	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
72	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
73	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
74	2	1	-	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-
75	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
76	-	1	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-
77	11	8	21	8	12	66	-	4	1	9	-	4	2
78	5	12	12	4	9	7	-	3	1	6	1	5	3
83	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
85	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
86	2	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-
87	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого	72	87	35	56	44	93	10	23	11	20	9	12	12

Код субъекта РФ		Отдельные объекты наследия	
1	31		Исторические города, культурные центры
01	32		Ансамбли, отдельные объекты
02	33		Монументальные памятники
03	34		Музеи, музеи-заповедники
04	35		Природные комплексы
07	36		Национальные парки
09	37		Природные парки
10	38		Заказники
11	39		Памятники природы
12	40		Особо ценные объекты наследия
13	41		Передача памятников религиозным организациям
15	42		Ответственность за нарушение законодательства
16	43		Международные отношения. Ввоз и вывоз памятников

1	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43
17	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
18	1	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
19	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
21	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-
22	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
23	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
24	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
25	1	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
26	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
27	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	20
28	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	50
29	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	20
30	-	25	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	40
31	-	3	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	50
33	1	4	-	2	-	-	-	-	1	-	1	-	90
34	-	5	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	10
35	5	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	11
36	-	3	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	51
37	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	61
38	1	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	81
39	-	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	91

1	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43
40	5	8	-	-	2	1	-	-	-	-	6	-	-
43	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
44	-	1	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
45	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-
46	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
47	-	1	-	2	-	-	-	-	-	-	1	-	-
48	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-
50	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	6	-	-
51	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
52	3	7	-	-	-	-	-	-	1	1	-	1	-
53	1	-	-	-	-	-	-	-	2	-	2	1	-
54	1	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
55	2	2	1	1	-	-	-	-	1	-	-	1	-
57	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
58	-	2	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-
59	1	-	-	3	1	-	-	-	-	2	1	-	-
60	3	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
61	1	4	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-
62	-	2	3	1	1	-	-	-	-	-	1	-	-
63	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
64	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43
66	1	6	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
67	1	-	-	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-
69	2	1	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-
70	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
71	-	1	-	2	-	-	-	-	-	-	-	1	-
72	4	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
73	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
74	-	3	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
75	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
76	3	5	1	-	-	2	-	-	-	1	1	-	-
77	4	96	2	16	4	1	2	-	-	1	39	2	2
78	14	174	2	18	-	-	-	1	1	1	18	1	-
83	1	3	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-
85	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
86	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
87	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого	65	390	15	64	21	5	3	2	9	13	98	11	3

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ПЛЕССКОГО ИСТОРИКО-ПРИРОДНОГО КОМПЛЕКСА

Плес — это старинный, необычайно живописный город, с богатейшей историей, сформировавшийся на берегу Волги на сложном, сильно пересеченном рельефе с большими перепадами высот. Возникновение Плеса как города-крепости относят к концу XII века.

До настоящего времени город прекрасно сохранил средовую застройку конца XVIII - начала XX веков. В 1972 году здесь создан Мемориальный дом-музей И.И. Левитана. Фактически с рубежа XIX-XX веков и до настоящего времени Плес стал своеобразной “меккой” художников-пейзажистов. Через город проходят два важнейших в Европейской части России туристических маршрута “Золотое кольцо” и “Волга”. В городе и окрестностях к концу 1980-х годов располагалось 22 здравницы.

В соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР от 30.06.80 № 338 “О создании Плесского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника” с 1982 года начал функционировать музей-заповедник, призванный “обеспечить комплексную охрану памятников истории и культуры, природного ландшафта г. Плеса Ивановской области и прилегающих территорий”.

Перед музеем-заповедником была поставлена задача сохранения и восстановления исторической архитектурно-ландшафтной среды города и прилегающих территорий, выявление и изучение памятников истории, культуры и природы, формирование музейных экспозиций и осуществление на базе этого просветительской деятельности.

Указанный документ не только декларировал необходимость осуществления охраны Плеса как национального достояния, но и обязывал различные организации и ведомства осуществить ряд первоочередных мероприятий, необходимых для сохранения уникального историко-природного комплекса. Однако вследствие ряда причин основная масса мероприятий оказалась неосуществленной по сей день. Более того, появились новые проблемы.

Главными и наиболее очевидными причинами этого было то, что в условиях неповоротливой плановой экономики все детально разработанные мероприятия “буксовали” то по причине отсутствия необходимых средств и материалов, то по причине отсутствия специалистов и даже рядовых исполнителей, что совершенно неудивительно в маленьком заштатном Плесе. Но не менее значимой причиной, препятствовавшей развитию музея-заповедника, была также сложившаяся практика формирования музея-заповедника как укрупненного объединенного музея. Вследствие этого все мероприятия, выходящие за рамки непосредственно музейной деятельности казались второстепенными и потому чаще всего откладывались “на потом”.

Однако благодаря энтузиазму работников музея-заповедника и общественности, многое все же было сделано. Была отреставрирована часть памятников архитектуры и, прежде всего, культовые, многие из которых к моменту организации музея-заповедника были в аварийном, а то и в руинированном состоянии. В структуре музея-заповедника были созданы научно-экспозиционные и административные отделы, начал осуществляться контроль за проведением строительных работ. Сотрудниками заповедника, специалистами вузов, проектных организаций проведено большое количество научных изысканий по самым различным направлениям, выявлены новые памятники истории, культуры и природы, разработаны режимы охраны и использования памятников, ценных историко-культурных и природных территорий, организована просветительская деятельность музея-заповедника.

Была разработана и утверждена Генеральная схема развития музея-заповедника. Обобщение собранного материала позволило приблизиться к разработке концепции музея-заповедника, как глубоко индивидуального историко-природного комплекса, в котором, как в зеркале, отразились историко-культурные процессы, протекавшие в российской глубинке.

В целом следует отметить, что музей-заповедник как музей достиг существенных успехов и превратился в вполне сложившуюся организацию, но как заповедник он в целом почти не продвинулся дальше теоретических наработок. При этом основная сложность заключается

в отсутствии механизмов реализации имеющихся проектов по сохранению, использованию и восстановлению памятников и историко-культурных ландшафтов. Связано это прежде всего с тем, что при разработке каждого очередного проекта перед авторами встает одна и та же трудноразрешимая задача — как обеспечить реализацию проекта при отсутствии соответствующей законодательной базы.

Перестройка и новый политический курс не принесли большой пользы функционированию музея-заповедника. Связано это прежде всего с тем, что ряд новых законодательных актов был принят фактически без учета сложившейся в ряде регионов ситуации. Например, указом Президента РФ культовые памятники были переданы церкви. В Плесе при населении 3 с небольшим тысячи человек сохранилось 6 церквей, в городе воссоздана деревянная церковь, а также перевезена и отреставрирована еще одна деревянная церковь. Все они, до того находившиеся в пользовании музея-заповедника, были переданы Ивановско-Кинешемской епархии. На сегодняшний день в городе функционирует два прихода, соответственно использующие два здания. Все прочие храмы пустуют и без должного ухода и присмотра понемногу разрушаются, а ведь это главные высотные доминанты архитектурного ансамбля города.

В соответствии с указом Президента РФ “О приватизации в Российской Федерации недвижимых памятников истории и культуры местного значения” под предлогом “активизации экономических преобразований и привлечения инвестиций в сферу реставрации объектов исторического и культурного наследия народов Российской Федерации” началась приватизация и памятников архитектуры Плесского музея-заповедника.

Для Плесского музея-заповедника приватизация памятников истории и культуры стала по существу крахом всех программ и проектов его развития. Правда, указом Президента от 20.02.95 № 176 музей-заповедник внесен в “Перечень объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения”, но это не мешает дальнейшему осуществлению приватизации. При этом следует отметить, что протесты администрации музея-заповедника, в том числе в прокуратуру Ивановской области не привели ни к каким результатам.

При внимательном рассмотрении трудностей, возникающих в практике Плесского музея-заповедника, обнаруживается, что большинство проблем, как правило, проводится самим законодательством и таким образом выходит за рамки одного только Плесского музея-заповедника. При этом основная причина заключается в том, что ошибочен сам подход к вопросу о путях сохранения историко-культурного и природного наследия. Памятники истории, культуры и природы, исторические ландшафты и природные территории чаще всего рассматриваются как некая обуза, которую вследствие имеющейся традиции приходится терпеть, отрывая при этом средства на их содержание от социально-экономических программ.

В действительности это связано с полным непониманием современной экономической ситуации. На сегодняшний день многие историко-природные комплексы функционируют на правах объединенных музеев, объекты которых рассредоточены и зачастую находятся в чем-либо использовании. Экономические структуры, расположенные на территориях музеев-заповедников, формально обязаны считаться с их существованием, но реально зачастую обходят или грубо нарушают установленные ограничения, пользуясь существующей неразберихой в законодательстве.

Это происходит вследствие того, что музеи-заповедники с их памятниками и культурно-историческими ландшафтами и природными территориями не вовлекаются в экономическую жизнь региона, а существуют как бы параллельно с ней.

Историко-культурный музей-заповедник формально парализует экономическую жизнь территории, на которой он расположен, вследствие многочисленных ограничений, которые должны обеспечить сохранность памятников и историко-природных ландшафтов, а в реальности весьма ограниченно может выполнять функцию по охране памятниковых объектов. Земля в большинстве случаев находится в пользовании самых различных организаций, что соответственно не позволяет осуществлять контрольные функции музеев-заповедников в области охраны и эксплуатации историко-культурных памятников и территорий.

Вследствие ведомственной разобщенности охрана исторических ландшафтов и природных комплексов или не осуществляется вовсе или

в лучшем случае производится на правах лесов первой категории рекреационного назначения. А между тем, зачастую, как, например, в Плесском музее-заповеднике в границах его территории локализованы весьма разнообразные по своему характеру и соответственно использованию угодья. Здесь имеются наряду с "естественными" участками, требующими режима полного заповедования, территории, где формирование биогеоценозов, а то и целых ландшафтов проходило в условиях определенных видов хозяйствования, прекращение которого приводит к их полной утрате. Вследствие этого сохранение исторических и мемориальных ландшафтов может стать невозможным. К таковым следует отнести пашни, смешанные леса, низинные и суходольные луга, усадебные парки.

Следует подчеркнуть, что общая ситуация, сложившаяся с Плесским музеем-заповедником, является типичной для России. Основная масса музеев-заповедников выступает в большей степени как музейные экспозиционно-просветительные учреждения, хранители движимых памятников, а не как заповедники, призванные способствовать лучшей сохранности памятников истории и культуры, исторических ландшафтов и природных территорий.

В новых экономических условиях без признания за уникальными историко-культурными и природными территориями приоритетной цели сохранения их как комплексного объекта национального наследия никакие меры не принесут существенной пользы. Существующие нормативы и правила, обеспечение которых мало гарантируется большим количеством инспектирующих организаций еще больше запутывает существующее в законодательстве положение и тем самым только ухудшает его. Необходимо признать, что имеющаяся система сохранения национального историко-культурного и природного наследия работает на основе и в традициях ранее существовавшей плановой административно-командной системы, которая и раньше вследствие своей заорганизованности и неповоротливости не позволяла должным образом обеспечивать ей эту функцию.

Решить сложившуюся проблему вероятнее всего позволило бы только четкое выделение земель и памятников, признанных нацио-

нальным достоянием, и формирование на их базе экономических зон с особыми условиями предпринимательства и экономики, имеющими направленность главным образом на сохранение и использование наследия. Функции охраны и контроля за использованием объектов и территорий легче всего сегодня осуществлять путем экономического воздействия, поэтому формирование музеев-заповедников, как относительно самостоятельных государственных собственников и соответственно полномочных экономически, позволило бы реально осуществлять государственную политику в области сохранения историко-культурного и природного наследия. Важным представляется и использование уже накопленного за рубежом богатого опыта создания и функционирования систем подобного типа в форме национальных, природных, историко-культурных и этнографических парков.

ШОЛОХОВ А.М., канд. биол. наук,
ТУРЧИН Т.Я., канд. сельскохоз. наук

ПРИРОДА И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА М.А.ШОЛОХОВА

Государственный музей-заповедник М.А.Шолохова (ГМЗШ) создан в 1984 году согласно постановлению Совета Министров РСФСР (№306 от 11.07.84 г.). Мемориальные объекты музея находятся на территории двух административных районов Ростовской области — Шолоховского и Боковского. Площадь зоны охраняемого ландшафта ГМЗШ составляет 29760 га и включает территории, непосредственно прилегающие к объектам музея, а также достаточно широкую полосу (до 15 км) по обеим сторонам р. Дон, то есть местность, исторически связанную с событиями, описанными в произведениях М.А.Шолохова.

Вся жизнь и творчество Михаила Александровича Шолохова неразрывно связаны с Доном. Станицы Вешенская, Каргинская, Еланская и окружающие их хутора в народе называют “шолоховскими местами”. Здесь жил главный герой шолоховских книг — донское казачество. Эту землю казаки возделывали, на этих реках и озерах рыбачили, в этих хуторах справляли свадьбы и пели на игрищах, отсюда уходили по первому зову Отчизны на войну. И, наконец, здесь в начале XX века произошла одна из величайших народных трагедий.

Что же касается главного труда Михаила Александровича — романа “Тихий Дон” — то это скрупулезнейшее описание в художественной форме истории, этноса, культуры и, конечно, природы Дона в границах Войска Донского. Поэтому музей-заповедник Шолохова задумывался и развивается ныне не только как мемориал великого человека, но и как музей ожившего содержания его книг.

Исходя из такого понимания концепции ГМЗШ, основная задача природоохранной зоны нам видится в создании музея под открытым небом, в котором экспозициями и экспонатами стали бы хутора и станицы — исторические, культурные, этнографические составляющие

жизни донского казачества; отдельно — методы и формы хозяйствования; наконец, сама природа донского края, которая уникальна во многих своих проявлениях. Здесь, на севере Ростовской области, благодаря отсутствию индустриальной промышленности и крупных магистралей, сохранился островок нетронутой “дикой” природы Среднего Дона. На территории природоохранной зоны ГМЗШ встречается чрезвычайно широкий спектр типов растительности: пойменные леса, практически не тронутые деятельностью человека байрачные дубравы, аренные леса (т.н. колки или енды), искусственные сосняки, различные типы лугов, растительность многочисленных озер и болот. Одно из главных достоинств региона — сохранившиеся, не подверженные воздействию антропогенного пресса, участки каменистых, балочных и песчаных степей.

Богатство флоры природного комплекса ГМЗШ обусловлено экологической гетерогенностью территории, представляющей собой своеобразный стык ряда ландшафтно-географических зон (лесостепной, степной, сухостепной, пустынной степи). Это, прежде всего, граница леса и степи, где должны решаться фундаментальные теоретические обоснования таких понятий как “лесостепь”, “луговая степь”, “остепенные луга” и т.д. Весьма уникально также то, что по территории музея-заповедника проходят северные и южные границы ареалов многих живых организмов, а изучение видов на форпосте их обитания имеет огромное теоретическое и практическое значение. Хозяйственная деятельность на этой территории весьма традиционная для данной местности и регламентируется нормами и инструкциями, существующими в ведомствах сельского, лесного, водного хозяйства. Ограниченный режим пользования ведется лишь на территории ландшафтно-заповедной зоны (ЛЗЗ) ГМЗШ, выделенной на площади 4840 га.

В состав ЛЗЗ входят четыре природных комплекса: урочище “Островное”, хутор Плешаковский, станица Еланская, памятник природы “Вешенский дуб”. Каждый объект уникален и поэтому заслуживает более подробной характеристики.

Урочище “Островное” расположено с восточной стороны станицы Вешенской и занимает пойму реки Дон (78% площади) и часть над-

пойменной террасы. С юга, запада и востока границей урочища является река Дон, а с севера — автодорога Вешенская - Еланская. В западной части урочища, в подножие ската от надпойменной террасы в пойму бьют ключи основного источника питьевой воды станции Вешенской — родника Отрог (дебит 250 м³/час). В самом центре урочища разливается широкое и красивое озеро Островное с небольшим островом, являющееся одной из достопримечательностей зоны. Исходя из целевого назначения отдельных частей урочища и экологического состояния природных комплексов, в его пределах выделены три функциональные подзоны: заповедная, особо охраняемого ландшафта, регулируемой рекреации. Заповедная подзона (2,9% площади) шириной 100 метров тянется вдоль водной системы “родник Отрог - протока - оз. Островное - оз. Ерик”, куда вошли мемориальные участки территории, связанные с жизнью и творчеством М.А.Шолохова, а также особо ценные природные объекты, среда которых может быть нарушена присутствием человека (места концентрации копытных, участки гнездования птиц, место обитания бобров, выхухоли и т.п.). Хозяйственная деятельность в заповедной подзоне запрещена. В экстремальных ситуациях проводятся лишь лесопатологические, ветеринарные и противопожарные мероприятия.

В особо охраняемую подзону (21,8%) включены участки степного ландшафта и лесные культуры сосны. Режим рекреационного использования допускает организованное нахождение посетителей на дорогах, сложившихся тропах и экскурсионных маршрутах. Хозяйственная деятельность строго регулируется, допускается частичное сохранение сложившейся системы мероприятий лесного и сельского хозяйства.

Наибольшая площадь урочища (75,3%) с обилием пойменных лесов, озер и лугов составляет подзону регулируемой рекреации, предназначенную для массовой просветительской работы и организованного осмотра достопримечательностей. Рекреационное использование допускает проход по прогулочным и учебно-экскурсионным маршрутам, кратковременный отдых, рыбную ловлю, охоту, сбор грибов и ягод в специально отведенных местах.

Объединение в пределах урочища “Островное” различных природных комплексов (песчаная терраса и пойменные уголья) обуслови-

ли богатый видовой состав древесной и кустарниковой растительности (2, с.6). Наибольшую площадь ландшафта занимают лесные культуры сосны (23,1% лесопокрытой площади), находящиеся на надпойменной террасе. Из пойменных видов древесной растительности наиболее распространены тальники (21,5%) и черноольшаники (18,2%). Почти пятая часть приходится на тополя: белый (12,1%) и черный (6,6%). Насаждения с преобладанием дуба занимают довольно заметную площадь (6,3%), но как отрицательный факт надо отметить постоянное уменьшение их площадей. Долевое участие насаждений вяза составляет 4,5%, ветлы - 3,8% лесопокрытой площади.

Особо привлекателен пойменный лес летом и осенью, при смене окраски кроны на темно-красные и ярко-оранжевые тона. Наиболее красивая видовая точка, откуда открывается необыкновенной глубины панорама разнообразных пейзажей урочища "Островное" - Лебяжий яр.

Мемориальное значение урочища "Островное" определяется его близостью к станции Вешенской — месту жительства М.А.Шолохова — с одной стороны; и упоминаниями целого ряда памятных мест (залив Мигулянка, Девичья поляна, Алешкин перелесок, Горелый лес, Черный яр и других) в его литературных произведениях — с другой.

Характерной чертой ландшафта хутора Плешаковский является сильно расчлененный овражно-балочной сетью склон меловых гор, резко контрастирующий с заливными лугами поймы реки Дон.

Узкую полосу правого коренного берега Дона, где отмечается выход писчего мела, называют Белыми горами. Кустарниково-травянистая растительность этих гор представляет собой обедненный вариант "сниженных альп". На пологих задернованных склонах растут преимущественно ксерофитно-кальциефильные растения: боярышник, барбарис, шиповник, дички яблонь, груш, кустарниковые ивы, польнь горькая, сухоцвет однолетний, ковыль волосовидный, шалфей оспенный, катран татарский, овсяница бороздчатая. Ядро эндемичных видов составляют облигатные меловики (норичник меловой, копеечник крупноцветный, тимьян меловой, тюльпан Шренка и др.) Вышеизложенное позволяет считать территорию ГМЗШ (южная часть Средне-Русской возвышенности) одним из центров формирования меловой

растительности. У подножия меловых склонов, где бытуют многочисленные ключи, часто можно встретить не менее редких насекомых: желтушку золотистую, одонтотарсуса пурпурнополосатого, степную дыбку и др. Для сохранения этой уникальной флоры и фауны следовало бы создать небольшой заповедник в районе хуторов Белогорский и Альшанский, где ландшафтный тип белогорий наиболее ярко выражен.

В пойменной части ландшафтного объекта “хутор Плешаковский” повсеместно расположено множество средних и мелких озер, лугов и болот, соединенных между собой протоками и старицами. В многочисленных водоемах и на Дону водятся многие виды ценных рыб: стерлядь, жерех, сом, налим, судак, лещ, карась и другие. В связи с разнообразием гидрологических условий и труднодоступностью этих мест здесь представлены многие виды редких растений и животных (водный орех, кубышка желтая, болотноцветник щитовидный, кувшинка белая, выхухоль, бобр, белый лебедь, кулик-сорока, вышь малая, белая цапля и другие).

Фитоценозы лугов характерны представителями разнотравной и ситняго-злаковой растительности (лисохвост луговой, рябчик шахматный, мышиный горошек, тимофеевка луговая, ежа сборная, ядвенец рогатый, мятлик луговой, кровохлебка лекарственная, ситняг болотный, манник наплывающий, осока вздутая).

Станица Еланская с прилегающей территорией представляет интерес как в этнографическом (одна из немногих, сохранившая типичный облик донской станицы начала XX века), так и в ландшафтном аспекте. Природа этого места характеризуется чередованием песчаных степей и искусственных посадок сосны обыкновенной.

Флористический состав растительности песков очень беден. Из древесных видов растений наиболее часто встречаются шелоуга, раkitник и астрагал. Основу травостоя составляют полынно-злаково-разнотравные сообщества с общим проективным покрытием от 30 до 70%. Доминантами в них выступают: полынь песчаная, овсяница Беккера, чабрец душистый, вейник наземный, мятлик узколистный, ковыль песчаный, полынь австрийская. Естественно, столь бедный состав

фитоценоза не смог закрепить легкоразвеваемые донские пески и предотвратить катастрофическое опустынивание вешенской земли.

Уже в 60-х годах прошлого столетия наступление песков было угрожающим — по словам М.А.Шолохова, “...безнаказанно и неотвратимо, со змеиным шипением, ползли с востока гибельные пески, из года в год поглощая ненасытным желтым зевом плодородную почву...” Некогда плодородный край за короткое время превратился в пустыню. Чтобы не допустить дальнейшего ее распространения, было решено создать рукотворные леса. Первые посадки сосны на песках были заложены учащимися Антиповской начальной школы под руководством учителя Кондрашова Степана Андреевича. Было это в начале века, а бор, которому без малого 100 лет, так в народе и называют — Кондрашовский. К настоящему времени в Шолоховском районе посадками сосны занято свыше 16 тыс. га. В этих насаждениях уже можно встретить таких типичных лесных животных, как лось, олень, косуля, кабан, заяц.

Раскинувшиеся массивы сосновых лесов не только являются местом обитания животных и служат источником древесины, но и имеют большое средообразующее значение и выполняют санитарно-гигиенические функции. 1 га соснового леса, по данным ученых (1, с.7), выделяет за сутки около 5 кг летучих веществ (фитонцидов); сосняки также очень эффективно поглощают шумы, адсорбируют пыль и промышленные выбросы в атмосферу, а в процессе фотосинтеза интенсивно выделяют ионизированный кислород (3-5 т/год). Не случайно именно посреди соснового бора в главной казачьей станице расположен бальнеологический центр “Санаторий Вешенский”.

И если в начале века о Вешенской и ее окрестностях М.А.Шолохов писал так: “Вешенская — вся в засыпи желтопесков... А на север за станицей шафранный разлив песков, чахлая посадка сосняка, енды, налитые розовой от красноглинистой почвы водой...” (3, с.141), то в настоящее время “чахлая посадка сосняка” превратилась в изумрудный сосновый бор, а тучные енды так и остались напоминанием того, что даже среди бескрайнего простора сыпучих песков встречаются оазисы.

Енды, или степные колки, представляют собой леса, расположенные в замкнутых впадинах эолового происхождения, временно или постоянно заполненных водой. Обычно центральную часть енды занимают кустарниковые ивы — тальники. По микроповышениям на кочках поселяется ольха черная. Внешний пояс енды сформирован смешанным по составу насаждением: встречаются дуб, ясень, осина, вяз, яблоня, крушина, боярышник, черемуха. Только в ендах естественно произрастает береза, ослепляя белизной своего ствола и радуя светло-зеленой листвой. Летом и осенью из-за обилия съедобных грибов (белый, подберезовик, подосиновик, опенок, волнушка, черный груздь, многие виды сыроежек) енды весьма привлекательны для многочисленных ценителей “тихой охоты”.

В красивейшем месте степных енды, в 8 км севернее станицы Вешенской, располагается одна из основных достопримечательностей ЛЗЗ — памятник природы “Вешенский дуб”. Вокруг дуба выделена зона охраняемого ландшафта площадью 150 га, в том числе — охранный памятник площадью 2,5 га.

В паспорте памятника природы указано, что дубу-великану 400 лет, но его истинный возраст, видимо, существенно больше. Это настоящий “патриарх”, шумевший здесь своей листвой уже во времена царствования Ивана Грозного. Глядя на этот дуб, невольно восторгаешься его внушительными размерами. На уровне груди (1,3 метра) диаметр его ствола составляет 2,4 м, а обхватить его, взявшись за руки, смогут не меньше четырех мужчин (окружность — 7,6 м). С высоты 1,9 м дерево раздваивается вилок и образует два самостоятельных ствола. Высота первого — 25 метров, диаметр — 1,4 м, второго соответственно — 25,2 и 1,6 м. Мощная, почти правильная шатровидная крона дуба размером 25 м в поперечнике летним полднем бросает на землю тень площадью 600 м². Общий объем ствола составляет 42 м³ — из такого количества древесины можно сделать сруб двухэтажного дома.

Много легенд связано с дубом. По одному преданию, где-то в этих местах татарский хан закопал клад, и чтобы обозначить его, посадил дуб. Много раз с того времени приходили к дубу казаки,

прихватив с собой лопаты да кирки. Знали понаслышке, что до заветного места надо отсчитать от дуба пятьсот шагов, только вот в какую сторону считать толком не ведали...

Вся территория памятника природы “Вешенский дуб” включена в подзону особо охраняемого ландшафта, что позволяет организовать различные туристические маршруты и экскурсии.

Енды, как правило, чередуются с небольшими участками целинной степи, растительность которых представлена разнотравно-злаково-ковыльными группировками (ковыль Иоанна, вейник наземный, мятлик узколистный, ноня темная, ковыль перистый, молочай Сегье). Характерным элементом описываемых растительных группировок является раkitник донской: во время цветения он дает ярко-желтый аспект, что очень живописно выглядит в сочетании с серебристыми перьями ковыля.

Эталонный участок ковыльно-чабрецово-типчаковой степи расположен в урочище “Паники” Дубровского лесничества, что в нескольких километрах севернее зоны охраняемого ландшафта ГМЗЦ. Наиболее характерные обитатели целинных степей - заяц-русак, лисица, енотовидная собака, степной лунь, перепел, полевой и малый жаворонок, прыткая ящерица, желтобрюхий полоз, степная гадюка и др.

Наряду с ландшафтным разнообразием природоохранная зона ГМЗЦ может стать не только структурой, позволяющей сохранить легко нарушаемое природное равновесие, но и институтом, проводящим научные изыскания и экологический “ликбез” в столь прекрасно оборудованной “лаборатории”. При этом необходимо отметить особую рекреационную привлекательность такой “экспозиции”. Помимо традиционного использования населением мест отдыха, рыбной ловли, охоты, сбора грибов, ягод в пределах ЛЗЗ разработаны различные туристические маршруты: автомобильный (ст. Вешенская - родник Отрог - Лебяжий яр - ст. Еланская - церковь Николая Чудотворца - урочище “Островное”), конный (залив Мигулянка - оз. Россохово - Калмыцкий брод - Базковский луг; памятник природы “Вешенский дуб”), водный (пристань ст. Вешенской — хутор Лебяжий - хутор Калининский - хутор Плешаковский), пешеходный (выставка “Шоло-

хов и природа” в доме писателя - залив Мигулянка - Девичья поляна - оз. Островное).

Прогулки по этим маршрутам оставляют неизгладимое впечатление о красоте донского края, необъятных степных просторах, свежести и чистоте воды и воздуха, девственном пойменном лесе и живописном рельефе меловых гор.

Сосредоточение на территории ГМЗШ различных биогеоценозов (пойменные леса, искусственные сосняки, березово-ольховые колки, крупнобугристые пески, заливные луга, болота, целинные степи, меловые склоны), большое разнообразие ландшафтов, наличие многих эндемичных и редких видов растений и животных свидетельствует о биогеографической уникальности объекта. Историческая, культурная, научная, рекреационная ценность региона и возможность бальнеологического лечения на местных минеральных источниках должны послужить предметом обсуждения особого статуса территории ГМЗШ в отношении охраны природы и природопользования.

Литература

1. Моисеев В.С., Тюльпанов Н.М., Яновский Л.Н. и др. Ландшафтная таксация и формирование насаждений пригородных зон. Л.: Стройиздат, 1977. - 224 с.
2. Турчин Т.Я., Шолохов А.М. Деревья и кустарники ландшафтно-заповедной зоны Государственного музея-заповедника М.А.Шолохова. Информационно-издательский центр ГМЗШ, Вешенская, 1998, - 41 с.
3. Шолохов М.А. Тихий Дон: Роман: В 4 кн. Кн.1. М.: Русская книга, 1992. - 352 с.

КОНЦЕПЦИЯ АТЛАСА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ДАГЕСТАНА

Проблема сохранения наследия сформулирована в документах ЮНЕСКО, в ряде законодательных актов, связанных с охраной культурных ценностей в различных странах мира, в том числе и России. В них зафиксировано представление о наследии как комплексе культурных ценностей. В настоящее время наследие любого региона в социокультурном плане “предстает как общественный феномен, вызываемый к жизни общественным сознанием, служащий не только общему, но индивидуальным интересам, оказывающий большое воздействие на жизнь общества и подлежащий передаче последующим поколениям” (1).

Разработка комплексных программ охраны и использования наследия на современном этапе — в период политических кризисов — приобретает особое значение. В этой связи становится очевидной и чрезвычайная важность научного обеспечения деятельности в сфере историко-культурного и природного наследия с учетом всех процессов, которые определяют сегодня функционирование и развитие общества, хозяйства, культуры и окружающей их природной среды.

Создание системы эффективных общероссийских и региональных комплексных программ по охране и использованию наследия определяет актуальность развития методики и практики комплексных исторических исследований, в которых должны быть широко представлены глобальный и региональный (территориальный) подходы. Основным объектом охраны и использования становятся территории — от страны в целом до республик, областей, районов и, наконец, отдельных городов, сел и усадеб.

Современная концепция культурного и природного наследия исходит из представлений о культурных ландшафтах и уникальных историко-культурных территориях как наиболее совершенных формах хранения и изучения целостных комплексов наследия. Но ее практическая

реализация сдерживается недостаточным развитием географизированной (прежде всего картографической) научно-информационной базы об объектах наследия, которая призвана выполнять важнейшие функции банка данных, инструмента научных исследований, практических проработок, источника формирования социокультурного и государственно ориентированного сознания граждан. Отсутствие такой информационной базы для значительной части регионов России препятствует выработке и осуществлению реалистичной государственной политики в сфере наследия, принятию эффективных мер по сохранению историко-культурной и природной среды. Среди регионов, где отсутствие информационной базы особенно сказывается на формировании перспективной культурной политики, выделяется Дагестан — республика с богатейшими культурными традициями и уникальным по разнообразию сочетанием историко-культурного наследия различных народов. Здесь сложился уникальный этнокультурный ландшафт, предопределяющий важнейшую роль культуры и наследия в политической, социальной и экономической жизни народов этой республики.

В системе различных мер по созданию соответствующей научно-информационной базы особое место должно быть отведено созданию Атласа историко-культурного и природного наследия Дагестана как комплексного научно-справочного фундаментального картографического произведения (2).

Основными задачами при формировании Атласа должны стать:

- создание свода современной пространственно-временной информации о культурном и природном наследии Дагестана;
- выявление закономерностей и специфики распространения и развития различных этнических культур, их взаимосвязи;
- обеспечение методической и информационной поддержки разработки программ по охране и использованию культурного и природного наследия.

Подобный подход позволит не только создать своеобразный свод культурного и природного наследия республики, но и отразить его в контексте современных политических, социально-экономических и социокультурных реалий. Это обеспечит возможность самого широкого

использования карт в области науки, образования, просвещения, пропаганды знаний и культуры. Многогранное содержание Атласа может обеспечить рекламу и пропаганду культурного и природного достояния Дагестана за рубежом.

Территория Дагестана выделяется среди других регионов России значительным разнообразием природы, хозяйства и этнокультурного пространства, мощным пластом культурного наследия. И действительно, Восточный Кавказ, часть которого в нынешних границах занимает Дагестан, едва ли не самый значительный и выразительный полиэтничный регион в мире. Здесь представлены стволы крупнейших языковых семей, индоевропейской, алтайской (тюркской), афроазиатской (семитской) и собственно кавказской (3).

С древнейших времен Восточный Кавказ был ареной контактов великих цивилизаций Переднего Востока: ассиро-вавилонской (в урартийском варианте), персидской, греко-римской (в византийском варианте), арабо-мусульманской, тюркской и европейской (в российском варианте). Эти цивилизации, следуя друг за другом или скрещиваясь между собой, оставили в регионе мозаики и цельные сплавы культурных образований.

Природно-географические условия и культурные традиции Дагестана способствовали формированию многоотраслевой и многоукладной экономики. Наличие четырех природных зон (равнина с морем, предгорье, нагорье с долинами, плато и высокогорье с богатыми альпийскими пастбищами) явились основой для различных форм традиционного природопользования. На территории республики формировалась практика отгонного скотоводства, специализация различных зон по земледелию и скотоводству и эффективное сочетание их в нагорной части Дагестана. Равнина, бывшая в основном базой для отгонного скотоводства, ныне определяет сельскохозяйственный и промышленный потенциал республики. На северо-западе Каспия Дагестан замыкает границы культуры террасного земледелия, возникшей на Ближнем Востоке и распространившейся по "золотому поясу" земного шара.

Формирование культуры Дагестана происходило на фоне мощных потрясений и связанных с ними периодов упадка, стагнации и подъема

культурных, экономических и социальных институтов (4). Предпринятая разработка концепции наследия Дагестана как наиболее устойчивой и фундаментальной части культурного ландшафта, раскрытие закономерностей и особенностей эволюции культур малых этносов, путей взаимодействия традиций и инноваций в различных сферах деятельности (социокультурной, экологической и экономической) в контексте многих острых современных проблем будут способствовать формированию базовых звеньев реальной государственной национальной политики, снятию различных противоречий при взаимодействии традиционных и инновационных субкультур.

В целом концепция Атласа базируется на методологии культурного ландшафта, который *“может быть определен как целостная и территориально-локализованная совокупность природных, технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединенного действия природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и рутинной жизнеобеспечивающей деятельности людей”* (5). При этом культурный ландшафт включает в себя совокупность взаимосвязанных территориальных культурно-природных комплексов, обеспечивающих развитие, воспроизводство и сохранение объектов и явлений как инновационной, так и традиционной культур (6).

Основу концепции составили следующие положения: формирование исторической среды как необходимое условие гармонизации отношений между человеком и пространством его обитания; организация системы особо охраняемых историко-культурных и природных территорий как каркаса культурного ландшафта; формирование целостного информационного пространства о наследии (7). Первое положение имеет особое значение в связи с тем, что фактически любая территория, любое местоживание должно содержать историческую память. Поэтому последствия миграции, которые обычно рассматриваются лишь в экономическом и социальном аспектах, на самом деле имеют большой культурологический и экономический смысл.

Важнейшим условием сохранения наследия является его соотнесение с системой ценностных ориентиров, установок, сложившихся у

населения. Только осознание человеком ценности наследия и необходимости сохранения его как важнейшего условия своего существования актуализирует наследие, делая его частью окружающей среды.

Это положение концепции Атласа представляется более широким, чем понятие о культурном ландшафте и базируется на проблеме формирования уникальных исторических территорий, представляющих собой социокультурные феномены. Выделение подобных территорий связано, в определенной степени, с переосмыслением отношения к памятникам истории и культуры, восприятием их в контексте единой социокультурной и природной среды. При этом важно проследить эволюцию роли и места памятника в среде, процесс его возникновения, существования в прошлом и “интеграции” в современный мир. Однако главным при создании такого рода территорий является сохранение живой культуры народа.

Атлас наследия Дагестана на основе обобщенной концепции подготовлен силами ученых Дагестана и Москвы, под эгидой Министерства культуры Российской Федерации, в рамках программы “Наследие”. Исследовательский проект атласа является логическим обобщением накопления материала, а создание серии карт сложного этнокультурного пространства, каким является Дагестан, позволит осуществить пространственный анализ роли природных, социокультурных и социально-экономических факторов и сформировать базу региональной социокультурной политики. Картографический материал атласа является основой культурно-ландшафтного районирования Дагестана, выделения уникальных историко-культурных территорий (этнокультурных и природных комплексов) и эффективного планирования многих сторон социокультурного развития на районном (местном) уровне управления.

Атлас будет состоять из следующих разделов:

- 1) История формирования природного и культурного ландшафта Дагестана;
- 2) Природные, социально-экономические и социокультурные условия существования населения;
- 3) Природное наследие;
- 4) Культурное наследие;

5) Современные формы охраны и использования наследия (здесь будут раскрыты история развития, специфика современной жизни и перспективы возрождения культуры и природы Дагестана).

В первом разделе особое внимание уделяется истории заселения и освоения Дагестана, истории формирования государственности среди этносов, живших в этом регионе или использовавших эту территорию в периоды великих переселений, во время многочисленных военных столкновений. Все эти события рассматриваются на фоне динамики природных процессов, охватывающих значительные временные периоды.

Второй раздел касается современной социально-экономической и социокультурной ситуации, характерной для всей России. В нем дается характеристика населения, особенности его расселения по территории, раскрывается его этнический состав, описывается ряд демографических процессов, производственная инфраструктура и социальная стратификация.

Третий и четвертый разделы посвящены анализу отдельных видов и форм наследия. При этом имеются в виду не только материальные формы культуры, как то: архитектурные и градостроительные памятники, археологические объекты, памятники природы и т.д., но и объекты духовного наследия — обряды и праздники, фольклор, опыт народной медицины. В качестве объектов картирования рассматриваются и традиционные для Дагестана виды природопользования.

Пятый раздел включает карты, раскрывающие современные формы охраны, управления и использования наследия. Среди них — география разнообразных форм особо охраняемых территорий, музеев. Атлас включает в себе и предложения по экскурсионно-туристическому использованию объектов наследия и другим видам вовлечения их в социально-экономическую и социокультурную деятельность.

Атлас культурного и природного наследия Дагестана следует рассматривать как региональную часть Российского атласа культурного и природного наследия, концепция и содержание которого разработана в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия. Вместе с тем, ряд карт и методы их составления и особенности компоновки имеют свое оригинальное решение. Особое

значение при составлении Атласа наследия Дагестана имеет этнокультурное многообразие региона и концепция культурного ландшафта как географическая модель культурного пространства, определяющего отношение населения к окружающей среде.

Для разработки специального содержания карт и других материалов атласа использовались знания, опыт и результаты исследований представителей академических и учебных институтов, ученых и специалистов, краеведов, деятелей культуры, привлекались обширные данные и знания, накопленные в научной исторической и географической литературе, статистические и картографические материалы, документы архивов, научно-исследовательских организаций, музеев и др. Широко использовались нормативные, инструктивные и законодательные материалы, энциклопедии, этноисторические, лингвистические, археологические, экономические и географические карты.

Создание Атласа будет иметь большое политическое, воспитательное, культурное и хозяйственное значение для Дагестана. Его материалы могут стать инструментом научного и художественного творчества, стимулом для практической и исследовательской деятельности в различных отраслях знания, в разработке программ рационального использования наследия в различных целях.

Литература

1. Дьячков А.Н. Культурное наследие как система культурных ценностей // Культурное и природное наследие России. Вып. 1. М., 1996, с.14.
2. Набиева У.Н. Основные аспекты возрождения культурного ландшафта Дагестана. Труды Географического общества Дагестана. Вып. XXIII. Махачкала, 1995, с.7-9.
3. Бокарев А.Н. Дагестанские языки // Языки народов СССР. Т.4. М., 1967, с. 247.
4. Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура северо-восточного Кавказа. М., Наука, 1991, с.244.
5. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. СПб., 1997, с.9.
6. Веденин Ю.А. Указ. соч., с.17.
7. Набиева У.Н. Указ. соч., с.8-9.

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ
ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ РЕГИОНОВ РОССИИ

Под аксиологической географией (или аксигеографией) автор подразумевает картографирование и изучение закономерностей распределения в пространстве оценочных суждений респондентов социологических опросов о различных свойствах тех территорий (или объектов на них расположенных), которые подлежат оцениванию в ходе этих социологических опросов. Возможность выделения такой вспомогательной дисциплины, расположенной “на стыке” географии, экономики, социологии, культурологии и психологии, базируется на высказанных учеными еще в 1970-х годах выводах о том, что *“вся территория видится людьми как своеобразное поляризованное культурное поле с фокусами притяжения и отталкивания”* (1, с. 87), что *“дальнейшее изучение системы показателей социальных оценок территории позволит перейти к составлению специальных оценочных карт”* (1, с. 91).

Можно также вспомнить в этой связи слова Ю.М. Лотмана о том, что *“иерархия культурной значимости различных пространств дополняется иерархией степеней их ценности, (зависящей от внутренней структуры данного типа культуры); так выделяются пространства, предназначенные для государственно-политической деятельности частной жизни и проч. Эстетические переживания также отнюдь не равномерно распределяются внутри культурного пространства”* (2, с. 49).

В русле этих общих посылок автором, начиная с 1978 года, проводились анкетные опросы, преследовавшие, наряду с другими целями, и такую цель, как выявление самых эстетически привлекательных (а также самых эстетически непривлекательных) городов на территории теперь уже бывшего СССР. Помимо ранжирования различных регионов России по оценке респондентами эстетической привлекательности (или непривлекательности) архитектурно-пространственной, экологической, а также, отчасти, социальной среды их городов,

и кроме того, помимо выявления средовых эталонов (и “антиэталон”!), характерных для представителей различных социальных групп, это создает предпосылки для картографирования “визуальных ресурсов” различных регионов не только России, но и стран так называемого “ближнего” (точнее — нового) зарубежья.

Таким образом, в число составляющих комплексной научной оценки городской среды различных регионов страны, наряду с объективными свойствами городской среды различных ее регионов, включается и та, весьма важная сторона социальной структуры, которая может быть названа “массово-субъективной”, своего рода “современная городская и региональная мифология”, мысленные карты, существующие в головах людей, с фокусами притяжения и отталкивания. Речь идет о системе оценок и сравнительных предпочтений определенных качеств городской среды различных частей территории страны, которая складывается и действует в массовом сознании различных групп населения. О системе оценок здесь правомерно говорить, поскольку при всем разбросе склонностей отдельных лиц как раз изучение массовых оценок должно дать сравнительно устойчивые и взаимоскоррелированные показатели. Очевидно, что действие таких оценок не ограничивается только сознанием: они играют существенную роль в ориентации соответствующих форм массового поведения (направления потоков миграции, маршрутов внутреннего туризма и т.д.).

Автор полагает, что помимо выявления средовых эталонов, характерных для представителей различных социальных групп, его работа создает предпосылки для картографирования “визуальных ресурсов” как части паспортизации культурного потенциала различных регионов как России, так и стран нового зарубежья.

Излагая более подробно методику получения автором социологической информации следует отметить, что два вопроса, положенные с начала 1990-х годов в ее основу, а именно: “Какие города бывшего СССР Вы считаете самыми красивыми?” и “Какие города бывшего СССР Вы считаете самыми некрасивыми?” не сразу приобрели свой нынешний вид. Для того, чтобы учесть те смысловые нюансы, которые отличали первые варианты этих вопросов от окончательных,

следует последовательно изложить, на какие этапы делился этот, во многом единый цикл исследований за последние 20 лет.

Первый крупный этап описываемого цикла исследований приходится на период с 1978 года по 1985 год. Главной особенностью этого первого периода было то, что это был, в первую очередь, опрос населения по месту жительства путем обхода квартир по “механической” выборке анкетером, в качестве которого всегда выступал сам автор. В итоге, к 1985 году было опрошено по месту жительства 52 жителя Ивановского, 48 жителей Лианозова, 52 жителя Орехово-Борисова, 22 жителя Строгина и 50 жителей Ясенева в Москве, а также 11 жителей новой части города Тольятти, всего — 235 респондентов.

В этот период респондентам в Москве задавался следующий вопрос, состоявший из двух частей: *“Какой жилой район, из тех, что Вы видели, кажется Вам самым красивым?”*

а) в Москве,

б) в другом городе (в каком?)”.

Для жителей Тольятти в пункте а) было написано: “в Тольятти”. Следует сразу отметить, что данные собранные по пункту а) в Москве, которые автор широко использовал в публикациях и выступлениях по “московским сюжетам”, в настоящем отчете не используются вовсе. В противном случае цифровой материал по Москве настолько бы “разбух”, что были бы нарушены все пропорции в оценках разных городов. Впрочем и без того “московские” данные, относящиеся к более поздним этапам работы, кажутся несколько избыточными. Думается, что это, по-видимому, скорректируется при анализе данных за 1993-1999 гг., которые пока что проанализировать не удалось.

Анализируя результаты этого первого периода работы хочется отметить как плюсы, так и минусы полученных в эти годы результатов. С одной стороны, были опрошены представители практически всех возрастных, образовательных и социально-профессиональных групп, то есть выборка была максимально приближена к репрезентативной (насколько это вообще возможно при работе с малыми выборками). С другой стороны (и именно поэтому!), информативная насыщенность ответов, в особенности на пункт б), оказалась весьма невысокой. Достаточно ска-

зять, что из 235 респондентов затруднились ответить на пункт б) 133 человека! Особенно большие трудности возникли при ответе на этот пункт у пожилых людей с низким уровнем образования. Кроме того, в этот период “конструкция” вопроса совершенно не давала возможности сформировать “черный” список. Впрочем автор должен признаться, что тогда это казалось ему не очень важным.

Так или иначе, но перед автором встала проблема поиска такой методики проведения опросов, которая была бы, с одной стороны, менее трудоемкой и громоздкой, а, с другой стороны, давала бы более информативно насыщенные результаты в ответах респондентов. Все это вывело автора еще в 1982 году (то есть, в рамках первого периода работы) на опросы учащейся молодежи по аудиториям.

Всего по аудиториям в 1982-1985 гг. было опрошено 135 респондентов. Вопрос на этом этапе формулировался так *“Назовите несколько самых красивых жилых районов в разных городах”*. Вопрос не ограничивал выбор даже границами СССР, но процент “выездных” среди респондентов (и, соответственно, “заграничных” городов) был так исчезающе мал, что им можно было пренебречь.

Положительные стороны этой новой методики проявились сразу. Достаточно сказать, что из 135 респондентов в аудиториях затруднились с ответом на проведенный выше вопрос только 7 человек! Кроме того опросы учащейся молодежи по аудиториям представляли выход на одну из “опережающих” социальных групп, “лидеров общественного мнения”. Студенты-географы и продолжавшие обучение молодые специалисты-градостроители соединяли, с одной стороны, определенный уровень профессионализма и компетентности в суждениях и, с другой стороны, преимущества свойственной этому возрасту раскованности мышления и того, что эта возрастная группа представляет собой как бы “завтрашних потребителей” городской среды.

К числу недостатков этого периода опросов, общего с опросами населения по месту жительства, следует отнести тот факт, что и при опросе по аудиториям “конструкция” вопроса также не давала возможности сформировать “черный” список. Кстати, тот, кому представленная в настоящем отчете рейтинговая таблица шкала за

1978-1990 гг. покажется рисующей слишком мрачную картину, должен иметь в виду, что в ее основе волею обстоятельств оказалась заложенной “фора” в 370 респондентов (из общего числа в 876!), дававших только положительные оценки облика наших (или “бывших наших”) городов! Именно к этому периоду относится первая публикация автора, посвященная сравнительной оценке респондентами различных городов СССР (3, с. 36-42).

Этот недостаток был исправлен только в ходе опросов по аудиториям в 1988-1989 гг., когда впервые были заданы два вопроса: “Какие города СССР, из тех что Вы видели, Вы считаете самыми красивыми?” и “Какие города СССР, из тех, что Вы видели, Вы считаете самыми некрасивыми?”. По этим двум вопросам в 1988-1989 гг. автором были опрошены 29 слушателей семинара по географии населения кафедры экономической и социальной географии географического факультета МГУ, 20 слушателей подготовительного курса географического факультета МГУ (“рабфака”), а также 11 слушателей факультета повышения квалификации МАРХИ, всего 60 респондентов.

Ну и, наконец, последний опрос, данные которого автор успел обработать для включения в настоящую статью), был проведен в мае - июне 1990 года. Это был опрос, ..доведенный по заказу агентства POSTFACTUM научным центром “СОЦЭКСИ”, в котором тогда работал автор настоящей статьи., под общим научным руководством кандидата экономических наук Л.Г.Бызова. Основной темой опроса был бытовой шовинизм в СССР, но в анкету, с согласия автора настоящего отчета, были включены в слегка модифицированном виде два его вопроса, а именно: “Какой город в стране кажется Вам самым красивым, привлекательным?” и “Какой город в стране Вы считаете самым некрасивым, непривлекательным?”. Хотя слова “привлекательный” и “непривлекательный”, идущие через запятую вслед за словами “красивый” и “некрасивый”, в сочетании с общим контекстом данного опроса, слегка “отклоняли” ответ с оценки архитектурно-пространственной среды того или иного города к оценке его социальной среды, но следует учесть, что, как не раз убеждался

автор, оценка социальной среды городов “вкрадывается” и в ответы на вопросы, казалось бы “стопроцентно архитектурно-эстетические”. Что касается слова “страна”, то, как показывает анализ данных опроса, под этим словом в 1990 году подавляющее большинство респондентов имело в виду именно СССР.

Массив, в том виде, в котором он обработан при подготовке настоящей статьи имеет следующий вид: 237 опрошенных русских жителей Москвы и Подмосковья, 25 русских жителей Нарвы, 59 московских евреев, 53 московских армянина (преимущественно беженцы из Азербайджана), 8 московских украинцев, 3 московских молдаванина, 1 московская мордовка, 1 московская татарка и 57 казанских татар, всего — 446 респондентов.

Из таких компонентов складывается общая цифра — 876 респондентов, ответы которых автор успел обработать к настоящему моменту. Конечная дата опросов в обработанной части анкет (май-июнь 1990 года) имеет и некоторый немаловажный содержательно-символический смысл. Это был последний опрос, проведенный автором по данной тематике до распада СССР. Следующие опросы проводились автором в определенном смысле уже в другой стране. Не случайно, когда в 1993 году автор продолжил опросы, то “конструкцию” вопросов пришлось несколько изменить. Теперь они выглядели так: “Какие города бывшего СССР, из тех, что Вы видели, Вы считаете самыми красивыми?” и “Какие города бывшего СССР, из тех, что Вы видели, Вы считаете самыми некрасивыми?”. Кроме того, совсем недавно (с 03.03.98 года), в связи с резким падением территориальной мобильности сильно обедневшего населения, автор счел за благо убрать из обоих вопросов слова: “из тех, что Вы видели”, после чего они и приобрели свой нынешний вид, приведенный в начале введения.

Если же характеризовать всю представленную в отчете совокупность респондентов, то автору представляется, что некоторая разница в технологии получения данных на разных этапах этой работы принесла ей определенную пользу. Здесь представлены суждения представителей разных возрастных и социально-профессиональных групп

(опрос населения по месту жительства в 1978-1985 гг., а также опросы по бытовому шовинизму в 1990 году и (наряду с суждениями москвичей) суждения жителей (или бывших жителей) других городов России (и не только России): Тольятти, Подмосковья, Нарвы, Казани, городов Азербайджана, а также суждения иногородних слушателей факультета повышения квалификации МАрХИ, и суждения представителей разных этнических групп (тот же опрос 1990 года) и, наконец, суждения носителя элементов “специализированного”, “экспертного” видения предмета опроса (будущие географы-урбанисты, градостроители), — все это создает достаточно “объемную” картину, составленную из взаимодополняющих элементов. Не хватает лишь суждений экспертов в полном смысле этого слова, но автор, отработав за эти годы методику проведения таких опросов, намерен “охватить” этот весьма важный — контингент в ближайшем будущем.

Завершая введение, хочется разъяснить природу присвоенных каждому городу (а затем и региону) средне-арифметических баллов. Каждому упоминанию того или другого города в позитивном контексте (т.е. в качестве “красивого”) присваивался коэффициент +1. Каждому упоминанию того или иного города в негативном контексте (т.е. в качестве “некрасивого”) присваивался коэффициент -1. Затем выводились среднеарифметические баллы сначала по каждому городу, а затем и по каждому региону (путем суммирования средне-арифметических баллов, расположенных на их территориях городов), результатом чего и явилась представленная в статье рейтинговая таблица.

Разумеется, данные по России представляют собой как бы “вырезку” из “общесоюзного” массива данных, обусловленную рамками положенной в основу статьи темы научного исследования, проводящегося в рамках Института Наследия. Но, как уже упоминалось выше, в случае востребованности информации по всему постсоветскому пространству, составление аналогичных “постсоюзных” рейтинговой таблицы и карты не составит серьезных методических затруднений.

И последнее, о чем хочется предупредить заранее. Поскольку обработанные к настоящему времени данные опросов относятся, самое позднее, к 1990 году, то и названия городов приводятся те, которые

эти города носили в период с 1978 г. до 1990 г. и которые фигурировали в анкетах. Думается, что это вполне корректно с научно-методической точки зрения.

Приступая к изложению содержательной части исследования следует прокомментировать ту картину, которая предстает при ознакомлении с рейтинговой таблицей — шкалой эстетической привлекательности (или непривлекательности) городской среды регионов России (Табл. 1).

Первое, что бросается в глаза, это тот факт, что, по мнению респондентов, в России были и есть только два города, в полной мере заслуживающие этого названия по своим эстетическим качествам. Это Ленинград (Санкт-Петербург) — город “отличник” (+222) и Москва — город “хорошист” (+106). При этом следует отметить, что Ленинград по “эстетическому рейтингу” более чем вдвое опережает Москву — город, в котором главным образом и производились опросы (в самом Ленинграде автор опросов вообще никогда не проводил!). То есть Петербург-Петроград-Ленинград-Петербург представляет собой для россиян некий идеальный средовой эталон, своего рода “незаходящее солнце русского градостроительства”. Кстати сказать, ведь именно как идеал — эталон (“Парадиз”!) он с самого начала замышлялся и строился. Не зря ведь Ф.М.Достоевский в “Записках из подполья” называл Петербург “самым умышленным городом в мире”.

Кстати, тот факт, что общероссийским идеалом — эталоном городской среды является город подчеркнуто европейского (даже, точнее, западноевропейского) облика свидетельствует, по мнению автора, о том, что, вопреки нынешней моде на “евразийство”, основная доминанта современной художественной культуры не только собственно русских, но и вообще россиян носит именно европейский, а не евразийский характер. Так, например, опрошенные в 1990 году казанские татары не меньше русских готовы были восхищаться красотой Ленинграда и были не очень высокого мнения об эстетической привлекательности своей родной Казани.

Таблица 1

ШКАЛА ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ
(ИЛИ НЕПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ) ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ
РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ранг	Регионы	Средне- арифметический балл
гр. 1	гр. 2	гр. 3
1	Ленинград	+222
2	Москва	+106
3	Калининградская область (Калининград: +7; Светлогорск: +3)	+10
4	Новгородская область (Новгород: +6, Валдай: +2)	+8
5	Приморье (Владивосток: +4)	+4
6	Горьковская область (Горький: +6, Городец: -3)	+3
7	Архангельская область (Каргополь: +2)	+2
8	Волгоградская область (Волгоград: +2)	+2
9	Ленинградская область (Пушкин (б.Царское село): +2)	+2
10	Ставропольский край (Кисловодск: +1, Пятигорск +1)	+2
11	Псковская область (Псков: +1)	+1
12	Иркутская область (Иркутск: 0)	0
13	Ярославская область (Ярославль: +3, Переславль-Залесский: +2, Углич: 0, Ростов Великий: -1, Рыбинск (Андропов): -4)	0
14	Северная Осетия (Орджоникидзе: -1)	-1

1	2	3
15	Владимирская область (Суздаль: +10, Владимир: -1, Александров: -2, Лаинск: -9)	-2
16	Астраханская область (Астрахань: -3)	-3
17	Воронежская область (Воронеж: -3)	-3
18	Кировская область (Киров: -3)	-3
19	Орловская область (Орел: -3)	-3
20	Пермская область (Пермь: -3)	-3
21	Чувашия (Чебоксары: -3)	-3
22	Башкирия (Уфа: -4)	-4
23	Костромская область (Кострома: +3, Мангурово: -7)	-4
24	Красноярский край (Красноярск: -4)	-4
25	Липецкая область (Елец: -2, Липецк: -2)	-4
26	Омская область (Омск: -4)	-4
27	Белгородская область (Белгород: -5)	-5
28	Камчатская область (Петропавловск-Камчатский: -5)	-5
29	Калужская область (Боровск: 0, Медынь: -1, Калуга: -2, Обнинск: -3)	-6
30	Новосибирская область (Новосибирский Академгородок: +3, Новосибирск: -9)	-6
31	Ростовская область (Ростов-на-Дону: -1, Таганрог: -5)	-6
32	Чечено-Ингушетия (Грозный: -6)	-6

1	2	3
33	Бурятия (Улан-Удэ: -7)	-7
34	Вологодская область (Череповец: -7)	-7
35	Карачаево-Черкесия (Черкеск: -7)	-7
36	Карелия (Петрозаводск: -2, Беломорск: -5)	-7
37	Тамбовская область (Тамбов: -7)	-7
38	Амурская область (Тында: -8)	-8
39	Калмыкия (Элиста: -8)	-8
40	Рязанская область (Рязань: -8)	-8
41	Саратовская область (Саратов: -8)	-8
42	Сахалинская область (Южно-Сахалинск: -8)	-8
43	Ульяновская область (Ульяновск: 0, Димитровград: -8)	-8
44	Удмуртия (Воткинск: -8)	-8
45	Кабардино-Балкария (Тырныауэ: -9)	-9
46	Смоленская область (Смоленск: -3, Гагарин: -7)	-9
47	Якутия (Якутск: -4, Среднеколымск: -8)	-9
48	Кемеровская область (Кемерово: -7, Новокузнецк: -7)	-14
49	Тульская область (Алексин: -5, Тула: -9)	-14
50	Тюменская область (Тюмень: -7, Уренгой: -7)	-14
51	Читинская область 9 (Могоча: -5, Чита: -9)	-14

1	2	3
52	Хабаровский край (Хабаровск: -7, Комсомольск-на-Амуре: -10)	-17
53	Краснодарский край (Сочи: +3, Адлер: -1, Анапа: -1, Краснодар: -2, Кропоткин: -8, Новороссийск: -9)	-18
54	Куйбышевская область (Тольятти: -4, Чапаевск: -5, Куйбышев: -9)	-18
55	Калининская область (Торжок: -2, Торопец: -2, Бежецк: -3, Ржев: -4, Андреаполь: -9)	-20
56	Свердловская область (Первоуральск: -5, Нижний Тагил: -7, Свердловск: -9, Богданович: -9, Серов: -9)	-37
57	Челябинская область (Касли: -6, Копейск: -6, Магнитогорск: -7, Челябинск: -18)	-37
58	Татария (Чистополь: -8, Набережные Челны (Брежнев):-9, Нижнекамск:-10, Казань: -14)	-41
59	Мурманская область (Мурманск: -9, Апатиты: -10, Мончегорск: -10, Никель: -10, Кировск: -12)	-51
60	Московская область (Зеленоград: +9, Волоколамск: +2, Можайск: -2, Пушкин: -3, Клин: -4, Наро-Фоминск: -4, Серпухов: -4, Дубна: -5, Ликино-Дулево: -5, Озеры: -5, Орехово-Зуево: -7, Люберцы: -8, Химки: -8, Климовск: -9, Электросталь: -9)	-61
61	Красивых городов нет -2, некрасивых (непривлекательных) городов очень (2) много -14, их большинство -1, большинство - отвратительные -1, некрасивы (непривлека- тельны) почти все -1, некрасивых (непривлекательных) городов нет -5, не хочу никого обижать -1, езде хорошо, где нас нет -1	28
	Затрудняются ответить	417

Особое место занимают также окруженные особой романтической аурой города моряков, эти “окна в большой мир”: Калининград (+7) и Владивосток (+4). В “общесоюзной” рейтинговой шкале еще выше Калининграда котировалась Одесса и ненамного отставал от него Севастополь.

Ну и, конечно, высоко котировались города Европейской России, сохранившие черты своего древнерусского облика и “овеянные веками” имена: Суздаль (+10), Новгород (+6), Кострома (+3), Ярославль (+4), Валдай (+2), Волоколамск (+2), Зарайск (+2), Каргополь (+2), Переславль-Залесский (+2), Псков (+1) и т.д.

Если говорить о сибирских городах, которые в большинстве своем красивыми решительно не признавались, то и здесь частичное исключение делалось для городов с особой историко-культурной аурой: Иркутска (0) и Красноярска (-4). Любопытно также сравнить оценку Новосибирского Академгородка (+3) и самого Новосибирска (-9).

Ну и разумеется не могли не появиться в “позитивной” части шкалы южные города-курорты: Сочи (+3), Кисловодск (+1) и Пятигорк (+1). Кроме того, немало симпатий вызывали в “союзном” списке курортные города “бывшего нашего” Крыма: Ялта, Евпатория, Феодосия и т.д..

Переходя к “негативной” части рейтинговой таблицы — шкалы и карты, следует отметить, что в первую очередь в нее попадали визуально дискомфортные регионы, перегруженные экологически “грязной” промышленностью: Мурманская область, Татария, а также промышленный Урал: Челябинская и Свердловская области. Причем среди конкретных городов роль “дна преисподней” выпала Челябинску (-18). Следом за ним шла Казань (-14). Возможно это связано еще и с тем, что Казань тогда считалась “столицей молодежной преступности”. Что касается очень низкой суммарной оценки эстетической привлекательности городов Московской области, то думается, что здесь главную роль сыграл тот факт, что ее города (особенно в восточном, “промышленном” Подмоскovie) больше всего “намозолили глаза” москвичам, которых оказалось так много среди респондентов. Максимальная эстетическая непривлекательность именно городов Под-

московья по сравнению с городами других регионов России представляется сильно преувеличенной респондентами.

Вообще на данном этапе обработки материала в общем “раскладе” сохраняется еще немало случайного. Разумеется только случайностью можно объяснить, например, тот факт, что всю Вологодскую область представляет один “малопривлекательный” Череповец (-7), но не упомянуты ни сама Вологда, ни, тем более, Тотьма. При обработке данных за 1993-1999 гг. и при их суммировании с уже обработанными и представленными в статье данными эти случайности, несомненно, будут постепенно сглаживаться, “пустоты” — заполняться и т.д. Более подробно и детально полученную в ходе опросов картину можно проанализировать рассматривая уже упоминавшуюся рейтинговую таблицу-шкалу.

Можно еще несколько слов сказать о той части полученных данных, которые не вошли в российскую “вырезку”. Прежде всего следует отметить высокий рейтинг городов тогдашней советской Прибалтики (таких, как Таллин, Рига, Вильнюс и т.д.), а также городов Западной Украины (таких, как Львов, Черновцы, Ужгород и т.д.). Любопытно, что именно те регионы бывшего СССР, в которых находились самые привлекательные для респондентов из России образцы городской среды, не только раньше всех стали “вырываться” из состава СССР, но и дальше вех “откатились” от современной России с точки зрения политико-психологической. Образовалась как бы линия междивизиационного разлома между Европой, условно говоря, протестантско-католической, с одной стороны, и Европой, еще более условно говоря, православной — с другой. Особое отношение у большинства респондентов вызывал также Киев (3-е место в “союзной” рейтинговой таблице-шкале). Характерно, что если Ленинград особенно нравился респондентам помоложе и пообразованнее, то Киев особенно нравился респондентам постарше и “попроще”. К сходным выводам пришел и проводивший зимой 1989/1990 гг. сходное исследование кандидат географических наук Г.Д.Костинский (4, с.57). Части респондентов — “интеллигентов” нравились также города с “восточным колоритом”: Баку, Тбилиси, Хива, Бухара и Самарканд.

Если же говорить об особенностях “всесоюзного” “черного списка”, то в нем на третьем месте (после Челябинска и Казани) шел Сумгаит. Следует отметить также, что Сумгаит обычно называли опрошенные в 1990 году московские армяне — беженцы из Азербайджана. Ответы представителей этой специфической социальной группы вообще дали своеобразную картину: у них в “позитивной” части шкалы на 2-м месте (сразу за Ленинградом) шел Баку как некий “потерянный рай”, зато в “негативной” части шкалы на втором месте (сразу за Сумгаитом!) у них шла Москва, которая, как известно, очень “ласково” встречает беженцев вообще, а “лиц кавказской национальности” — в особенности.

Следует также отметить, что в “черной” части “союзной” шкалы крепко “досталось” таким городам, как Мариуполь (Жданов) на Украине, а также Караганда и Экибастуз в Казахстане.

Думается, что все вышеизложенное свидетельствует о том, что аксиологическая география (или аксиогеография) как дисциплина, связанная с картографированием и изучением распределения в пространстве оценочных суждений о различных свойствах разных территорий, имеет как теоретические, так и практические основания для своего выделения в самостоятельную область гуманитарного социогеографического и культурологического знания, имеющую свой предмет и свой исследовательский инструментарий (5, с. 137-140).

О первых результатах сравнительного исследования автором “визуальных ресурсов” различных городов бывшего СССР можно было судить по впервые опубликованным автором в 1989 году данным из, если так можно выразиться, “белого списка” (3, с. 36-42). Но, по мнению автора, важным представляется не только выделение территорий и регионов, города которых обладают яркими, позитивными визуальными ресурсами, что может вызвать особое внимание, например, туристических фирм и структур.

Не менее важным представляется и составление “черного списка”, а также картографирование сведений о “регионах визуального дискомфорта”. Оно необходимо для паспортизации регионов не только по “плюсам”, но и по “минусам” их визуального качества, составляющего

неотъемлемую составляющую “качества жизни” в целом на территории этих регионов. Это поможет выявлению “проблемных” регионов, выявлению корреляций между “визуальным дискомфортом” и другими видами дискомфорта в регионах. У нас уже привилось выражение “зона экологического бедствия”. Но, возможно, удастся дать “права гражданства” и новому выражению: “зона визуального бедствия”. И, думается, что это бедствие — не менее трагично (особенно с точки зрения долгосрочного воздействия на массовое сознание!).

Если же говорить об основных направлениях продолжения ведущейся автором работы, то, во-первых, речь идет, разумеется, об обработке и интерпретации данных, полученных автором в ходе опросов 1993-1999 гг. Причем эти данные могут быть использованы двояким образом: как для суммирования с данными за 1978-1990 гг. с целью заполнения “пустот” и повышения надежности и достоверности суммарных оценок, так и для сравнения более поздних данных с более ранними с целью выявления динамики эволюции этих оценок, которая, видимо, должна иметь место в ситуации, сложившейся после распада СССР.

Во-вторых, автор предполагает дополнить данные, полученные им в ходе опросов населения по месту жительства и учащейся молодежи по аудиториям, данными, которые могут дать собственно экспертные опросы.

Кроме того, представляется желательным более детально сопоставить данные, полученные автором с данными, полученными на рубеже 1980-х - 1990-х годов по несколько иной методике Г.Д.Костинским, который, насколько известно автору, остается и по сей день единственным его близким “соседом” по данной тематике.

Ну и, наконец, помимо тех двух вопросов, на которых “держались” опросы, проводившиеся автором до сих пор, в той части, которая задействована в настоящей статье, он намерен дополнять их еще двумя вопросами, а именно: “*Какие здания и архитектурные ансамбли на территории бывшего СССР кажутся Вам самым красивыми?*” и “*Какие здания и архитектурные ансамбли на территории бывшего СССР кажутся Вам самыми некрасивыми?*” Думается, что результаты обработки и анализа ответов респондентов на эти вопросы помогут дополнить и детализировать картину, которая будет получена в ходе продолжения работы по данной научной тематике.

Литература

1. Ахиезер А.С., Ильин П.М. Задачи разработки социальных оценок территории в условиях научно-технической революции. - Известия АН СССР, серия географическая, 1975, №1.
2. Лотман Ю. Художественный ансамбль как бытовое пространство. - Декоративное искусство СССР, 1974, № 4 (97).
3. Вешинский Ю.Г. О плюралистичности средовых эталонов в различных социально-культурных группах. - В кн.: Городская среда (Материалы Всесоюзной конференции ВНИИТАГ и Союза архитекторов СССР), часть II, М., ВНИИТАГ, 1989.
4. Костинский Г.Д. Привлекательность городов СССР: взгляд из разных регионов. - В кн.: Пространственное развитие урбанизации: общие закономерности и региональные особенности, М., ИГ АН СССР, 1991.
5. Вешинский Ю.Г. Картографирование социальных оценок территорий (возможна ли аксиологическая география?). - В кн.: Картография на рубеже тысячелетий: Доклады 1 Всероссийской научной конференции по картографии (Москва, 7-10 октября 1997 г.), М., ИГ РАН, 1997.

СТЕПЕНЕВ В.И., канд. сельскохоз. наук

СОВРЕМЕННАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА В РОССИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИИ

Мировой исторический опыт свидетельствует о том, что только опираясь на достижения науки, сельское хозяйство способно выйти из кризисной ситуации. Научные достижения, позволив резко интенсифицировать сельскохозяйственное производство, спасли не только сотни миллионов людей от голода в условиях демографического “взрыва”, но и миллионы мелких фермеров от полного разорения.

История развития сельского хозяйства в России также показала, что страна выбиралась из аграрного кризиса после отмены в 1861 г. крепостного права не только на основе реформирования изживших себя экономических отношений, но и опираясь на рекомендации своих выдающихся ученых — (Д.И. Менделеева, В.В. Докучаева, П.А. Костычева, И.А. Стебута, А.С. Ермолова и др.) о необходимости перехода к “порайонному” развитию сельского хозяйства, т.е. адаптивному размещению сельскохозяйственных культур на основе комплексной оценки почвенных, климатических, исторических, демографических, этнографических и других особенностей каждой сельскохозяйственной зоны. Другими словами, в глобальном плане необходимо, чтобы структура сельскохозяйственного производства: соотношение между различными укладами хозяйствования, пропорции отраслей и подотраслей, структура посевов и стада в наибольшей мере соответствовали культурному ландшафту данного региона, максимально способствовали его развитию, обеспечивая при этом обратную связь — наиболее эффективное воздействие формирующегося культурного ландшафта на развитие аграрного сектора этого региона. Причем это воздействие может проявляться как в создании лучших условий для процессов производства, хранения, транспортировки и реализации сельхозпродукции, так и для улучшения качества получаемой продукции.

Идея о выделении в России климатических и почвенных зон с тем, чтобы вести народное хозяйство сообразно природным ус-

ловиям, возделывать в каждой зоне лишь те культуры, что дают здесь самые высокие урожаи (районирование сортов) принадлежит патриарху русского земледелия И.А. Стебуту (1833-1923 гг.). До этого системы земледелия в России формировались эмпирически. Хотя о необходимости соблюдения принципов адаптивности сельского хозяйства местным условиям, соблюдения пропорций между отраслями, правильности архитектуры ландшафта упоминается у многих других русских ученых более раннего периода, в числе которых были и отец русской агрономии А.Т.Болотов (1738-1833 гг.) (3), и основатель российской агрономической школы М.Г.Павлов (1761-1848 гг.) (8).

Особенность сложившегося мировоззрения Стебута — прекрасное понимание того, что русский народ сформировался прежде всего как народ земледельческий, а не торговый. И все, что в нем есть положительного (или отрицательного) обусловлено его связью с землей. Или отсутствием этой связи. В России в силу обширности ее земельных пространств и разнообразия природных условий не должно быть стандартных типовых рекомендаций земледельцу, потому как в каждой губернии, и даже в каждом уезде, — свои почвы, а значит, и свои, прижившиеся здесь растения. Ему же принадлежит мысль о том, что в каждом селе должен быть свой агроном (9).

Наиболее существенное развитие идея районирования получила в период Столыпинской реформы. При этом важно отметить, что ее реализация осуществлялась не после разрешения земельного вопроса, а параллельно с ним.

После многочисленных и длительных дискуссий по выработке основ сельскохозяйственного районирования территории России Департамент Земледелия в 1908 г. в соответствии с постановлением Государственной думы разработал "Проект общего плана организации систематического порайонного изучения сельского хозяйства России". В основу проекта была положена идея о разделении всей территории страны на естественные районы с учетом почвенных, ботанико-географических, климатических, сельскохозяйственных и других признаков, а также создании соответствующей сети крупных опытных стан-

ций (по терминологии того времени — “научных центров” или “институтов экспериментальной агрономии”).

Только за период с 1906 по 1913 г. число агрономических участков в 34 губерниях увеличилось с 10 до 1726. Правительственная, губернская, уездная и участковая агрономические службы сыграли особую роль в преодолении аграрного кризиса в России. Главной задачей участковых агрономов явилось оказание непосредственной агрономической помощи местному населению в организации борьбы с вредителями и болезнями сельскохозяйственных культур, улучшении землепользования за счет перехода к новым системам земледелия и севооборотов, устранения чересполосицы и пр. При агрономических участках создавались пункты проката сельхозмашин и орудий, семенные склады, случные пункты и пункты очистки зерна, агрономические кабинеты с библиотеками справочных и периодических изданий, коллекциями семян культурных и сорных растений, приборами и пр. Число участковых агрономов, состоявших на земской службе возросло с нескольких человек в 1905 г. до 1200 в 1912 г. В этот же период получили массовое распространение сельскохозяйственные общины и специальные курсы, беседы, чтения, выставки. Показательно, что если в 1895 г. ежегодные расходы на эти цели составляли 3,5 млн. руб., то в 1912 г. — 33 млн, то есть возросли почти в 10 раз.

Целесообразность ориентации на развитие творческой самостоятельности каждого работника сельского хозяйства вытекает из уникальных и абсолютно неустранимых особенностей именно этой сферы производства, связанных с необходимостью использования в качестве основных средств и предметов труда живых организмов, а следовательно, и прямой зависимостью свободно протекающих в растениях, в почве и агробиогенезах процессов от местных природных условий, включая “капризы” природы. Все это и определяет как необходимость принятия каждым земледельцем самостоятельных и нестандартных решений в конкретных ситуациях, так и важность объединения их усилий в проведении местных природопреобразующих, природоохранных, социально-экономических и других мероприятий, в наибольшей мере соответствующих развитию и формированию культур-

ного ландшафта адекватного данной местности. Кроме того, специфика трудовой деятельности и быта крестьян сама по себе создает материальные и психологические основы для их стремления к проявлению творческого почина в общественном деле.

В настоящее время основное внимание уделяется проблеме землеводства, тогда как вопросы непосредственного землепользования отодвигаются на второй план. Между тем многовековой опыт большинства развитых стран мира свидетельствует о том, что успешное развитие сельского хозяйства может быть обеспечено при самых разных формах земельной собственности (государственной, частной, кооперативной, арендной и пр.), но никогда не бывало эффективным при низком уровне землепользования. К сожалению, такое смещение приоритетов в нашей стране сохраняется уже в течение нескольких столетий. Признавая, что сельское хозяйство — основа народного благосостояния и могущества страны, сменявшие друг друга правители и правительства России, также как большая часть общества, спасение видели лишь в условиях “наделения землей”, а не в “устройстве земли”, и вопросам непосредственной помощи населению с помощью культуры земледелия традиционно не уделяли должного внимания. Так, по словам одного из авторов аграрной программы партии кадетов А.Кауфмана (1915) *“...и улучшение экономических условий, и общая культурность и обще-политические условия, и больше всего земля, земля, земля, — все это и многое другое выдвигалось на первую очередь, а непосредственное воздействие на земледельческую культуру отодвигалось куда-то в неведомую даль. И не только отодвигалось: во времена первой думы дело доходило до того, что такое воздействие даже противопоставлялось истинным народным интересам...”* (6).

Определенный перелом намечился лишь в конце XIX - начале XX вв., когда в России начались повсеместный переход к порайонному развитию сельского хозяйства, а также значительная активизация деятельности правительственных и земских организаций. Несмотря на то, что во многих хозяйствах не только Сибири и Европейской России все еще сохранялись экстенсивные системы земледелия (подсечная, залежная),

все большее распространение стали получать удобрения, полевое травосеяние, улучшение естественных лугов, использование лучших сортов сельскохозяйственных культур и пород скота, развитие огородничества, садоводства, пчеловодства и пр. Именно первостепенное внимание к вопросам непосредственного землепользования, т.е. повышению земледельческой культуры на всех уровнях организации сельского хозяйства, и оказало решающее влияние на то, что начиная с 1880 г. и особенно в 1901-1910 гг., хотя и медленно, но устойчиво начала подниматься урожайность основных зерновых культур, особенно в Средневолжском, Юго-Западном, Приуральском и других земледельческих районах. За период с 1850 по 1890 г. урожайность зерновых возросла на 50%, а валовое производства зерна — на 65%. Благодаря постоянному процессу региональной специализации и значительному увеличению межрегиональных перевозок зерна основной рост урожайности пришелся на южный регион, доля которого в валовом производстве зерна в 1890 г. составила более 30%.

Мировой опыт убедительно доказал, что территориальное разделение труда в сельском хозяйстве и связанная с ним специализация стран и регионов на производстве определенных видов продовольствия и сырья — неперемное условие формирования аграрного рынка.

Развитие общероссийского аграрного рынка с середины XIX в. и расширение внешних продовольственных и сырьевых связей России также обусловили дифференциацию ее губерний на вывозящие и ввозящие определенные виды продукции сельского хозяйства.

В Европейской части России на юге и юго-востоке ее территории сформировались зоны товарного зернового хозяйства, на юге и юго-западе — свеклосеяния, к востоку от нее — производства картофеля с переработкой на спирт и крахмал. На этих территориях преобладали товарные растениеводческие отрасли, а животноводство имело второстепенное значение как источник дополнительной товарной продукции.

В Нечерноземной полосе в качестве основной отрасли выделялось товарное скотоводство, а в ее южной части — льноводство. В этих зонах, определяемых основной товарной отраслью, сформировались в благоприятных по природным и транспортным условиям (в поймах рек

и озер, вблизи городов, железных дорог) районы товарного овощеводства, в низовьях Волги — бахчеводства, в других частях территории — табаководства. В регионах Сибири в большей мере развивалось товарное животноводство.

Все это не замедлило сказаться и на динамике развития сельского хозяйства страны в целом. Только за период 1895-1910 гг. стоимость экспортируемой сельскохозяйственной продукции повысилась с 608 до 1250 млн. руб., то есть более чем в 2 раза, составив 86% в общей стоимости экспортируемых товаров. При этом на долю зерна и картофеля приходилось 60%, яиц и молочных продуктов — около 10%, семян — 3%. По размерам экспорта пшеницы, ячменя и льна, яиц и животного масла Россия далеко опережала своих конкурентов на международном рынке. И если с 1853 по 1856 г. общая сумма дефицита в государственном бюджете возросла с 52 до 307 млн. руб. серебром, а золотая обеспеченность бумажных денег уменьшилась более чем на 50%, то уже в 1867-1897 гг. темпы роста доходов государственного бюджета в России были соответственно в 2 и 3 раза выше, чем во Франции и Англии.

Такое положение в экономике сельского хозяйства того времени во многом объясняется и тем, что правительство царской России уделяло серьезное внимание развитию сельскохозяйственных производств в наиболее благоприятных природно-экономических регионах. Об этом свидетельствует уже тот факт, что значительная часть средств, поступающая от экспорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия шла на строительство железных дорог, обеспечивающих межрегиональные связи. Именно после завершения строительства Транссибирской железной дороги Сибирь превратилась по преимуществу в район производства сливочного масла на экспорт. Так, если его вывоз из Сибири в 1899 г. составлял 253 тыс. пудов, то в 1913 г. уже достиг 5379 тыс. пудов, т.е. увеличился в 21,3 раза.

Интересен и опыт дифференциации регионов России на специализации производства различных видов сливочного масла. В Сибири на весьма крупных для того времени маслозаводах, масло вырабатывалось из квашенных сливок. В северном, северо-западном, западном и

центральных районах производилось несоленое или слегка подсоленное масло из свежих сливок. Производство топленного масла, наиболее устойчивого к прогорканию (порче), в основном концентрировалось в губерниях Черноземного центра, Северного Кавказа, Поволжья в Уфимской и Казанской губерниях. Прибалтика производила масло на экспорт и вывозила молоко и сливки в Санкт-Петербург.

Сегодня Россия импортирует уже не только сливочное масло, но и другие молочные продукты во многом вследствие ухудшения специализации производства молочной продукции внутри страны. Хотя еще в 1925 г. в период *нэпа* А.В.Чаянов сделал научное экономическое обоснование дифференциации территорий по производству товарной сельскохозяйственной продукции для новой экономической системы. Вот его основные принципы: *"...Хозяйство наше только тогда сможет подняться и окрепнуть, когда оно будет... специализироваться на производстве для продажи двух или трех рыночных продуктов"*. Основой для специализации являются оптимальные природные и экономические условия каждого конкретного хозяйства, а *"денежный расчет прибыли и убытков должен решить в каком хозяйстве, что заводить"* (10).

Весьма поучителен и период развития сельского хозяйства в СССР в 1970-1990 гг., когда по темпам наращивания количества поставляемых сельскому хозяйству минеральных удобрений, мелиорантов, пестицидов, техники, по объемам строительства мелиоративных сооружений страна приблизилась, а по ряду показателей и опередила США и страны ЕС. В то же время валовой сбор и урожайность по важнейшим сельскохозяйственным культурам (яровой пшенице, ржи, кукурузе, овсу, гречихе, зернобобовым, льну, овощным, масличным и др.) росли крайне медленно, а по некоторым оставались неизменными и даже снижались. Особенно неблагоприятно обстояло дело с устойчивостью валовых сборов зерна (колебания от 140 до 240 млн т в год) и качеством сельскохозяйственной продукции (снижение содержания белка и клейковины в зерне, сахара в сахарной свекле и пр.). Естественно, что указанные негативные тенденции в АПК СССР были тесно связаны с положением дел в сельском хозяйстве России,

на долю которой приходилось 60% имеющейся в стране пашни. К важнейшим причинам указанной ситуации следует отнести крайне недостаточное внимание к практическим и научным проблемам непосредственного землепользования на всех уровнях его организации и управления. Достаточно напомнить о повсеместном насаждении “урavnительных” систем земледелия (травопольной, пропашной-”кукурузной” и др.) и неадаптивного внутрихозяйственного устройства, несоответствии видовой структуры животноводства особенностям местной кормовой базы, подмене экономических законов землепользования пресловутой “целесообразностью” и пр.

Важно отметить, что в этот период разрабатывались научно обоснованные комплексные системы ведения сельского хозяйства, предполагавшие его зональную специализацию, что, конечно, было их достоинством. Но в то же время они были только рекомендательными документами для сельскохозяйственных предприятий, органов управления этой отраслью на республиканском, областном и районном уровнях. На практике же реальные задания устанавливались директивными решениями партийных органов.

Особенность систем хозяйствования состояла и в том, что в них затрагивались, в основном, технологические вопросы развития сельского хозяйства. И тогда такой подход был вполне обоснован, поскольку в условиях планово-распределительной системы проблемы сбыта сельскохозяйственной продукции, обеспечения колхозов и совхозов материально-техническими средствами, а также формирование цен, принципы распределения доходов предприятий и многие другие вопросы решались государством в централизованном порядке. Но жесткое титулярное планирование, вплоть до каждой сельхозкультуре — от ранее достигнутого уровня, просто не могло учесть всех факторов реально определяющих уровень производства того или иного вида сельхозпродукции, зачастую завышая или занижая плановые показатели. А это не могло служить надежным стимулом для развития производства сельхозпродукции. Так как при завышенных планах — они не выполнялись и хозяйства “наказывались”, а при заниженных — работали не с полной отдачей, “развращались”.

Именно на чрезвычайную сложность учета отдачи от всех планируемых факторов и их взаимодействия указывал в свое время крупнейший экономист современности В.Леонтьев (7), считавший эту проблему практически неразрешимой в плановой экономике.

С переходом на рыночные отношения положение в АПК существенно изменилось, возникло множество новых организационно-экономических проблем.

Специфика современных условий изменений территориального разделения труда в АПК определяется тем, что ликвидация в последние годы системы планового размещения производства и распределения продуктов при недостаточном развитии механизмов рыночных отношений и государственного регулирования экономики нарушила сложившиеся между регионами связи по вывозу и ввозу продукции АПК, и вследствие этого породила стремление к самообеспеченности всеми видами продовольствия и сельскохозяйственного сырья даже в зонах с неблагоприятными природными и экономическими условиями для их производства при свертывании его в отраслях, определяющих место регионов в территориальном разделении труда.

Развитие таких деструктивных тенденций вылилось в общее падение сельскохозяйственного производства, которое в последние годы в республике носит системный характер, различаясь лишь по регионам. Так, на первых порах спад производства оказался более значительным именно в традиционных аграрных регионах. В Ростовской области, Ставропольском и Красноярском краях индекс продукции сельского хозяйства в 1994 г. по отношению к 1990 г. составил соответственно 58, 64, 64% при среднем по стране — 73%.

Валовые сборы зерна в 1996 г. по сравнению с 1995 г. увеличились в большинстве регионов Северо-Западного, Центрального, Волго-Вятского, Центрально-Черноземного, Поволжского и Уральского экономических районов. В то же время в ряде крупных традиционно зернопроизводящих территорий производство зерна снизилось.

После трех лет реформ производство свеклы (фабричной) снизилось во всех традиционных свеклосеющих регионах при одновременном расширении посевов этой культуры в зонах со значительно менее

благоприятными условиями — в Республике Марий-Эл, Кировской, Новосибирской, Омской областях и даже Красноярском крае. Свеклу начали возделывать там, где почвенные и климатические условия не вполне соответствуют ее биологическим особенностям. В новых районах урожай корней сахарной свеклы был в 3-5 раз ниже, чем в основных свеклосеющих районах. И хотя во многих перечисленных регионах от возделывания этой культуры в дальнейшем отказались, из-за больших производственных затрат, среднегодовая урожайность снизилась за 1994-1997 гг. по сравнению с 1989 г. на 90 ц или 37%.

В 2-3 раза уменьшилось производство картофеля в специализированных на выращивании этого продукта регионах — в Московской, Рязанской, Тверской, Нижегородской и Пермской областях. Одновременно увеличились посевные площади и валовое производство на Северном Кавказе и Поволжье, где себестоимость продукции в 1,5-2 раза выше, чем в среднем по России. Во многом вследствие этого цена на картофель — “второй хлеб” в России стала почти вдвое выше, чем на первый — ржано-пшеничный хлеб.

Сборы овощей уменьшились почти на половине территорий. Причем наиболее значительно их производство снизилось на традиционных российских “огородах” в Астраханской, Ростовской областях, Краснодарском крае (на 36-47%). В результате цены на витаминную продукцию приблизились к мировому уровню и стали труднодоступными для горожан.

Аналогичные тенденции развивались и в животноводстве (1).

Возникшие различия в природопользовании в региональной динамике объясняются рядом факторов.

В сельском хозяйстве аграрных регионов ранее отчетливо проявлялась экспортная ориентация — традиционный вывоз значительной части продукции в другие регионы СССР, а затем России и СНГ. “Житницы” поставляли зерно, плодоовощную продукцию, подсолнечное масло, сахар и целый ряд других продуктов.

С началом реформ ситуация изменилась: неэквивалентный обмен между отраслями АПК и народного хозяйства, региональные барьеры и резкое удорожание транспортных тарифов привели к распаду отрабо-

таных хозяйственно-административных связей. Ужесточилась конкуренция с импортной продукцией, которая буквально хлынула на российский рынок, особенно в крупных городах. Появился феномен внутророссийской конкуренции, когда местные торговцы различными путями, иногда при поддержке администрации, проводили протекционистскую политику на местных рынках, что приводило к снижению платежеспособного спроса на продовольствие со стороны основных потребителей — городского населения. Регионам, где засилье импорта было меньшим, удалось в большей мере сохранить определенные ниши на старых рынках сбыта, а вместе с этим и производство продовольствия. Но в целом дефицит и дороговизна продовольствия привели в расширению географии производства его основных видов при одновременном снижении концентрации их производства в традиционных — “благоприятных” районах.

Традиционные аграрные регионы обладали относительно высоко-технологичным производством. Однако оно требовало постоянных потоков материально-технических и финансовых ресурсов. В кризисный период это оказалось одним из самых узких мест, что повлекло значительное снижение производства и качества сельхозпродукции.

В итоге за годы аграрной реформы, проводимой в условиях общего социально-экономического кризиса страны производство валовой продукции сельского хозяйства в сравнении с предреформенным периодом сократилось почти на половину. Произошло значительное ухудшение использования земли и снижения ее качества. За эти годы более чем на 22 млн. га уменьшились посевные площади. К настоящему времени более 80% площади сельхозугодий деградировано и загрязнено, что создает угрозу национальной безопасности России.

В целом уровень использования природного и производственного потенциала сельского хозяйства, и без того составлявший лишь 50-70%, снизился до 30-45%. В результате этого произошло удорожание производства и отечественная продукция стала еще менее конкурентоспособной импорту.

Сложившаяся кризисная ситуация в сельском хозяйстве, на наш взгляд, является результатом игнорирования таких общепринятых в

мировой практике важнейших принципов реформирования аграрного сектора, как строгий учет национальных и территориальных особенностей, исторических традиций — специфики его развития, экономическая целесообразность, социальная защищенность и экологическая безопасность. В ходе аграрных преобразований ими поступились в угоду монетаристской политики аграрной реформы, которая в “чистом виде” себя не оправдала ни в одной стране.

Зададимся вопросом: а каковы же объективные причины, не позволившие успешно реализовать аграрную реформу в стране?

Во-первых, это природно-географические условия России. Сельскохозяйственное производство осуществляется в довольно суровых климатических условиях, что обуславливает примерно в два раза большие затраты энергетических ресурсов в переводе в джоули на единицу произведенной продукции и примерно на столько же повышает ее себестоимость, чем в странах Западной Европы и США.

Следовательно без государственной поддержки отечественного сельхозпроизводителя, в том числе в сфере сбыта сельхозпродукции и обеспечения доступных межрегиональных связей, говорить о его конкурентоспособности с импортом из США и стран ЕС не имеет экономического смысла.

Кроме того, на такой обширной территории невозможны какие-то единые подходы к реформированию сельского хозяйства. Территориальные различия неизбежно вызовут различную региональную специализацию, разнообразные формы хозяйствования, собственности, величину хозяйств и т.п. Поэтому нецелесообразно критиковать одну какую-то форму хозяйствования или административным путем насаждать ее (фермерство, например) на всей территории.

Еще в конце XIX века первый министр сельского хозяйства России А.С.Ермолов считал: *“Своеобразие условий сельской жизни делает для нас невозможным заимствование готовых форм хозяйства, готовых образцов в практике заграничного земледелия”* (5).

Уместен здесь и призыв-предостережение в письмах “Из деревни” к своим соотечественникам и другого известного ученого-аграрника А.Н.Энгельгардта (1897г.), изучавшего многовековой опыт земледе-

лия. Он писал: "Я верю в русского человека, убежден, что это так и будет, что именно мы, русские, совершили это великое деяние, введем новые способы хозяйствования. В этом-то и заключается самобытность, оригинальность нашего хозяйства. Что мы можем сделать, идя по следам немцев? Разве не будем отставать? И, наконец, полнейшая неприменимость у нас немецкой агрономии разве не доказывает, что нам необходимо нечто самобытное?" (11). Однако созданный крупнотоварный тип хозяйствования, этот уникальный самобытный опыт, сегодня полностью разрушается.

По всей видимости, современное аграрное производство в России как на региональном уровне, так и на уровне конкретных товаропроизводителей можно охарактеризовать как спросоограниченное. Если раньше, при плановой экономике, сельский производитель сталкивался с дефицитом ресурсов, был полностью зависим от распределительной системы, то сегодня у него проблема сбыта произведенной продукции по достойным ценам, обеспечивающим дальнейшее развитие производства.

Поэтому сегодня прибыльный агробизнес развивают в большинстве те производители, которые имеют гарантированные рынки сбыта.

Такие хозяйства, как правило, включены в технологические цепочки типа "поле-переработка-потребитель", минуя посредников. Многие из них имеют собственную сбытовую сеть, магазины. Растущие хозяйства размещены недалеко от крупных рынков сбыта - городов, промышленных агломераций, где транспортная и торговая инфраструктура достаточно развиты и есть потребительский спрос. Отсюда неизбежно неравномерное развитие регионов и самих хозяйств.

Следовательно и с этих позиций сегодня наиболее оправдан региональный подход к проблемам кризиса в сельском хозяйстве, путям выхода из него, предполагающий гибкую аграрную политику.

Вторая объективная причина - историческая. Еще Петр I заметил, что любые преобразования в России сдерживает село, отсталое сельское хозяйство и, что его нужно реформировать. 150 лет ушло на ликвидацию крепостного права. Крестьянин получил свободу, но не получил землю. В начале XX в. 24% крестьян владели землей, не являясь ее собственниками. Они имели землю в личной, но не частной собственности.

Во время Столыпинской реформы попробовали превратить крестьянина в частника, дали ему возможность выйти из общины. Однако, даже при солидной финансовой и материальной поддержке государства, только 25% крестьян вышли из общин и стали самостоятельными хозяевами. Кроме того, сравнительно благодатный для становления крестьянина-хозяйственника период был очень коротким... В результате национализации земли во время нэпа крестьяне получили ее в долгосрочное пользование.

Таким образом, до наших дней в России частной собственности на землю у крестьян не было. Это надо учесть и не удивляться возникшему противостоянию. Ведь в России люди в деревнях жили в общинах и работали в основном в коллективах. Коллективный труд в крови крестьянина и этого нельзя не учитывать при проектировании новых форм хозяйствования. Тем более, что и в Америке сейчас стоит задача перехода до 50% частных в коллективные частнособственные предприятия, чтобы каждый мог участвовать в управлении, организации производства, распределении доходов.

А.Н.Энгельгардт, выступая за артельное хозяйство в начале XX в., видимо, нутром понимал историческое стремление русского человека к общинной собственности на землю. Он отмечал, *“что у мужиков, даже самых цивилизованных посредниками, все-таки остается там, где-то в мозгу, тайничек (по этому тайничку легко узнать, что он русский человек), из которого нет-нет да и выскочит мужицкое понятие, что земля может быть только общинной собственностью”*.

Но здесь же А.Н.Энгельгардт писал: *“Различные факторы в хозяйстве по их назначению, идут в таком порядке: прежде всего хозяин, потому что от него зависит вся система хозяйства, потом работник, потом уже машины и орудия... Но ни машины, ни семментальский скот, ни работники не могут улучшить наши хозяйства. Его улучшить могут только хозяева”* (11).

Еще раньше также считал многогранный ученый-агроэкономист М.Г.Павлов (1793-1840гг.): *“При зыбкости основания с.хозяйства, на успехи онаго не могут иметь должного влияния ни выписные*

машины, ни усовершенствованные орудия, ни вводимое правосеяние” (8).

В этой связи было бы опрометчивым не предвидеть возражения оппонентов типа: ведь в России частная собственность была у помещиков, хозяйства которых характеризовались наиболее высокой товарностью! Да, передовые помещичьи хозяйства в то время были локомотивами производства и научно-технического прогресса в сельском хозяйстве. Но, что помещичьи хозяйства представляли в основной массе?...

В конце прошлого века А.Н.Энгельгардт, критикуя необъективность оценки в агроэкономической литературе состояния помещичьих хозяйств отмечал, что “если минуть города, вы отправитесь в действительные хозяйства и будете смотреть не из вагона, то будете поражены. Ни плугов, ни скарификаторов, ни альгусских скотов, ни тучных пожителей и полей, а главное, никакого дохода... все держится только на необыкновенной, ненормальной дешивизне труда!” (11).

Вот в этом отношении нынешняя аграрная реформа похоже ведет к состоянию прошлого века. По сравнению с 1990 г. поставки новой техники и минеральных удобрений сократились более, чем в 10 раз! Техническая оснащенность в российской деревне сегодня в 6-8 раз ниже, чем у фермеров Западной Европы.

Зарплата сельхозработника в три раза меньше рабочего промышленности. Поэтому производственный потенциал на селе (земля, трудовые ресурсы, основные производственные фонды) быстро разрушается. Распадаются недавно созданные фермерские хозяйства.

Главная причина сложившейся ситуации — отсутствие должного государственного регулирования экономики. Цены на материально-технические ресурсы в условиях рынка оказались свободными, а на сельскохозяйственную продукцию — регулируемые сверху, особенно местными властями. Льготное кредитование фермерских хозяйств также продолжалось недолго — до 1994 года. Из-за высоких процентных ставок кредита у многих хозяйств закредитованность с каждым годом углублялась. В результате в 1997 г. 82% сельскохозяйственных предприятий были убыточными, а в неблагоприятном 1998 г. — 95%.

Практика государственного регулирования сельского хозяйства необходима не только из-за особенно тягостной конкретной ситуации в России, но и потому, что она обоснована экономической теорией и внедрена в систему хозяйствования всех динамично развивающихся стран с рыночной экономикой.

Исторический опыт самой России также свидетельствует о различных приемах регулирования сельского хозяйства со стороны государства. Еще при Петре I (1672-1725 гг.) была осуществлена широкая программа преобразований в России, которая включала и содействие развитию сельского хозяйства.

Как царь-государственник он рассматривал права на владение землей и крестьянами как условие обязательной службы дворян государству, установил единонаследие, при котором раздел недвижимого имущества между наследниками отменялся. Этим в определенной мере обеспечивались интересы крестьян, прекращалось их разорение, происходившее в результате дробления дворянских имений и в то же время отвечало интересам государства.

Усилилось и налогообложение крестьян в результате замены подворного обложения подушным. Обязанность собирать с крестьян подушную подать и вносить ее в казну были возложены на помещиков, что усиливало их власть над личностью, имуществом и трудом крепостных.

Петр I положил начало новых отраслей в сельском хозяйстве, прежде всего тех, которые в качестве сырьевой базы были непосредственно связаны с крупной промышленностью. Насаждалось льноводство и коноплеводство. В 1715 г. был издан указ "О размножении во всех губерниях льняного и пенькового промыслов", в которых предписывалось из года в год увеличивать посевы этих культур *"для всенародной пользы и им поживления"*.

В целях подъема аграрного производства Петр I считал необходимым издание литературы по вопросам сельского хозяйства. В 1723 г. он приказал перевести на русский язык с немецкого издания 1716 г. трехтомную монографию Гохберга "Georgica curiosa", посвященную вопросам сельского и домашнего хозяйства на основе европейских стран.

В целом предпринимаемые Петром I шаги по развитию сельского хозяйства способствовали развитию производительных сил России.

Своеобразны и способы регулирования аграрного рынка, которые нашли отражение в предложениях сподвижников Петра I. Среди них — Федор Степанович Салтыков, который для предотвращения падения цен на материалы из льна и конопли советовал строго запретить вывоз семян этих культур в Англию и Голландию, чтобы тем самым исключить их размножение в других странах. В интересах развития внутренней торговли Ф.Салтыков рекомендовал учредить ярмарки и торги не только в городах и монастырях, но и больших селах.

Чтобы заинтересовать крестьян в развитии животноводства “Инструкция” устанавливала порядок: *“...указывать, сколько должно быть приплода скота и птицы, если же кто стараниями своими выкормит больше положенного числа, тому отдавать излишек приплода. А кто небрежностью своею поморит скот и птицу, то должен заплатить помещику”* (2). Сам факт четкой регламентации взаимоотношений помещика с крепостными для того времени был прогрессивен и к тому же косвенно влиял на формирование рынка продовольствия, способствовал пропорциональному развитию отраслей народного хозяйства в стране...

В разгар Великой депрессии в США Франклин Рузвельт провел через конгресс Акт о государственном регулировании сельского хозяйства и в числе первых закон о поддержании паритета промышленных и сельскохозяйственных цен. Это не только остановило разорение фермеров, но и оказалось эффективной мерой для восстановления внутреннего спроса. Сегодня российские крестьяне стали банкротами не из-за неумения хозяйствовать, а по причине непомерной эксплуатации, отсутствия должного правового обеспечения и ошибочной аграрной политики.

В последние годы для Государственной думы и Совета Федерации по АПК подготовлено 30 законопроектов, принято только два. Один из них принципиальный — о закупке продукции — не выполняется, ибо государство так и не перешло на гарантированные закупочные цены, местные кредиты не перешли в авансирование и покупатели не

рассчитываются, как записано в законе, в течение пяти или десяти дней за продукцию. Невыполнение регламентированных отношений негативно сказывается как на производителях сельскохозяйственной продукции, так и на бюджете государства. Здесь поневоле вспомнишь петровские времена.

Сложившийся диспаритет цен на промышленные товары и сельскохозяйственную продукцию стал главным препятствием модернизации отечественного сельского хозяйства. Очевидно, что если не удастся восстановить в стране тракторное и сельскохозяйственное машиностроение, то нельзя ожидать и поступление в сельское хозяйство в нужных размерах новой техники, освоения современных технологий, а отставание аграрного производства от мирового уровня будет надолго запрограммировано. Поэтому следует твердо усвоить, что ситуация на рынке материально-технических ресурсов для села — дело не частное, а государственное.

Решая земельный вопрос в период нынешней реформы, наше государство и его земельные органы в последние годы сделали все возможное, чтобы наделить граждан России землей, сделать их хозяевами. Но государству российскому предстоит не только закрепить право собственности на землю, но и зарегистрировать это право, сделать оценку земли и на этой основе обеспечить сбор налогов, арендной платы и других видов платежей. Это даст во сто крат больше средств, чем продажа сельхозугодий. Этот путь выверен мировой практикой.

Неоценимая роль здесь отводится внедрению государственной автоматизированной системы ведения земельного кадастра, где должно быть отражено все: и собственник, и собственность, и ограничения, и обременения, и стоимость земли. Становление многих государств начиналось с создания такой системы. Ее значение трудно переоценить, особенно сегодня, когда, с одной стороны, в стране имеется 55 млн. собственников земли и около 400 тыс. предприятий, организаций и учреждений, имеющих землю в пользовании и обязанных платить за нее, а с другой стороны, в российской казне так недостает средств. А ведь во многих странах более 50% местных бюджетов — это платежи за землю. Мало того, без справедливых

налогов на землю неизбежны ухудшение ее использования и деградация самой земли.

Знание справедливых правовых норм и закономерностей функционирования биосферы позволит умело и дифференцированно строить систему ведения хозяйств на любом уровне организации землепользования.

Таким образом, сегодня стоит важная задача — создать основы российской системы землепользования, которая позволит с учетом исторического опыта соединить свободу владения землей, интересы общества и социальную справедливость при ее использовании.

Очевидно, что даже при существенных изменениях нынешней аграрной политики в России, базирующейся на повышении роли государства в развитии АПК (создание социальной инфраструктуры, выделение долгосрочных кредитов, усиление контроля над паритетом цен и пр.), его нормальное развитие станет возможным лишь в том случае, если используемые системы ведения сельского хозяйства, системы земледелия и животноводства, землеустройство, севообороты и технологии будут обеспечивать рентабельность и конкурентоспособность производства продукции. А это, в свою очередь, означает, что в структуре антикризисных мер главные резервы лежат в области ресурсоэнергоэкономичности и повышения адаптивности всего отечественного сельского хозяйства, базирующегося, в первую очередь, на более рациональном и экономном, а следовательно, и более территориально-дифференцированном использовании природных, биологических, трудовых и техногенных факторов. Следует подчеркнуть тесную взаимосвязь адаптивности, ресурсоэкономичности и конкурентоспособности АПК в том смысле, что лишь при формировании адаптивной территориальной структуры сельскохозяйственных угодий и ландшафта в целом на основе агроэкологического макро-, мезо- и микрорайонирования культивируемых видов и сортов растений, а также их оптимального соотношения во времени и пространстве можно обеспечить максимально эффективное и экологически безопасное использование как возобновляемых природных ресурсов (солнечной энергии, плодородия почвы, запасов влаги и др.), так и химико-техногенных средств. Одновременно, за счет “избежания” стрессового

действия абиотических и биотических факторов удастся достичь снижения расхода мелиорантов, удобрений и пестицидов на оптимизацию условий внешней среды, а также ассимилянтов на защитно-компенсаторные реакции, то есть, в конечном счете, уменьшить затраты невозобновляемых ресурсов на каждую единицу сельскохозяйственной продукции.

Сельское хозяйство, как ни одна другая сфера производства, зависит от особенностей естественных условий той или иной территории. Причем в неблагоприятных природно-климатических и погодных условиях, характерных для большинства сельскохозяйственных зон России, зависимость экономического процесса сельскохозяйственного производства от естественных факторов еще более усиливается.

Всемирно известный почвовед В.В. Докучаев — автор одной из фундаментальных концепций естествознания, которая принесла ему мировую славу — учение о почве как об особом естественноисторическом теле, создавший теорию зонального районирования почв, утверждал: *“Нам нужны свои сельскохозяйственные нормы”. “...Если желают поставить русское сельское хозяйство на твердые ноги, на торный путь и лишить его характера азартной биржевой игры, если желают, чтобы оно было приноровлено к местным физико-географическим (ровно как историческим и экономическим) условиям страны и на них бы зыждились (а без этого оно всегда останется биржевой игрой, хотя бы годами и очень выгодной), безусловно необходимо, чтобы эти условия — все естественные факторы (почва, климат с водой и организмы) — были бы исследованы и использованы, по возможности, всесторонне и непременно во взаимной их связи”* (4).

Поэтому сегодня улучшение положения в сельском хозяйстве прежде всего видится в реализации на практике научно-обоснованного принципа его “региональности”.

При громадном разнообразии природных, социально-экономических и других условий в основных сельскохозяйственных зонах России взаимосвязь между территориальной адресностью научных рекомендаций и их эффективностью очевидна. Без перехода к использованию

систем ведения сельского хозяйства, систем земледелия, севооборотов, технологий и приемов “до мельчайших подробностей”, приспособленных к местным почвам, климату, погоде, уровню технической оснащенности и т.п., ни о какой успешной реализации аграрной реформы говорить не приходится.

Литература

1. АПК: экономика, управление. Сельское хозяйство России в 1996 году. (Экономический обзор Госкомстата России), 1997, № 3.
2. По книге “История русской экономической мысли”, т.1, часть 1, Госполитиздат, М.1955.
3. *Болотов А.Т.* Избранные труды. М.: Агропромиздат, 1988 (Классики отечественной сельскохозяйственной науки).
4. *Докучаев В.В.* Избр. соч./Вступ. ст. С.С.Соболева. М., 1954.
5. *Ермолов А.С.* Организация полевого хозяйства. Изд. 4-е. СПб, 1901.
6. *Кауфман А.А.* Аграрный вопрос в России. М., 1918.
7. *Леонтьев В.* Экономические эссе. Теории исследования, факты и политика. М.: Изд. политической литературы, 1990.
8. *Павлов М.Г.* Курс сельского хозяйства. М., 1837. Т. 1-2.
9. *Стебут И.А.* Изб. соч./сост. Н.А.Майсурия. М.: Сельхозгиз, 1956-1957. Т. 1,2.
10. *Чаянов А.В.* Как организовать хозяйство в Нечерноземной полосе. М.: Госиздат, 1925.
11. *Энгельгард А.Н.* Из деревни, 12 писем (1872-1887). 6-е изд. М., 1960.

ИВАНОВА И.Г., канд. арх.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТОРОПЦА И ПУТИ ЕГО СОХРАНЕНИЯ

Своеобразие облика одного из старейших русских городов Торопца было отмечено еще его первыми "биографами" — авторами статистических описаний второй половины XVIII - начала XIX вв. — П.Иродионовым, В.Д.Щукиным, М.И.Семевским (1). Необычайная "скупенность" церквей на небольшом пространстве, полихромия построек и своеобразие их архитектуры выделяли, по их мнению, Торопец в ряду других русских провинциальных городов. Обоснованность таких суждений подтверждают и гравюры середины XIX в., запечатлевшие облик города (2).

На рубеже XIX-XX вв. появились серьезные исторические исследования, авторы которых на основе изучения сохранившихся документальных источников (летописей, писцовых книг и др.) восстановили картину политической, социальной, экономической и культурной жизни города во всем ее историческом своеобразии (3).

Новым этапом в постижении индивидуальности Торопца стали работы исследователей крепостного зодчества П.А.Раппопорта и, в особенности, профессора Московского архитектурного института В.В.Косточкина (4). Последний не только сделал попытку проанализировать сложение и развитие городской планировки, но и впервые поставил вопрос о художественном значении памятников Торопца, которые он приравнивал к общепризнанным лучшим ансамблям старинных русских городов. В.В.Косточкину принадлежит гипотеза о существовании особой провинциальной архитектурной школы, сформировавшейся в Торопце в XVII-XVIII вв. Идеи Косточкина нашли отклик в диссертации А.А.Галашевича (1980 г.), посвященной стиливым особенностям провинциальной архитектуры Тверского края (5). Автор ее имел возможность учесть результаты паспортизации памятников архитектуры Торопецкого района, предпринятой в 1970-е годы, которая существенно расширила представления об ареале распространения памятников торопецкой школы.

Одновременно продолжалось археологическое изучение Торопца, начатое в 50-е гг. XX в. Итоги ее нашли отражение в выпущенной в 1991 г. монографии М.В.Малевской и Д.И.Фонякова, посвященной древнему Торопцу (6). Авторы значительно уточнили историческую картину пространственного развития города и сделали попытку реконструкции топографии Торопца XVI-XVII вв. Одним из важнейших результатов исследования, недостаточно, по нашему мнению, оцененным самими авторами, стало обоснованное археологически и документально время перенесения города на новое место, которое датируется первой половиной XVI столетия. Последнее позволяет говорить о Торопце как о редком примере города XVI в., осуществленного по единому замыслу, что представляет значительный интерес для изучения градостроительных идеалов этого периода и вполне оправдывает новое обращение к исследованию градостроительного развития Торопца.

Как известно, в настоящее время Торопец включен в число исторических городов, охваченных на первом этапе реализации федеральной программы "Возрождение", что не только создает предпосылки для сохранения наследия, но и делает весьма своевременным любое новое исследование, посвященное проблемам своеобразия этого города.

Предварительное знакомство с источниками и материалами убеждает в большой роли преемственности в сложении архитектурно-пространственной структуры Торопца. Тем не менее, в формировании городского ансамбля можно выделить определенные этапы, обусловленные сменой исторических условий и идейно-художественных установок:

- IX - конец X вв. — время зарождения города на месте племенного поселения кривичей;
- начало XI - конец XV вв. — период формирования города как центра княжеского удела;
- начало XVI - первая половина XVII вв. — период окончательного присоединения Торопца к Московскому государству, время государственного крепостного строительства и сложения планировочной структуры торопецкого посада;

— вторая половина XVII в. - конец 70-х гг. XVIII в. — расцвет Торопца как торгового и ремесленного города, сложение местной провинциальной школы зодчества;

— 80-х гг. XVIII в. по начало XX в. — период перепланировки города на регулярно-классицистической основе.

Город Торопец, расположенный на берегах реки Торопы и озера Соломено, возник в начале IX в. на северо-западной окраине обширной территории, ограниченной с юга верховьями Западной Двины, заселенной и освоенной, начиная еще с III в. до н. э. (7). Непосредственным предшественником Торопца было укрепленное городище Кривит или Кривитеск — племенной центр многочисленного племени кривичей, заселивших территории в верховьях Волги, Западной Двины и Днепра в IX в. В позднейших источниках, наиболее важным из которых является “Повесть временных лет”, область, к которой принадлежал Торопец-Кривит, называется Оковским лесом и описывается как место, из которого берут начало и устремляются в направлениях стран света три великие реки: Днепр, Волга и Западная Двина.

По версии, зафиксированной в XVII в., из Оковского леса вытекало не три, а четыре реки. Историк Л. В. Алексеев высказал предположение, что четвертой рекой могла быть Межа или Торопа (8). Им же сделана «реконструкция» границ Оковского леса, согласно которой этот район имел вид округлого в плане пространства, на границе которого располагались укрепленные городки на месте Великих Лук, Велижа, Ржева, с. Оковцы и др. Большую часть пространства занимал собственно Оковский или Волоконский лес — древнейший лесной массив центральной части Европейской равнины. С запада и юга он был прорезан волоками, по которым проходили важные ответвления старинных торговых путей. Городу Торопцу-Кривиту принадлежала важная роль в структуре Оковского леса как населенному пункту, расположенному в непосредственной близости от его условного геометрического центра, близ скрещения торговых путей, соединявших между собой русские земли и Византию, мусульманский Восток, Западную и Северную Европу.

Не случайно в этом месте, начиная еще с III в. до н. э., существовало несколько достаточно крупных поселений (9). Что касается самого леген-

дарного Кривита, то, по последним археологическим данным, он соотносится с овальным городищем, существовавшим на правом берегу р. Торопы, у впадения ее в озеро Заликовье. Исторических данных о городе не сохранилось, само городище, к сожалению, было разрушено в 60-е гг. XX века, но, судя по находкам здесь арабских и скандинавских вещей, город уже тогда был значительным транзитным торговым пунктом. Город у озера Заликовье просуществовал вплоть до начала XI в., когда центр городской жизни переместился на противоположный левый берег р. Торопы ближе к озеру Соломено.

Перенесение городских поселений для более удобного контроля за водными путями было достаточно характерным явлением для начала XI в. (10). Новый город, расположенный близ скрещения старинных торговых путей, как “из варяг в греки”, так и между отдельными княжествами, в широком смысле — между Киевом и Новгородом, быстро рос и богател. К моменту первого упоминания в летописи в 1074 г. Торопец — так отныне назывался город, был уже значительным административным, военным и торговым центром, вторым по значению городом Смоленской земли.

В 1167 г. Торопец стал главным городом самостоятельного Торопецкого княжества, в которое вошли северо-западные смоленские земли от верховьев Западной Двины до озера Селигер. Торопецкие князья начинают играть заметную роль в военной и политической жизни русского государства. О возросшем значении Торопца свидетельствует венчание в нем в 1239 г. Александра Невского, предположительно, связанного с местной княжеской династией родственными отношениями.

Центром нового города на левом берегу р. Торопы стало Высокое Малое городище — холм с крутыми, специально подрытыми склонами, с округлой площадкой около 50 м в диаметре, расположенный на самом берегу оз. Соломено. Укрепленное Высокое Малое городище было окружено рвом, заполняемым водой из озера, что превращало его в подобие острова. С высоты городища хорошо просматривались акватория озера Соломено, гавань Лодейница и обширный посад (так называемое Большое городище), надежно защищенный грядами холмов и водными преградами, а в XIII-XIV вв. — и земляными укреплениями.

В отличие от языческого городища у оз. Заликовья, новый город, по-видимому, изначально формировался как центр христианской культуры. Уже к XIV в. в городе существовали собор и три церкви (11). Главный храм города, посвященный св. Егорию (Георгию), вероятно, был построен уже в XI в. и являлся ровесником Георгиевских соборов в Новгороде и в Старой Ладого. Однако, в отличие от Новгорода, где культ св. Георгия был связан с утверждением авторитета княжеской власти, торопецкий Егорий вплоть до XVII в. считался покровителем не только князей, но и наиболее богатого и преуспевающего сообщества торопецких купцов, пользовавшихся особыми правами и привилегиями в городе, и выступал как символ единства городской общины. Особую роль собора в жизни города подчеркивало его положение в наиболее возвышенной части города.

Остальные три церкви располагались на посаде города. Церковь св. Параскевы, очевидно, находилась близ городского торгового двора, что соответствовало ее репутации покровительницы ярмарок и охранительницы скрещений дорог. Церковь св. Бориса и Глеба владела самым большим земельным наделом на территории посада и, по-видимому, являлась главным его храмом. В южной части города располагался девичий монастырь с церковью Рождества св. Иоанна Предтечи. Помимо девичьего, в окрестностях Торопца — на противоположном правом берегу Торопы, близ озера Заликовье существовал Никольский мужской монастырь, который мог быть местом ссылки в 1211 г. новгородского архиепископа Митрофана. Здесь же, на правом берегу Торопы находились объекты языческого культа, многие из которых сохранялись вплоть до начала XX в.: “поклонные горы” — место поклонения солнечному божеству и “выкликания” Лады-Лели, среди которых особенно выделялась гора Востань с востанским колодезем, “рощи” — группой многовековых сосен и старинными игрищами — местами кулачных боев; озера — Кудино (Бесово) и Ручейское (12). Последнее считалось местом обитания огромного Змея — возможно, героя местного солярного культа.

Противопоставление языческого и христианского миров, разделенных рекой Торопой, отразилось, по нашему мнению, на формировании

содержательной стороны городского ансамбля, где святой воин-змееборец противопоставлялся Змею, мужские “близнецы” — св. Борис и Глеб со св. Параскевой — женским близнецам Ладе-Леле (с Мокошью?), св. Иоанн Предтеча, чествование Рождества которого приходилось на день летнего солнцестояния — главный праздник местного языческого солярного культа — Яриле-Купале, св. Никола — бесам, а само Высокое Малое городище с храмом св. Егория и расположенным близ него светлым Студеным колодезем — горе Востань с капищем и темным востанским колодцем.

Интересно, что дальнейшее осмысление образа города было связано с актуальной для этого времени задачей утверждения авторитета княжеской власти и выразилось в установлении исторических и ассоциативных связей между храмами и членами княжеской семьи. Важную роль в этом процессе сыграл образ Александра Невского — защитника города, впоследствии, в XIV в. — святого, канонизированного русской церковью. Придел св. Александра Невского находился в соборе св. Георгия — предполагаемом месте его венчания. Церковь св. Параскевы ассоциировалась с супругой Невского — полоцкой княжной Прасковьей-Александрой. Св. Борис и Глеб выступали как “сродники”, князья, готовые прийти ему на помощь в трудную минуту (видение старца Пелгусия). Монастырь Рождества Иоанна Предтечи считался местом пребывания матери и бабки князя — вдовы князя Мстислава Удалого.

Торопец не был затронут татаро-монгольским нашествием, но выгодное географическое положение города во многом предопределило его роль в качестве предмета притязаний московских и литовских князей, что привело во второй половине XIV в. к присоединению города к Великому княжеству Литовскому и Русскому, в составе которого город пробыл вплоть до начала XVI в. Историки предполагают, что присоединение к Литве не отразилось существенным образом на судьбе и внешнем облике Торопца, который сохранил русское население и традиционные связи (13).

В 1503 г. по мирному договору Торопец вновь отходит к Московскому государству и становится порубежным городом русской земли.

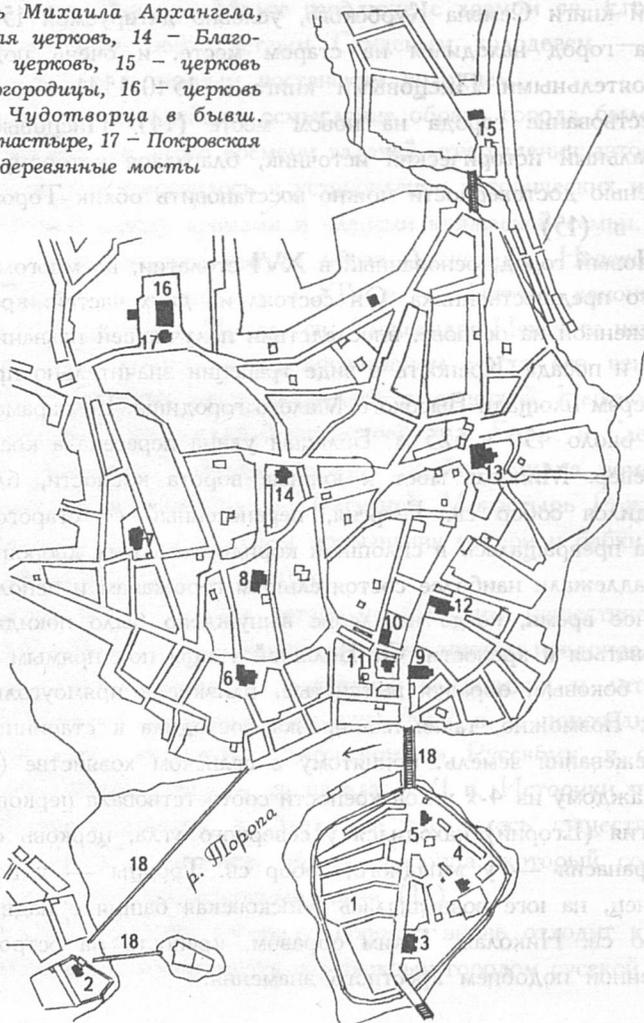
Одним из важнейших последствий этого события стало новое перемещение города на правый берег реки Торопы. Относительно конкретных сроков этого события единого мнения нет. По археологическим данным, это не могло произойти ранее конца XV - начала XVI вв. Д.И.Фоняков считает наиболее вероятным временем строительства города промежуток между созданием так называемой Писцовой книги Семена Курбского, условно датируемой 1507-1527 гг., когда город находился на старом месте, и очень подробными и обстоятельными Писцовыми книгами 1540-1541 гг., отметивших существование города на новом месте (14). Писцовые книги — уникальный исторический источник, благодаря которому с большой степенью достоверности можно восстановить облик Торопца 40-х гг. XVI в. (15).

Новый город, основанный в XVI столетии, во многом походил на своего предшественника. Он состоял из двух частей: крепости, расположенной на острове, впоследствии получившей название “Красный вал”, и посада. Крепость в виде трапеции значительно превышала по размерам площадь Высокого Малого городища. Ее параметры составляли около 450 x 525 м. Большая улица пересекала крепость с юга на север. Миновав мост и южные ворота крепости, близ которых находился собор св. Георгия, перенесенный со старого городища, улица превращалась в сплошной коридор осадных дворов. Последние принадлежали наиболее состоятельным горожанам и использовались в военное время, когда население вынуждено было покидать посад и укрываться в крепости. От Большой улицы под прямым углом отходили боковые, образуя вытянутые, близкие к прямоугольным, кварталы. Возможно, такая планировка восходила к старинному способу размежевания земель, принятому в сельском хозяйстве (Рис.1).

Каждому из 4-х углов крепости соответствовала церковь: собор св. Георгия (Егорий) находился у северного угла, церковь св. Кирилла и Афанасия — у западного, собор св. Троицы — у восточного и, наконец, на юге возвышалась Московская башня с надвратной церковью св. Николая. Таким образом, крепость на острове казалась осененной подобием крестного знамения.

Рис. 1. Горюпец. План сер. XVIII в. (до перепланировки)

1 - крепость (городище Красный Вал), 2 - Троицкий Небин монастырь, 3 - Корсунская церковь с приделом св. Георгия, 4 - собор св. Троицы, 5 - Богоявленская церковь, 6 - Спасо-Преображенская церковь, 7 - Казанская церковь (бывш. Бориса и Глеба), 8 - церковь Рождества св. Иоанна Предтечи в бывш. девичьем монастыре, 9 - церковь св. Ильи Пророка, 10 - Воскресенская церковь, 11 - Пятницкая церковь, 12 - церковь Михаила Архангела, 13 - Успенская церковь, 14 - Благовещенская (?) церковь, 15 - церковь Рождества Богородицы, 16 - церковь св. Николая Чудотворца в бывш. Никольском монастыре, 17 - Покровская церковь, 18 - деревянные мосты

Упорядоченность наблюдалась и в размещении главных сооружений крепости. Так, в западной ее части располагались осадные дворы состоятельных горожан и церковные осадные дворы, церковь Кирилла и Афанасия, пороховой двор и житницы. Здесь же, вероятно, жили пушкари, пищальники и воротники.

Восточная часть крепости представляла собой административный центр города. Здесь же, близ соборных церквей св. Троицы и св. Егория, находилась площадь, дома наместника, городских, приказчиков, священника, а также хлебные амбары.

Большой мост связывал крепость с посадом, расположенным на правом берегу реки Торопы, которая служила его естественной границей с юга. С запада и востока посад был ограничен впадавшими в Торопу двумя небольшими речками Породинкой и Уклеинкой.

Подобно крепости, посад был надежно защищен двумя рядами укреплений. Первое кольцо укреплений представляло собой земляную насыпь, окруженную рвом и увенчанную деревянным острогом с пятью быками и двумя шатровыми башнями с проездными воротами. С внутренней стороны острога вдоль концентрической линии укреплений на равном расстоянии располагались церкви Спаса-Преображения, св. Бориса и Глеба, Рождества Иоанна Предтечи, с наружной — Успенская, впоследствии соединенные концентрической улицей. Вторая линия укрепления проходила по естественным водным рубежам — рекам Породинке и Уклеинке, соединенным искусственным каналом. Она защищала три городские слободы, расположенные за пределами острога: ямскую, перенесенную в 1540 г. из местечка Небино с церковью Рождества Богородицы, стрелецкую и пушкарскую с церковью св. Козьмы и Дамиана. На границе города, близ переправы через реку Породинку располагался Никольский монастырь.

Наряду с концентрической линией укреплений острога, украшенно-го полукольцом церквей, важную роль в композиционной структуре города играла Большая улица, соединявшая посад с крепостью. Большая улица выступала как главная пространственная ось торопецкого посада, разделявшая его на две части, что имело не только композиционный, но и социальный смысл: в северо-западной части города

проживала наиболее состоятельная часть населения, в том числе то-ропещкие “бояре”, духовенство и военные, а в восточной — черные посадские люди. Ремесленники и торговцы не составляли особой группы и селились по всему городу (15).

Большая улица была в XVI в. средоточием посадской торговли, проходя через торг у Большого моста, где располагалось 77 лавок со “всяким товаром” — от сукон и шелка до мяса и рыбы. Кроме того, к улицам примыкали дворы торговых людей, где находились еще лавки и 15 “торговых амбаров”.

Важная роль улицы подчеркивалась концентрацией здесь шести из тринадцати посадских церквей: Воскресения, св. Параскевы, св. Ильи Пророка, св. Михаила Архангела на Исаде, Успенской и Рождества Богородицы в ямской слободе. В расположении церквей вдоль улицы можно отметить определенные закономерности. Так, церкви св. Ильи Пророка — защитника от стихийных бедствий и св. Параскевы — покровительницы торгующих и путешествующих располагались у городского торга. Группа церквей на северной окраине города, у Московских ворот острога: Успенская и Рождества Богородицы с теплой маленькой церковью Богоявления, возможно, были связаны с главным местным сельскохозяйственным праздником — Пожнями-Госпожинками (16). Госпожинки первые — окончание жатвы и освящение колосьев приходились на праздник Успения (15 августа по ст. стилю). Госпожинки вторые — встреча осени совпадали с чествованием Рождества Богоматери (8 сентября по ст. стилю). Последний праздник проходил у воды и сопровождался ритуальными женскими омовениями, что, возможно, и вызвало появление здесь маленькой церкви (придела) Богоявления, возникшей в противовес полуязыческому характеру этого обряда. Особое значение Госпожинок было, вероятно, еще и в том, что они “обрамляли” праздник славянского нового года — 1 сентября, что придавало им характер мистерии осеннего “успения” и грядущего возрождения сжатого поля.

Интересно, что близ противоположных южных ворот города в крепости сосредоточивались храмы весеннего цикла: св. Троица и св. Егорий, вероятно, именно “весенний”. Рядом с третьими северными

воротами — располагался Никольский монастырь с церковью св. Николы, очевидно, “зимнего” с приделом Покрова, “первого зазимья” (17). В этом аспекте сам город с монастырем Рождества св. Иоанна Предтечи, чествование которого, как уже говорилось, совпадает с днем летнего солнцестояния, уподоблялся обители солнца и вместилищу вечного лета. Последнее, возможно, имело и политический смысл, как прославление святого, тезоименного юному наследнику престола, будущему царю Иоанну IV Грозному.

Политический смысл имело, вероятно, и возведение близ Большой улицы Успенской, Благовещенской и Архангельской церквей (Архангелов Михаила и Гавриила на Исаде), что напоминало о главных соборах Московского Кремля и свидетельствовало о принадлежности Торопца Московскому государству. Существенным моментом было и то, что Большая улица связывала Московские ворота крепости с Московскими воротами острога. Менее явной, но вполне вероятной представляется связь с московской темой церковей — св. Георгия (герб Москвы) и Рождества Богородицы — возможный аналог которой был построен в Кремле, как полагают, вдовой Дмитрия Донского в память о Куликовской битве. Церковь Рождества Богородицы была реконструирована в начале XVI в., что свидетельствует о ее значительной роли в ансамбле Московского Кремля этого периода. С образом “московского города”, как мы полагаем, могло быть связано возведение Воскресенской церкви. Эта небольшая церковь играла особую роль в жизни города, так как именно рядом с ней жили все двадцать семей торопецкого духовенства.

Однако подобный образ Москвы мог сложиться не ранее 1535-1536 гг. — времени завершения в Московском Кремле рядом с колокольной Ивана великого Воскресенской церкви по проекту и под руководством итальянского архитектора Петрока Малого (Петра Фрязина). Воскресенская церковь значительно уступала по монументальности Успенскому и Благовещенскому соборам, однако идейное и политическое значение возведения в Московском Кремле каменного храма, одноименного знаменитому собору в Иерусалиме, было велико. Оно вполне отвечало концепции “Москвы — третьего Рима”, зна-

меня перенос центра христианского мира в столицу Московского государства — идеи, которая получила дальнейшее развитие в градостроительстве XVI-XVII вв.

Вторая половина 30-х гг. XVI в. — как время переноса города и строительства новых укреплений в Торопце не противоречит и летописным данным. Именно в этот период летописные источники отмечают активную градостроительную деятельность на северо-западных рубежах России, связывая ее с истечением срока перемирия с Литвой (18). Насколько можно судить по летописным и историческим источникам, это была обширная государственная градостроительная программа, в процессе осуществления которой не только перестраивались в соответствии с новейшими требованиями фортификации укрепления старых городов (таких как Смоленск и Полоцк), но и возводились новые укрепленные “городки” как на русских, так и на отвоєванных литовских землях. Наиболее значительными из них были Себеж и Велиж “на землях торопецких”. Стратегические задачи вполне могли сочетаться с решением задач социальных, в том числе размещения увеличившегося населения. Известно, что в 1535 г. “на слово государево” из Литвы выехало 300 православных семей, что, учитывая многочисленность средневековых семейных кланов, могло дать значительный прирост населения в пограничных районах (19).

О значении, которое придавалось этим работам, говорит участие в них итальянского архитектора Петрока Малого — строителя Воскресенской церкви в Московском Кремле и укреплений Китай-города. Документально установлено участие Петрока Малого в возведении города-крепости Себеж к западу от Торопца, однако, исследователь творчества зодчего С.С.Подъяпольский не исключает, что он мог принимать участие и в других крупных градостроительных и фортификационных работах в этом районе (20). Во всяком случае участие самого зодчего или его помощников в реконструкции такого важного стратегического пункта как Торопец представляется вполне вероятным. Архитектор Петрок Малый наиболее ярко проявил себя в области фортификационного строительства, что, конечно, не могло исключать более широкого его знакомства с достижениями итальянской теории

градостроительства, в частности, связанными с разработкой проблем идеального города. Примечательно, что творчество Петрока Малого совпало по времени с ранним этапом в развитии теоретических представлений об идеальном городе в Италии, когда проблемы обороны не являлись доминирующими и рассматривались наряду с социальными, эстетическими и другими задачами.

Что касается непосредственных источников градостроительных представлений Петрока Малого, то вполне вероятным является его знакомство с идеями Франческо ди Джорджо Мартини (1439-1501) — строителя крепости Сан-Лео, которая обычно называется в качестве одного из прототипов укреплений Китай-города. Антропософская концепция Франческо ди Джорджо Мартини уподобляла идеальный город гармонично развитому человеческому телу (21). Свои идеи он пояснил рисунком человеческой фигуры, увенчанной башней-цитаделью, которую гигант поддерживает поднятыми и согнутыми в локтях руками. Сердцем идеального города был собор, чревом — торговая площадь, положение ступней отмечали две сторожевые башни.

Уподобление города совершенному человеческому организму на уровне реальной композиции города могло выразиться в предпочтении вытянутой конфигурации городского плана, акцентировании продольной оси, создании определенной иерархической последовательности городских пространств, центрическом положении рыночной площади с собором, наличии определенного планировочного модуля.

Некоторые из этих черт проявились в возведенном под руководством Петрока Малого городе Себеже (22). Город расположен на длинном полуострове, далеко вторгающемся в гладь озера, уже имеющим отделенное сходство в пропорциях с человеческой фигурой. Сходство это закреплено пропорциями овальной цитадели и наличием оси, обозначенной рядом из четырех церквей и двух ворот в северной части укреплений посада. Необходимо отметить, как присущую именно русскому градостроительству черту — активное использование церквей как пространственных доминант в композиции города. Это объяснялось традициями деревянного строительства, когда возведение деревянной церкви могло быть осуществлено достаточно оперативно и

не требовало особых затрат, в то время как строительство итальянского собора могло растянуться на десятилетия.

В этом контексте могут найти объяснения логические закономерности в построении плана Торопца, а сам он прочитан как некий сомасштабный человеку организм с главой, увенчанной собором св. Георгия, сердцем — Московской башней с чудотворной иконой св. Николая, чревом — торгом с церквями Воскресения, св. Параскевы и св. Ильи Пророка; башнями посадских Никольских и Московских ворот, напоминающих о парных башнях у ног гиганта на схеме Франческо ди Джорджо Мартини. Концентрическое кольцо укреплений острога в этом контексте может быть уподоблено круглому щиту, прикрывающему фигуру воина (Рис.2).

Вопрос об участии итальянских мастеров в разработке плана Торопца требует более глубокого изучения, но нельзя не отметить определенную близость плана города теоретическим построениям мастеров эпохи Возрождения, что могло явиться следствием сходства задач, стоящих перед градостроителями двух стран, одной из важнейших из которых было обобщение и осмысление опыта Средневековья.

Что касается планировочной структуры города, сложившейся в первой половине XVI - первой половине XVII вв., то в целом она явилась дальнейшим развитием идеи центрического пространства, заложенной предыдущим этапом развития города. Необходимо отметить значительное усложнение как планировочной структуры города (за счет разработки отдельных элементов городского плана — площади, улицы отдельных районов), так и образно-символического строя городского ансамбля в целом.

Градостроительное развитие Торопца было приостановлено русско-польскими войнами, когда сам город, его окрестности и области, к ним примыкающие, становятся ареной почти непрерывающихся военных действий. Возможности для развития строительной деятельности появились лишь после 1667 г., когда в местечке Андрусове было заключено перемирие с Польшей, по которому Московское государство закрепило за собой Смоленск, Северские земли и левую сторону Днепра, а также Киев. Очевидно, результатами побед могли воспользоваться и жители

Рис. 2. Планы городов

1 - Франческо ди Джорджо Мартини.
Идеальный город, кон. XV в.

2 - Себеж, XVI в. (по Р.И. Платоновой).
Планировка и укрепление города проводились при участии итальянского архитектора Петрока Малого.

3 - Торонец, вторая половина XVIII в.
Черным показано положение церквей в XVI в. и концентрическая улица на месте укреплений Старого Острога, пунктирными кругами выделены торговая площадь и положение монастырей и выезда из города - Никольского и неизвестного близ церкви Рождества Богородицы, где в XVI в. находились кельи

Торопца, которые активно участвовали в военных действиях, что выразилось в строительстве каменных храмов. Первым каменным храмом города стала Никольская церковь Никольского монастыря, построенная около 1666 г. Вскоре после нее было начато строительство нового каменного собора Корсунской Богоматери близ старого собора св. Егория, осуществленное на личный вклад царя Алексея Михайловича.

Время строительства и посвящение храмов позволяет говорить о них как о памятниках победы русского государства. Это подтверждает и местная легенда, согласно которой видение гигантских фигур св. Николая и Корсунской Богоматери устрасило литовское воинство и заставило его обратиться вспять. Легенда о святых покровителях города интересна еще и тем, что запечатлела представления о двух наиболее значительных элементах городской структуры: крепости на острове под покровительством Богоматери и торгового посада, “укрытого омофором” св. Николая.

Точное время строительства остальных церквей определить невозможно, ибо единственные дошедшие до нас даты — время освящения нередко говорят не о времени возведения храма, а о его возобновлении после очередного пожара. Однако возможно выделение двух стилистически различающихся групп торопецких храмов. К первой из них принадлежат датируемые рубежом XVII-XVIII вв. двухстолпная Казанская церковь (св. Бориса и Глеба), а также церкви Спаса-Преображения и св. Иоанна Предтечи.

Ко второй группе относятся церкви, представляющие собой вариации на тему “восьмерика на четверике”: Рождества Богородицы, Успенская, ныне не существующая Воскресенская. Эти постройки относятся ко второй половине XVIII в., и именно с ними связано представление о торопецкой провинциальной школе, отличающиеся особой пластикой объемов, характерными пропорциями и, наконец, очень своеобразным декором.

Необходимо отметить, что выделенные группы памятников образуют не только стилистическое, но и территориальное единство. Так, памятники первой группы расположены в северо-западной части города, а памятники второй — тяготеют к Большой улице с ее мос-

ковской темой. Нетрудно заметить, что храмы первой группы относятся к самым старым торопецким церквям, существовавшим до перенесения города на новое место и по-видимому связаны с более старой частью городской общины — коренными торопчанами. Храмы, появившиеся позже, вероятно, в большей степени связаны с московским населением, влившимся в городскую общину позже.

Главными заказчиками храмов были прихожане, обычно богатые торопецкие купцы, владельцы расположенных близ храмов каменных палат на высоких подклетах, составляющих второй по значению тип памятника торопецкого зодчества. Если архитектура жилой застройки обнаруживает определенное сходство с типовыми проектами петровских времен, то этот вынужденный аскетизм с избытком восполнялся полихромной окраской фасадов (розовая, желтая и зеленая окраска домов и церквей особенно запомнилась авторам описаний XVIII в.), оригинальной формой наличников, а также богатством и пышностью интерьеров с их изразцовыми печами. В интерьерах церквей предпочтение отдавалось стилю барокко, причем исполнители работ были, очевидно, артели местных мастеров, работавших на высоком профессиональном уровне.

Необходимо отметить, что на этой стадии формирования городского ансамбля роль декора была исключительно велика. Наличие повторяющихся декоративных элементов, изразцовых фриз, поясов, ложных кокошников, наличников в разнообразных сочетаниях создавало впечатление единства и в то же время удивительной насыщенности и разнообразия архитектурной среды.

Вторая половина XVIII в. представляет собой начало нового этапа в развитии города, который совпал с реализацией общегосударственной программы реконструкции провинциальных городов России. История градостроительного развития Торопца в этот период во многих отношениях связана с деятельностью Я.Е.Сиверса, исполнявшего обязанности главного наместника огромной Новгородской губернии, в состав которой входил Торопец. Сформированная в результате административной деятельности Петра I, разделившего территорию России на 8 провинций, Новгородская губерния представляла собой “государ-

ство в государстве”, простираясь от границ Белоруссии и Польши до Белого моря. Энергичный, деятельный и образованный Сиверс уделял много внимания территориальному устройству этого огромного пространства, преследуя не только узко местные, но и общегосударственные интересы, главным из которых он считал создание удобных транспортных связей между Санкт-Петербургом и центром России.

Один из проектов Сиверса — соединение прямой транспортной магистрали Москвы и Петербурга широко известен. В ходе его реализации была осуществлена реконструкция Твери, превратившая ее в образцовый город эпохи классицизма, были основаны новые города: Вышний Волочёк и Боровичи. Гораздо менее известен другой проект Сиверса, предусматривающий открытие водного сообщения между Украиной и Санкт-Петербургом. В процессе реализации этого проекта предусматривалось строительство грандиозной системы каналов, которые должны были соединить Десну и Оку, Угру и Гжать, оз. Селигер и Полу и др. (23).

Особое место в его планах занимал Торопец, который во второй половине XVIII в. имел прямое водное сообщение с Ригой. В 1767 г. Я.Е.Сиверс предпринимает первую поездку в Торопец, в ходе которой он не только обследовал реки в окрестностях города, но и наметил программу его градостроительной реконструкции. Наделенный обширными полномочиями, Сиверс мог вносить изменения в высочайше утвержденные планы городов, выделять места для построек и даже совместно с губернским архитектором П.Р.Никитиным разрабатывать и выносить на местность новые планы городов, представляя их впоследствии на высочайшую конфирмацию (24).

В личном письме императрице Екатерине II он описывает процедуру создания плана Осташкова, авторами которого, по-видимому, следует считать архитектора П.Р.Никитина и самого Сиверса, что дает основание пересмотреть традиционную атрибуцию, согласно которой автором проекта Осташкова считался И.Е.Старов.

Разработка проектных планов на месте позволяла более полно учесть местную специфику и, в конечном счете, обеспечивала жизнеспособность и реалистичность большинства разработанных проектов. Поми-

мо обычных задач, связанных с реконструкцией города: определение композиции городского плана, создание системы площадей, урегулирование уличной сети и др., — намечаемые Сиверсом первоочередные мероприятия, преследовали особую цель, которая заключалась в создании эффективной декорации для церемонии открытия новых губернских учреждений. Церемония проходила при стечении всего губернского или уездного дворянства и предусматривала чтение уложения о губернии на площади перед собором, общий молебен, обряд водосвятия, шествие по главной улице города и, наконец, хождение с образами вдоль городской черты.

Торопец произвел большое впечатление на губернатора, который назвал его не только богатейшим, но и красивейшим городом Новгородской губернии, дипломатично сделав исключение для Твери, “украшенной в последние годы стараниями императрицы”. Особенно впечатляла активная деятельность торопецкого купечества, связанного торговыми отношениями с Кенигсбергом, Данцигом, Лейпцигом и Франкфуртом, из которых поставлялись шелковые и бумажные ткани, бархат, фарфор и музыкальные инструменты, а вывозились кожаные изделия и меха, что давало надежду в будущем процветания в городе искусств и ремесел.

Визит Сиверса дал толчок к началу работы над планом реконструкции города: были начаты и оперативно проведены работы по съемке первого топографического плана города, намечены первоочередные мероприятия, которые на первых порах ограничились спрямлением некоторых городских улиц, выделены участки для присутственных мест. К работе над планом Сиверс старался привлекать и городскую общественность, которая, судя по его воспоминаниям и письмам Екатерине II, сочувственно относилась к идее создания новых губернских учреждений. Священник Покровской церкви Петр Иродионов начал работу над первым трудом по истории Торопца, который с посвящением Я.Е.Сиверсу был издан в Петербурге одновременно с утверждением плана города и, по-видимому, явился его историческим обоснованием.

С началом реализации мероприятий по реконструкции города, как мы полагаем, связано и строительство двух монументальных храмов

XVIII столетия в Торопце, осуществленных на средства представителей наиболее состоятельных купеческих династий — Гундоровых и Туфаевых — Богоявленской церкви на городище Красный Вал и Покровской церкви в бывшем Никольском монастыре, формы которой потрясли горожан своей необычностью. Время окончания Богоявленской церкви — 1764 г. совпадает с началом деятельности в Новгородской губернии ближайшего сподвижника Сиверса — исполняющего обязанности губернского архитектора П.Р.Никитина, который должен был утвердить проект и внести в него коррективы по роду своих служебных обязанностей. Участие Никитина в проектировании Богоявленской церкви объясняет между прочим и появление оригинального декора, имитирующего предельно обобщенные формы барокко, что, возможно, было связано с представлениями Сиверса о простоте как гарантии долговечности здания. Это позволяет по-новому взглянуть на архитектуру Богоявленской церкви, которая предстает не только и не столько как результат эволюции народного творчества, но как один из наиболее удачных и ранних примеров поиска национального стиля в профессиональной архитектуре со второй половины XVIII в.

П.Р.Никитину, вероятно, принадлежит и проект Покровской церкви, которая значительно ближе по своим формам к архитектурному стилю школы Ухтомского и представляет собой прекрасный образец барокко. Некоторая апелляция к архитектурным формам петровского времени, возможно, носила программный характер и была обусловлена требованиями или пожеланиями заказчика, отец которого — в прошлом бургомистр Торопца (в 1707 г.) принимал в своем доме Петра I. Об авторстве Никитина косвенным образом свидетельствует большая градостроительная роль обоих храмов, определивших направление новой главной улицы города — Миллионной (Рис.3).

План города, разработанный в 1778 г., принадлежит к лучшим образцам градостроительного искусства конца XVIII в., благодаря бережному и тактичному отношению к исторически сложившейся планировочной структуре, зафиксированной топографическим планом XVIII в. Новый план охватывает всю территорию исторического города, включая Высокое Малое городище с посадом, в районе ко-

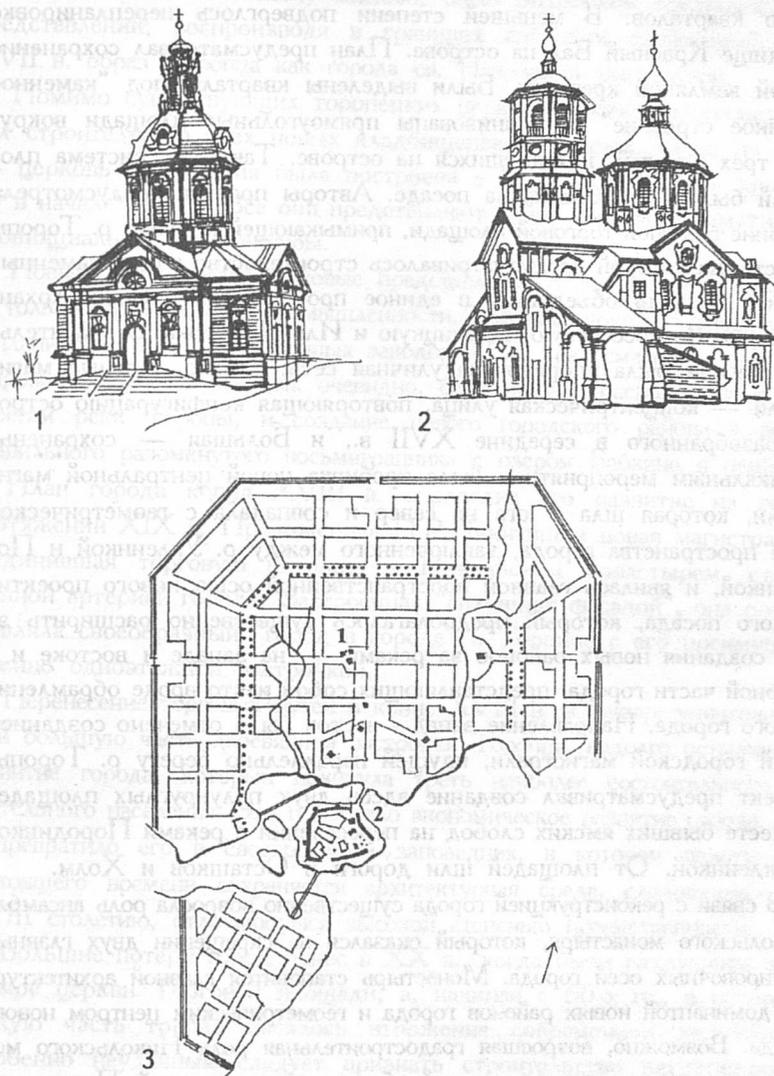

Рис. 3. Торонец

1 - Покровская церковь (1777 г.), 2 - Богоявленская церковь (1764 г.),
 3 - один из вариантов перепланировки города, утвержденный в 1778 г.

того намечается создание нового городского района с регулярной сетью кварталов. В меньшей степени подверглось перепланировке городище Красный Вал на острове. План предусматривал сохранение старой земляной крепости. Были выделены кварталы под “каменное казенное строение” и организованы прямоугольные площади вокруг всех трех церквей, находившихся на острове. Такая же система площадей была организована на посаде. Авторы проекта предусмотрели создание большой торговой площади, примыкающей к берегу р. Торопы у моста, на которой предусматривалось строительство новых каменных лавок. Площадь объединила в единое пространство церкви: Архангельскую, Воскресенскую, Пятницкую и Ильи Пророка. В значительной степени была упорядочена уличная сеть, однако, главные магистрали — концентрическая улица, повторяющая конфигурацию острога, разобранного в середине XVII в., и Большая — сохранены. Радикальным мероприятием была пробивка новой центральной магистрали, которая шла с юга на север и совпадала с геометрической осью пространства города, заключенного между р. Уклеинкой и Породинкой, и явилась главной пространственной осью нового проектируемого посада, который предполагалось существенно расширить за счет создания новых районов за реками — на западе и востоке и в северной части города, представляющих собой нечто вроде обрамления старого города. Направление запад - восток было отмечено созданием новой городской магистрали, идущей параллельно берегу р. Торопы. Проект предусматривал создание здесь двух полукруглых площадей на месте бывших ямских слобод на пересечении с реками Породинкой и Уклеинкой. От площадей шли дороги в Осташков и Холм.

В связи с реконструкцией города существенно возросла роль ансамбля Никольского монастыря, который оказался на скрещении двух главных планировочных осей города. Монастырь становится главной архитектурной доминантой новых районов города и геометрическим центром нового посада. Возможно, возросшая градостроительная роль Никольского монастыря вызвала появление новой, более монументальной Покровской церкви. Строительство Покровской церкви в непосредственной близости от Никольского собора не только придавало особую монументальность

ансамблю, но и, по нашему мнению, было отголоском средневековых представлений, воспроизводя в границах ансамбля сложившийся в XVII в. образ Торопца как города св. Николая и Богоматери.

Помимо существующих торопецких церквей, проект предусматривал строительство трех новых кладбищенских церквей. Одна из них — церковь Вознесения была построена в 1776-1783 гг., две другие — в начале XIX в. Все они представляют собой скромные памятники провинциальной архитектуры.

Новый план отразил и новые представления о городе как о центре не только торговли, но и промышленности. Наиболее ярко это проявилось в планировке района кожевенных заводов. План предусматривал перенос старых кожевенных заводов, очевидно, беспорядочно расположенных по берегам реки Торопы, и создание нового городского района в виде правильного разомкнутого восьмигранника с озером Бабкино в центре.

План города конца XVIII в. определил его развитие на всем протяжении XIX в. Проложенная П.Р.Никитиным новая магистраль, соединившая торговую площадь с Никольским монастырем, стала главной артерией города. Застроенная “сплошной фасадой”, она представляла своеобразный “город в городе” в Торопце с его преимущественно одноэтажной застройкой.

Перенесение торговых путей в конце XVIII в. и пожар, уничтоживший большую часть деревянной застройки Торопца, надолго остановили развитие города, который покинула треть наиболее состоятельного и деятельного населения. Это подорвало экономическое развитие города, но и превратило его в своеобразный заповедник, в котором вплоть до настоящего времени сохраняется архитектурная среда, сложившаяся к XVIII столетию, отличающаяся высокой степенью преемственности.

Большие потери город понес в XX в., когда были разрушены все четыре церкви Торговой площади, а, начиная с 60-х гг., в историческую часть города началось вторжение современной застройки. Особенно неудачным следует признать строительство пятиэтажного жилого дома вблизи Торговой площади и огромного бетонного здания Дворца культуры по соседству с Никольским монастырем. Тем не менее основная часть застройки остается традиционной. Хорошо со-

хранились планировка, отдельные памятники. В последнее время наблюдается определенное оживление религиозной жизни — в городе появились новые действующие церкви, в том числе Казанская и Рождества Богородицы, причем последняя восстанавливается на средства прихожан. В качестве нового и интересного явления можно назвать инициативу потомков старых жителей-торопчан, пытающихся внести свой вклад в восстановление зданий, построенных их предками. Современный Торопец во многом сохранил и традиционную экономическую ориентацию: основными производственными отраслями до сих пор являются переработка кожи и дерева, а в последние годы намечилось и определенное возрождение торговых традиций.

Задачи сохранения архитектурного и градостроительного наследия Торопца не должны ограничиваться строгой регламентацией современного строительства в исторической части города, но и включать срочную консервацию и реставрацию памятников, находящихся под угрозой исчезновения. Среди них, в первую очередь, следует назвать Успенскую церковь, игравшую важную роль в ансамбле Торопца, и Воскресенскую, связанную с именем последнего российского патриарха Тихона Белавина.

Сохранение градостроительного своеобразия Торопца требует продуманной программы, которая наряду с реставрацией памятников и воссозданием исторического облика отдельных районов предусматривала бы и сохранение их жизненного наполнения, связанного как со старинными обрядами, так и традиционными занятиями жителей: торговлей, обработкой кожи и дерева, производством строительных материалов и художественными промыслами. Особенно важно в этой связи поддержание высокого художественного уровня и выработка нового стиля, как в строительной, так и в ремесленной деятельности, отвечающего высоким эстетическим качествам среды. Вполне уместным представляется проведение открытых творческих конкурсов, а также привлечение крупных специалистов: искусствоведов, художников и архитекторов к решению конкретных вопросов сохранения и развития материальной и культурной среды города.

Сложившийся на протяжении нескольких веков гармоничный и продуманный ансамбль Торопца неотделим и от ландшафтного окружения,

в котором проходил весь цикл его долгой истории. В этом отношении неотъемлемой составляющей своеобразного облика города является вся система прилегающих к нему территорий, включающих лесные массивы, озера (Соломено, Заликовье, Кудино и др.), памятники археологии (городища, курганы), старинные села и бывшие дворянские усадьбы.

Оптимальной формой решения этого широкого круга проблем могла бы стать, по нашему мнению, организация на территории Торопца и его окрестностей историко-культурного и природного заповедника, что позволило бы сохранить своеобразие одного из наиболее самобытных и привлекательных старинных русских городов.

Примечания

1. *Иродионов П.* Историческое и географическое известие до города Торопца касающееся. СПб., 1778; *Семевский М.И.* Торопец — уездный город Псковской губернии (1016-1864). СПб., 1864; *Щукин В.Д.* Историко-статистический очерк города Торопца Псковской губернии. СПб., 1892.

2. Гравюры К.Вейермана сер. XIX в., изображающие панораму города со стороны озера Соломено (по рисунку Адамова) и вид центральной части города с Высокого Малого городища.

3. *Побойнин И.И.* Торопецкая старина. Исторические очерки города Торопца с древнейших времен до конца XVII в. М., 1902; *Чечулин Н.Д.* Города Московского государства в XVI в. // Историко-филологические записки Санкт-Петербургского университета. Т.22, СПб.1889.

4. *Раппопорт П.А.* Оборонительные сооружения Торопца // КСИА АН СССР, вып. 86, с. 11-20; *Косточкин В.В.* Архитектурные памятники Торопца // Памятники культуры. Исследования и реставрация. Т.1. М., 1959, с.5-65.

5. *Галашевич А.А.* Культовая архитектура Тверского края XVIII в. (к проблемам местных традиций зодчества). Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. иск. (07.00.12) М., 1983; Он же. Торопец и его окрестности. М., 1972.

6. *Малевская М.В., Фояков Д.И.* Древний Торопец. Торопец., 1991.

7. *Максимов А.Д.* Краткие итоги и перспективы изучения памятников раннего железного века Тверской области // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь., 1994; *Малыгин П.Д.* Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей на территории Тверской области // Там же, с. 116-127.

8. *Алексеев Л.В.* "Оковский лес" Повести временных лет // Культура средневековой Руси. Л., 1974., с. 5-11.
9. *Лесман Ю.М.* К топографии Торопца (конец I - начало II тыс. н. э.) // Вестник МГУ. Серия 8. История. № 4. 1990.
10. *Бунин А.В.* История градостроительного искусства. Т. 1. М., 1953, с. 158.
11. Данная попытка описания Торопца времен Александра Невского в значительной степени условна и основана на данных и гипотезе И.И.Побойнина, который предполагал, что храмы, существовавшие в районе Высокого Малого и Большого городищ, впоследствии были перенесены на территорию современного Торопца, освоенную не ранее XVI в. См.: Побойнин И.И. Указ. соч., с. 27-31.
12. Там же, с 88-89.
13. *Малевская М.В. Фоянков Д.И.* Указ. соч. с. 71.
14. Там же, с. 7.
15. *Тихомиров М.Н., Флоря В.Н.* Торопецкая писцовая книга 1540 г. // Археологический ежегодник 1963. М., 1964, с.257-357; *Фоянков Д.И.* Посад Торопца в XVI - XVII вв. // Города Верхней Руси. Истоки и становление Торопца. 1990, с 120-136.
16. *Калинский И.П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси М., 1990. /перизд. 1887/.
17. Там же, с. 219.
18. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга 3. Т. 5-6., с. 394, 398.
19. Там же, с. 406.
20. *Подъяпольский С.С.* Архитектор Петрок Малый // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1983, с. 34-50.
21. *Саваренская Т.Ф.* Западноевропейское градостроительное искусство XVII-XIX вв. М.,1987, с. 132-135.
22. *Платонова Р.И.* Планировочная структура "псковского пригорода" Себежа в конце XVI в. // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1983, с. 51-63.
23. *Иловайский Д.И.* Граф Яков Ефимович Сиверс. Биографический очерк // Иловайский Д.И. Исторические сочинения. СПб., 1865.
24. Там же, с. 523. В июне 1772 г. Сиверс отправляется приводить в действие указ об открытии 4-х новых городов: Валдая, Вышнего Волочка, Осташкова и Боровичей. В поездке его сопровождал архитектор П.Р.Никитин, совместно с которым и были разработаны планы городов.

ВЕХОВ Н.В., канд. биол. наук

К.Д.НОСИЛОВ НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ: РЕКОНСТРУКЦИЯ
ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ КОНЦА XIX В.
ПО ОПУБЛИКОВАННЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ПИСАТЕЛЯ

Архипелаг Новая Земля и остров Вайгач — уникальный в Арктике регион. Именно здесь с XVI в. в течение нескольких сотен лет существовали островные поморские промыслы, которыми в летнее время (июнь-август) занимались жители Беломорья и куда стремились они, невзирая на трудности мореплавания по Ледовитому океану, холод и опасности. Добыча морского зверя (моржа, белухи и тюленей) и рыбы (гольца) давали им немалые прибыли и возможность к существованию. На ярмарках Архангельска, Мезени, Пустозерска и в других городах России того времени добытый на Новой Земле “рыбий зуб” (моржовый клык), шкуры и соленая рыба были товаром повышенного спроса. В традиционном ареале же их промыслов, на Белом море и у берегов Мурмана, уже была конкуренция за места добычи, появились норвежские и финские колонии зверобоев-переселенцев. Именно на островах восточной части Баренцева моря еще были большие запасы морского зверя, песка, рыбы и птиц.

С 1870-х годов для защиты российских интересов, охраны промыслов и утверждения суверенитета в этой части Баренцева моря государство начало создание постоянных населенных пунктов на архипелаге Новая Земля, основав на западном побережье Южного острова становище “Малые Кармакулы” (1877 г.), а у самого устья пролива Маточкин Шар — становище с одноименным названием (1894 г.). Становища были заселены ненцами (самоедами), которых перевозили сюда с материка — из Большеземельской тундры.

Писатель и путешественник Константин Дмитриевич Носилов (1858-1923 гг.) был первым из русских исследователей, проведшим три зимовки на Южном острове архипелага Новая Земля.

Константин Дмитриевич Носилов родился в селе Маслянском Шадринского уезда бывшей Пермской губернии, в семье потомствен-

ного сельского священника. В 1868-1877 гг. он обучался сначала в Далматовом монастыре, а затем — в Пермской духовной семинарии, которую, кстати, так и не закончил. С 1879 г. началась его творческая научная и писательско-журналистская деятельность. В период с 1879 по 1885 гг. Константин Дмитриевич работал на Урале. Два года служил геологом на Богословских заводах, где начал геологические, этнографические, метеорологические и гидрографические исследования, участвовал в экспедиции по изучению реки Северной Сосьвы и походов князя Курбского, сельскохозяйственных опытах (по акклиматизации злаков и овощей в Зауралье). В 1883 г. Носилов становится членом-корреспондентом Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), а в 1884 г. — избран членом-сотрудником Русского географического общества (РГО). В 1886 г. с поездок в Палестину, Египет и Турцию начинаются дальние путешествия Константина Дмитриевича. Сразу после возвращения из Средиземноморья Носилов устремляется на север, в Русскую Арктику. После трехлетней арктической одиссеи писатель посещает (1883-1908 гг.) бассейн реки Конды, где изучает “диких жителей” и местную популяцию бобров, два года обучается в Сорбонне (1894-1895 гг.), путешествует по юго-западной Сибири, Восточному Казахстану, Алтаю, Ямалу, Манчжурии, Каспийскому морю, Казахстану, Черному морю и Кавказу, Белому морю. С начала 1910-х годов он включается в дискуссию о транспортном благоустройстве Сибири и Зауралья — о строительстве железной дороги в Шадринск, об устройстве речного канального пути через полуостров Ямал (из Байдарацкой губы в Обскую) и совершает экспедицию в Обскую губу на собственной яхте. С начала 1890-х годов Носилов сотрудничает с многими российскими журналами и газетами — “Новым временем”, “Естествознанием и географией”, “Вокруг света” и т.д. До 1917 г. ряд его произведений, опубликованных редакциями журналом “Юная Россия” и “Педагогический листок” в серии “Библиотека для семьи и школы” выдержали до 7 переизданий. С 1917 по 1923 гг. в связи с изменившейся общественно-исторической ситуацией в России писатель отошел от своих привычных активных занятий и много скитается в поисках более спокой-

ной жизни. Последние два года жизни провел с семьей в селе Пиленково под Гаграми, где умер в неизвестии 3 февраля 1923 г. и похоронен на местном кладбище.

После совершенных поездок по архипелагу он опубликовал несколько литературных произведений, в которых впервые описал быт, верования и занятия новоземельских ненцев. Однако никаких географических очерков, заметок или статей, содержащих какие-либо сведения о маршрутах своей экспедиции и обследованных районов архипелага Носилов не опубликовал. Поэтому неудивительно, что в нескольких известных к настоящему времени биографических исследованиях жизни К.Д.Носилова, в разделах, посвященных новоземельским его путешествиям, допущен целый ряд фактологических ошибок.

Например, во вступительной части к книге К.Д.Носилова "Северные рассказы", выпущенной в Свердловске в 1937 г. (1, с. 3) сказано, что "на Новой Земле он основал две колонии ненцев". Как хорошо было известно и ранее и теперь, новоземельские колонии-становища организовывались архангельскими губернскими властями при юридической и финансовой поддержке со стороны государства (2, с. 755; 3).

В книге А.К.Омельчука (4, с. 66) мы читаем: "Носилов первым в Российском государстве организует на Новой Земле стационарные метеонаблюдения, устраивает для себя суровейшую трехлетнюю зимовку". В действительности же, в Малых Кармакулах "начиная с 1896 г. [] функционирует небольшая метеорологическая станция, основанная академиком князем Б.Б.Голицыным во время посещения им в означенном году Новой Земли. Местный псаломщик ведет здесь, за специальное вознаграждение, в размере 180 руб. в год, метеорологические наблюдения и сообщает их результаты Главной Физической Обсерватории" (3, с. 104). Результаты этих наблюдений опубликованы в "Трудах русской полярной станции на Новой Земле" (5).

Далее, в работе А.К.Омельчука (4, с. 71 и 72) сообщается, что: "Великий князь" (имеется в виду пароход Архангельско-Мурманского срочного пароходства "Великий князь Владимир", совершавший в летнюю навигацию рейсы на Новую Землю из Архангельска. — Н.В.) — лето

выдалось теплым, и льды на пути не встречались — вошел в Маточкин Шар и бросил якорь на траверзе становища. Гористый берег пролива, скудные серые домики на взгорье, возвышающийся над строениями крест над храмом — здесь предстояло Носилу провести три долгие полярные зимы”. В действительности, это — описание места первой и второй зимовок К.Д.Носилова, становища “Малые Кармакулы” на берегу залива Моллера, куда и зашло судно. Пролив Маточкин Шар, о котором идет речь в приведенной выше цитате из книги А.К.Омельчука (правильнее говорить не обо всем 100-километровом проливе, а о Поморской губе, где Носилов провел третью зимовку на архипелаге. — Н.В.), расположен примерно в 150 км к северу от становища Малые Кармакулы.

Далее, автор сообщает, что “в третью зимовку в колонии появился фельдшер” (4, с. 80). В действительности, третью зимовку К.Д.Носилов проводил на побережье пролива Маточкин Шар, когда здесь еще не было постоянного поселения (становища, колонии; становище было организовано только в 1894 г. — Н.В.). Сюда лишь на время промысла приходили самоеды и жили здесь по несколько месяцев. Фельдшера же привезли из Малых Кармакул для оказания помощи пострадавшему ненцу-промысловнику. Об этом Константин Дмитриевич упоминает в своей книге “На Новой Земле” (6, с. 67). Небезынтересно, что в период пребывания К.Д.Носилова на Новой Земле в “Малых Кармакулах” фельдшером служил П.Я.Виноградов.

В брошюре Л.П.Осинцева (7, с. 35) утверждается, что “в очерке (имеется в виду очерк К.Д.Носилова “История одного самоеда (из путевых впечатлений)”, вошедшего в книгу писателя “На Новой Земле”, 1903. — Н.В.) идет речь об очень интересном, оригинальном человеке — ненце Тыко Вылке, который был первым постоянным жителем Новой Земли”. На самом же деле речь идет о ненце Фоме Вылке, который действительно был первым постоянным переселенцем на Новой Земле, о чем у Константина Дмитриевича написано в книге очерков и набросков “На Новой Земле” в цитированном несколькими строками выше рассказе (6, с. 153, 5-ая строка снизу). К сведению читателя, Тыко Вылка, о котором речь идет в брошюре Л.П.Осин-

цеза родился 12 февраля 1886 г. (8, 1977, с. 11) и во время пребывания писателя на Новой Земле был двух-трех летним ребенком. Небезынтересно, что Тыко Вылка (Илья Константинович Вылка) был сыном Константина Вылки — того самого ненца, который сопровождал Носилова в 1889 г. во время санной поездки на собаках по карскому побережью Северного острова.

Главная цель настоящей работы — достоверно датировать главные события, установить географические пункты пребывания К.Д.Носилова на архипелаге и реальные факты новоземельского периода жизни писателя. Используя разработанный в Институте Наследия и примененный ранее (например, при изучении плаваний голландского путешественника Виллема Баренца в XVI в. и других исследователей на Новую Землю, 9, 10) метод интерпретации упоминаемых в опубликованных литературных и художественных произведениях событий и точной их привязки к современной географической карте, автор постарался в хронологическом порядке восстановить некоторые аспекты летописи истории первопоселенцев Новой Земли и взаимоотношений с ними писателя и путешественника К.Д.Носилова, три года прожившего вместе с ними на архипелаге.

В 1887-1889 гг. Носилов зимовал с ненцами в становище Малые Кармакулы, на берегу залива Моллера (Рис. 1), а в 1890-1891 гг. — в доме на берегу пролива Маточкин Шар, в Поморской губе.

На архипелаг писатель прибыл на пароходе “Великий князь Владимир” Архангельско-Мурманского срочного пароходства из Архангельска 19 июня 1877 г. (2, с. 755). На побережье залива Моллера Носилов жил в доме станции Общества Спасания на водах, с руководством которого он заранее в Санкт-Петербурге договорился о возможности зимовки именно в принадлежавшем ему помещении, поскольку другого свободного жилого дома здесь не было. После прибытия в становище Константин Дмитриевич вместе со священником, отцом Ионой, командированным сюда Архангельской епархией, командой корабля и несколькими ненцами восстанавливали часовню (2, с. 755).

В период своего базирования в Малых Кармакулах Носилов очень много путешествовал по Южному острову Новой Земли (Рис.2),

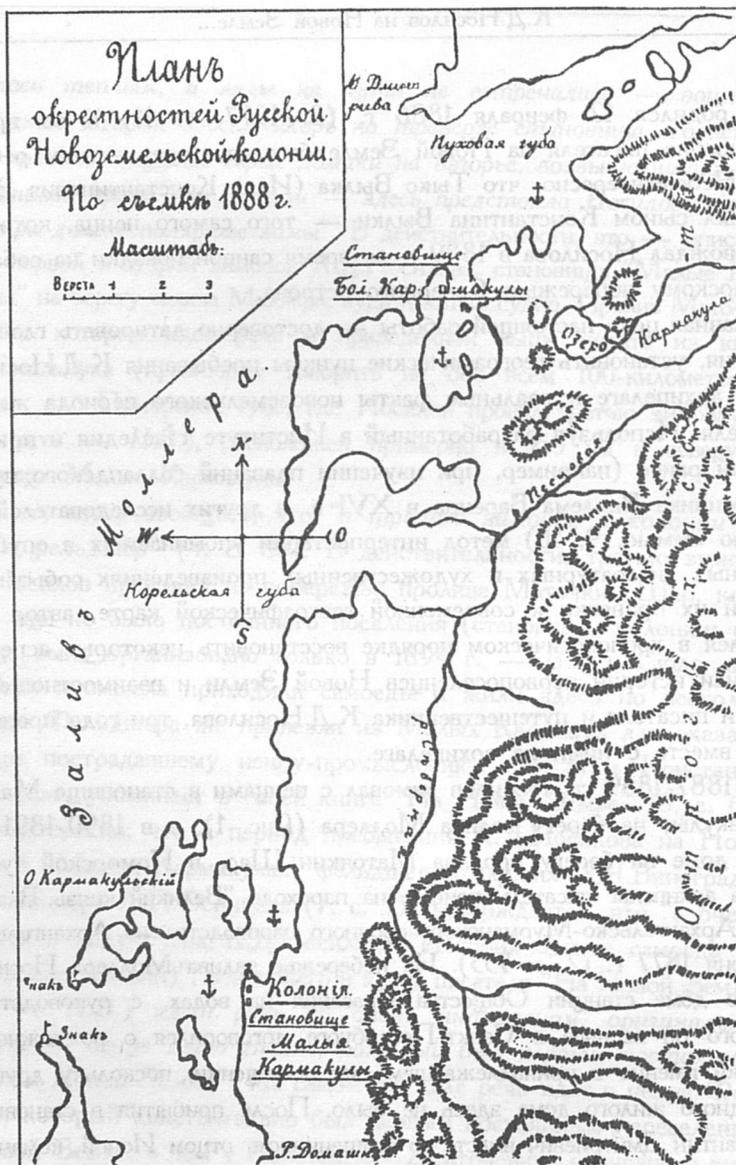

Рис. 1. Местоположение становища Малыя Кармакулы и карта-схема его окрестностей (рисунок взят из работы: *Справка о командировках на Новую Землю духовных лиц в прежнее время и открытии там монашеского скита в 1889 г.* // Архангельские епархиальные ведомости, 1889, № 14-15, часть неофициальная, с. 265-268)

Рис. 2. Карта-схема расположения географических пунктов на Новой Земле, связанных с пребыванием здесь К.Д.Носилова в 1887-89 и 1890-1891 гг. Впервые составлена автором настоящей статьи по результатам анализа литературного наследия писателя

изучая фауну и географию, описывая побережья, жизнь новоземельских ненцев. Знакомство с произведениями писателя позволило установить конкретные точки его пребывания на архипелаге.

Так, уже в первый год своих путешествий Константин Дмитриевич совершает дальние маршруты, не ограничиваясь осмотром окрестностей становища Малые Кармакулы. *“16 сентября 1887 г., пользуясь первопутком, я отправился с одним самоедом к хребту Новой Земли, чтобы пересечь его, перерезав остров и выйти к заливу гр.Литке, к Карскому морю”* (11, с. 13). *“Побродив с самоедом с неделю по Карскому берегу, мы возвратились в колонию уже в конце сентября”* (11, с. 18).

Позже, зимой 1887 г. Константин Дмитриевич познакомился с семейством ненца Логай, на зимовку которого он совершил поездку на собаках. *“Была уже настоящая зима и полярная ночь, нашу колонию уже так занесло сугробами, что песцы бегали ночью по крыше, когда мне вдруг представился случай прокатиться на соседнюю зимовку”* (12, с. 6). События этого периода описаны в рассказе *“Таня Логай”* (13, с. 3-25). Логай, маленький, юркий веселый самоед, *“зимовал от нашей колонии верстах в двадцати, на берегу одного широкого залива, где стояла его маленькая избушка”* (13, с. 3). Вероятно, речь идет о зимнем стойбище ненцев на баренцевоморском побережье, лежащем на берегу губы Корельской, расположенной к северу от Малых Кармакул. В этом же рассказе Носилов сообщает о том, что двумя годами раньше семейство Логай зимовало на Гусином Носу (по-видимому, современный мыс Северный Гусиный Нос на полуострове Гусиная Земля. — Н.В.). Затем семейство Логай переехало на 150 верст севернее Малых Кармакул, видимо, на побережье Поморской губы, где позже, в 1890-1891 г. Носилов провел свою третью зимовку на архипелаге.

Зимой 1887-1888 гг. Носилов совершает дальнюю поездку по баренцевоморскому побережью в губу Серебрянку (примерная протяженность этого маршрута от Малых Кармакул до Серебрянки и обратно составляет около 450 км. — Н.В.), расположенную на юго-западе Северного острова, за проливом Маточкин Шар: *“Но я нигде*

и никогда после не видел такой массы песцов, как в ту первую зиму на этом острове в Серебряном заливе (современное название этого залива — губа Серебрянка. — Н.В.). Так называется один залив западного берега Новой Земли, в северной ее части, за Маточкиным Шаром” (12, с. 8). Выяснилась и причина предпринятого Константином Дмитриевичем путешествия. “Случилось так, что мне нужно было провести там несколько зимних месяцев, прежде, чем устроить там зимовку. На Маточкином Шаре, куда мы прибыли, оказалось жить в чуме зимой довольно затруднительно [] и на совете было решено переселиться в Серебряный залив, где можно было еще найти в снегах маленькую поморскую избушку. Поморы, промышляющие белуху, иногда на месте ловли строят из привозного леса маленькие строения. Мы нашли ее еще не совсем занесенную буранами и устроились тут за деревянными из плах стенами” (12, с. 8).

Из рассказа “Самоед Неволья” (13, с. 26-58) мы узнаем, что зимой 1888 г. в Малые Кармакулы приехал ненец Константин Вылка, зимовавший на мысу Южный Гусиный Нос, “где у него стоит чум”. Весной, в мае, он опять приезжал в колонию и Носилов поехал с ним в чум на Южный Гусиный Нос. Здесь Константин Дмитриевич провел около месяца, охотясь на гусей и оленей, наблюдая за жизнью птиц и зверей на Новой Земле. “Это было на Гусиной земле, как называется юго-западная часть этого острова, в виде далеко выдающейся в море низкой равнины. Я нарочно туда отправился весной 1888 года, чтобы понаблюдать пролет там птиц и пробуждение природы, и там чум как раз стоял вблизи птичьего базара” (14, с. 16).

В апреле 1888 г. Носилов опять путешествует по Карскому побережью Южного острова. “Это было на Карском берегу Новой Земли, когда я там экскурсировал с своими проводниками. [] На одной высокой ровной сопке, какие любят выбирать себе для стоянки самоеды, у нас было разбито три чума. []. Был апрель месяц” (14, с. 4).

Летом 1888 г. Константин Вылка, погрузив все свое имущество, собак, продукцию промыслов, чум и все семейство, на карбасе пере-

ехал на побережье пролива Маточкин Шар. Здесь его и встретил Константин Дмитриевич, путешествуя по острову: *“На этом низменном берегу, рядом с проливом, я и нашел Неволю с отцом осенью второго года, во время своего путешествия по острову”* (13, с. 49). *“В половине зимы я покинул Неволю, уехал в колонию []”* (13, с. 56).

Эти материалы говорят о том, что переселившиеся с материка на острова ненцы совершали интенсивные сезонные миграции в поисках благоприятных промысловых участков. Подобная особенность их образа жизни отражала духовное состояние ненцев: *“Самоеды в зимнюю пору часто удаляются нарочно из колонии, чтобы искать свое счастье (имеются в виду удачные промыслы. — Н.В.)”* (12, с. 7).

В рассказе “Птичий остров” из сборника “На диком севере” (15, с. 71-90) Константин Дмитриевич описал свое посещение птичьего базара на острове Базарный в заливе Моллера, лежащего в 5-6 км к северо-западу от становище Малые Кармакулы.

После первой зимовки в Малых Кармакулах, в июле 1888 г. с первым рейсом парохода товарищества “Архангельско-Мурманское срочное пароходство”, совершавшего доставку пассажиров и грузов, снабжение новоземельских колонистов и вывоз продукции промыслов, Константин Дмитриевич выехал на материк в Архангельск и Санкт-Петербург. Через полтора месяца со вторым пароходом он возвратился на Новую Землю (6, с. 222), захватив с собой *“трех русских поморских жителя, которые узнав о существовании храма и нашем зимовье, охотно поехали на зимовку”* (16, с. 795). После второй зимовки в Малых Кармакулах в 1889 г. Константин Дмитриевич *“выехал осенним пароходом в г. Архангельск, а затем в Москву и Петербург”* (16, с. 798).

Во время первого пребывания на Новой Земле Носилов совершил несколько дальних поездок из Малых Кармакул, находящихся на западном, баренцевоморском, побережье на восточное, карское. Это были очень опасные и богатые открытиями путешествия. Первые две поездки (1887 и 1888 гг.) проходили по традиционному маршруту промысловых кочевков самоедов поперек Южного острова, по долинам

рек, а третья (в 1889 г.) — по припаю и льдам, через пролив Маточкин Шар, на восточный берег Северного острова. Во время первой поездки Константин Дмитриевич вместе с проводниками-ненцами посетил карское побережье Южного острова, участок близ залива Литке. Он побывал в нескольких чумах и описал жизнь ненцев во время зимнего сезона охоты на восточном побережье, где переселенцы постоянно промышляли морского зверя, песца и оленя. Именно Носилов сообщил о сохранившемся у самоедов-переселенцев идолопоклонничестве. Хотя все они и были крещеные, но во время зимнего промысла ставили самодельные идолы (Ефремов идол) и приносили им в жертву то оленя, то собаку, веря, что эти дары божествам принесут им удачу и промыслы будут богатыми. *“В начале апреля [] я отправился в путешествие на берега Карского моря, посетил кочующих там наших колонистов. Там, на их становище, я между прочим неожиданно открыл и того идола, которому 9 лет назад была принесена жертва колонистами этой земли. Это был небольшой, с аршин величины, простой обрубок дерева, с заостренным кверху концом в виде колпака и грубо деланными глазами, носом, ртом и лицом. Он стоял на том самом холмике, где разыгралась когда-то страшная история жертвоприношения. Побуждением к принесению человеческой жертвы был голод (это случилось зимой 1878/79 гг. — Н.В.)”* (2, с. 762). Об этих путешествиях довольно хорошо известно историкам и географам, специалистам по Новой Земле. Само путешествие и собранные во время поездки факты описаны в рассказе “У берегов Карского моря”, вошедшем в книгу “На Новой Земле” (6, с. 127-152).

Но о третьем путешествии, во время которого в апреле-мае 1889 г. Константин Дмитриевич вместе с двумя самоедами прошел почти 1000 км на собачьих упряжках от Малых Кармакул через пролив Маточкин Шар, посетил заливы Канкрин, Чекина, Медвежий и Незнаемый, практически ничего не известно. Описание этого маршрута не вошло в известный сборник очерков и набросков К.Д.Носилова “На Новой Земле”. При изучении автором работы К.Д.Носилова “По берегу Карского моря (Из путешествий по Новой Зем-

ле)” (17-19) и сопоставлении с современной картой, впервые была восстановлена картина путешествия писателя.

Задумав это путешествие, Носилов договорился с двумя ненцами-промысловиками, один из которых, Перырка с женой, хотел провести весну в западном устье пролива Маточкин Шар, где в устье реки Маточка традиционно летуют ненцы, а другой, Андрей Тайбарей, намеревался отправиться в Тюленью губу, в восточном устье Маточкина Шара. В марте Носилов отправил из Малых Кармакул в устье реки Маточки нарты с питанием для собак; их сопровождали старики Перырки. Сам же писатель вместе с Андреем Тайбареем выехал из становища в путь в апреле. После двух дней пережидания в сугробе метели и сильной бури и трех дней пути Носилов со своим спутником достигли Маточкина Шара, где их радушно встретили старики Перырки.

Отдохнув день, починив одежду, они тронулись в 100-километровый путь на собаках по льду пролива Маточкин Шар на восток. Наиболее опасный участок пути — самое узкое место в проливе (не более 600-700 метров ширины. — Н.В.), прозванное Носиловым “Полярный Босфор”, где часты сильные ветры, дующие с ледников, и ураганы, преодолели без происшествий. Достигнув Тюленьей губы, путешественники увидели высокие горы, покрытые ледяными шапками, а впереди — *“обрывистый берег, заворачивающий пред морем, и ледяной низкий мыс, на котором видна черная дымящаяся точка, как поставленный бакан моряка”* (17, с. 3-4). Сопоставляя это описание Носилова с особенностями морфологии северо-восточного берега пролива Маточкин Шар, можно заключить, что Носилов и его спутники достигли чума на мысе Дровяном, где зимовало семейство ненца Константина Вылки, его жена и дети. Как и везде у чумов, здесь на привязи содержались маленькие белые медвежата. Они составляли важную часть промысловой выручки ненцев-охотников; каждого медвежонка в период навигации они могли продать его скупщикам за 25-75 рублей, а то и больше.

Два дня отдыха и людям и собакам; и снова в путь. Дальше санный караван отправился уже в составе трех упряжек; на одни

нарты грузится провизия, а на двух других будет перевозиться все имущество Носилова и ненцев. Константин Дмитриевич сагитировал поехать с ним еще одного самоеда, Константина Вылку, который будет сопровождать третьи нарты.

Караван пересек пролив Маточкин Шар; путешественники поднялись на первую гряду южного берега Северного острова, осмотрелись, сверили свой маршрут с картой, простились с южным берегом Северного острова и вступили на ранее никем не изученную территорию его карского побережья. Судя по описанию этой части пути, караван движется по суше, вдоль берега. Вдали, на горизонте среди разводьев морского льда парит полынья. Ненцы еле сдерживаются, чтобы не умчаться туда на нартах поохотиться. Носилов производит полуинструментальную съемку, наносит маршрут на карту, описывает встречающиеся по пути объекты. К полудню караван достиг отвесного сланцевого мыса, под которым устроили привал и послеобеденный отдых. Оставив позади мыс, санный караван двинулся вперед и достиг глубокой долины реки, по которой они продолжили путь далее. До вечера двигались они по замерзшему руслу этой реки и на исходе первого дня пути наконец достигли внутреннего берега залива Канкрин. За мысом (ныне мыс Канкрин. — *Н.В.*) увидели темный островок с отвесными камнями (современный остров Кекур. — *Н.В.*). Берег в глубине залива Канкрин — ровный, с большим количеством плавника. Здесь после выхода из чума на мысе Дровяном была первая ночевка Носилова и его спутников.

На другой день Носилов и ненцы двинулись вперед вдоль низменного берега, в направлении залива Чекина и планировали достичь его за сутки. Но увидев по дороге стадо оленей, устроили охоту. Убив несколько оленей, сделали привал и здесь заночевали. К вечеру следующего дня на севере ясно вырисовались береговые очертания залива Чекина. Ближайший к морю мыс (возможно, это — современный мыс Куинджи — *Н.В.*) — цель маршрута этого дня. Поднялись на вершину (это — вершина 253 м или 320 м, гора "Фитиль". — *Н.В.*) и наблюдали сверху залив. Через час путники были уже на берегу залива. Ночевка проходила при -28° С. С ближайшей

полыньи потянуло сыростью, дул ветер. Ночью путешественники не могли спать из-за холода. После пересечения залива, Носилов со спутниками поднялись на высшую точку хребта (возможно, ныне это - высота 406 м над уровнем моря), отделяющего макросклон залива Чекина от мыса Чекина. Отсюда, на горизонте они увидели очертания залива Незнаемого.

Носилов с ненцами, видимо, вышли на южный берег Незнаемого залива на широте мыса Бурливого. Здесь они увидели несколько выступающих из воды скал. Дальнейший маршрут проходил вдоль берега залива. Носилов достиг современных пролива Грана и бухты Гольцовой, отметив, что это — прекрасная якорная стоянка для судов, защищенная от ветров высокими горами. Выйдя к восточному берегу залива, путешественники нашли небольшую бухту с пресной водой и обилием плавника на берегу. Видимо, Носилов имел в виду залив, лежащий в 4 км к северу от мыса Бурливый. Следующий день они посвятили изучению самого залива Незнаемого. Ненцы-проводники сообщили Носилову о том, что в самую дальнюю часть залива два года назад зашла небольшая норвежская зверобойная шхуна, экипаж которой перепутал Незнаемый залив с проливом Маточкин Шар. Затем судно затерло льдом, экипаж заякорил шхуну, пешком и на шлюпках они добрались до Маточкина Шара, а затем по проливу и до его западного устья.

Достигнув кутовой части залива, Носилов и ненцы поднялись по долине на перевал, и увидели западный берег Северного острова и Баренцево море (18, с. 36): *“Когда мы поднялись на перевал, на хребет этого острова, заметно понижающийся к северу, мы нашли невысокую долину, с перевала которой хорошо были видны синеватые туманы Ледовитого океана по ту сторону острова, видимые даже простым глазом”*. Таким образом, во время этого путешествия на карскую сторону Носилов первым из отечественных исследователей побывал как в самом Незнаемом заливе, так и в сквозной долине, прорезающей Северный остров Новой Земли поперек и соединяющей Крестовую губу, на западе, с Незнаемым заливом, на востоке. Это было почти за 20 лет до посещения восточной части

острова известным русским полярным путешественником В.А.Русановым, которому приписывается факт первого прохождения сквозной долиной и изучение Незнаемого залива (20, с. 103-105).

Дальнейший путь осложнялся наступившей весной, снеготаянием и обилием талой воды поверх льда в еще замерзших речках. Собаки вязли в мокром снегу, снег прилипал к полозьям, люди и животные слепли от яркого солнца и белизны снега. Продвижение вперед все время прерывалось охотой то на оленей, то на тюленей, то на белого медведя, то на птиц. Надо было кормить собак, да и самим есть свежее мясо. На припае в море, за восточным берегом Незнаемого залива, устроили охоту на белого медведя. Удача не отвернулась от путешественников. Они убили медведя, накормили собак и наелись сами. На мысу сделали дневку, дали собакам отдохнуть, да и сами отоспались; перед этим всю ночь на нартах изучали местность между кутом Незнаемого залива и мысом Бурливым. В вытекающей с гор реке (видимо, современная река Байдарка. — Н.В.) наблюдали мальков гольца, которые, вероятно, скатывались в море на нагул.

Лишь вечером тронулись в путь. Теперь Носилов и сопровождающие его ненцы передвигались только с вечера до утра, когда ночные заморозки подмораживали снег, а наст “держал” людей, собак и нарты. Кроме того, в сумеречное время не так слепил глаза снег. В течение суток они достигли побережья залива Медвежьего, с хребтов южного побережья которого утром ясно различили на севере мыс Крашенинникова, венчающий одноименный полуостров. Спустившись на лед залива, пошли в его кутовую часть. Достигли обрыва мощного ледника (ныне это ледник Витте. — Н.В.), у края ледника увидели много айсбергов, отвалившихся от него и вмерзших в лед залива. Поднялись на окружающие ледник скалы и наблюдали его. Все были в полной оторопи от увиденного ледника, особенно ненцы (у Носилова — “дикари”) — *“и те стояли в ужасе перед картиною и только смотрели на нее, казалось, с мыслью не возвращаться сюда...”*.

Ночью не раз слышали треск ледника. Испугались. До утра не сомкнули глаз от холода. Лишь утром тронулись в обратный путь к

морю, а к полудню Носилов с ненцами добрались по льду до берега. Поднялись на сушу и увидели открытые участки моря. На расстоянии в полкилометра от берега у отдушин лежали десятки моржей. Ничто не могло остановить ненцев и они начали охоту. Набив тюленей, накормив ими собак и поев мяса сами, путешественники залегли спать. Многодневная усталость, болезнь глаз и постоянное пребывание на холоде давали знать. Носилов с ненцами проспали три дня подряд.

Только после этого они тронулись в обратный путь в Маточкин Шар. С побережья восточного устья пролива Маточкин Шар (от чума Константина Вылки) маршрут Носилова пролегал по льду самого пролива до Поморской губы, а оттуда — в Малые Кармакулы. Неделю они добирались по раскисшему снегу, через вздувшиеся водотоки и ослепляемые ярким отблеском солнца до Маточкина Шара. Радостно встречала Константина Вылку его жена, остававшаяся все это время с детьми в чуме на берегу близ восточного устья пролива и много дней воевавшая с белым медведем, повадившимся за мясом тюленей, хранившемся неподалеку. Возвратившиеся охотники в первую же ночь убили медведя.

Здесь в обществе ненцев, К.Д.Носилов встречал светлый праздник Пасхи и описал его в очерке “Пасха на берегу Карского моря” (6, 1903, с. 95-108): “В этом дырявом самоедском старом чумишке, в сообществе двух моих проводников-самоедов, в сообществе их молодых, веселых, беззаботных жен и пары премилых моих друзей-ребятишек и пришлось встретить светлый праздник 1889 года. Мы уже второй месяц кочуем вдали от колонии (с. 95-96). [] Вечер Великой субботы мы провели в заботах установить на нашем месте в честь праздника и на память крест (с.98). [] Тихо поднимается флаг на мачте, тихо его подхватывает струя ветерка, раздаются залп ружей (с. 100)”. Хотя по первой фразе этого очерка трудно понять, где происходило это событие: “Пасха 1889 года меня застала на берегу Карского моря, на западной стороне Новой Земли” (6, с. 95). Или это опечатка, т.к. берег Карского моря — это восточное побережье (сторона) Новой Земли, или Константин Дмитриевич считал, что пролив Маточкин Шар относится к акватории Карского моря.

Не вносит ясности и приводимая в книге К.Д.Носилова (21, с 18, 19 и 21) информация: “В 1889 году мне привелось встретить Пасху на берегу студеного Карского моря. Я путешествовал тогда по Новой Земле, описывая берега, острова, заливы и не заметил, как подошла последняя неделя Великого поста. Я торопливо заканчивал последние работы и готовился завтра или послезавтра пуститься в обратный путь к нашей колонии (имеется в виду становище Малые Кармакулы. — Н.В.). [] Но думать о возвращении, когда предстояло пройти целых сто верст по такому проливу было уже нельзя, и мы волей неволей решили встретить Пасху на берегу этого моря (имеется в виду Карское море. — Н.В.). [] В апреле там солнце уже не закатывалось”.

Из своего третьего путешествия на собачьих упряжках по Новой Земле Носилов возвратился в становище Малые Кармакулы, на берег залива Моллера, во второй половине мая 1889 года... Так закончился беспрецедентный в истории изучения Новой Земли почти тысячекilометровый поход на собаках на карское побережье.

Восстанавливая историческую справедливость, я специально подчеркиваю, что этот поход был первым с момента открытия и описания лишь общего очертания контуров восточного берега Северного острова экспедицией П.К.Пахтусова в 1830-х годах. Но до сих пор неясно, почему же, произведя геодезическую съемку ранее никем необследованной местности, писатель-путешественник нигде не опубликовал хотя бы карты своих походов. На всем протяжении маршрута Носилов занимался описанием местности и давал названия ранее неизвестным географическим объектам. Называя объекты, он использовал четкие и ясные определения, позволяющие в будущем промышляющим здесь ненцам без труда определять свое местоположение. Так например, осматривая в подзорную трубу побережье Медвежьего залива и берег до полуострова Крашенинникова, путешественники заметили маленький остров, похожий на рукавицу. Ненец Константин Вылка называет его “Тобе-то” (“Рукавица-остров”). На современных картах это — скалистый остров Пять Пальцев у входа в залив Медвежий, близ его восточного мыса. Увидев небольшую речку, текущую в отвесных берегах и в устьевой части

распадающуюся на рукава-проливы, путешественники называют ее “Тю-яга” (“Рукав-река”). Одному из многочисленных обрывистых мысов присваивается название “Высокий” (“Пирече-сале”) (17, с. 6).

А ведь тогда Носилов был бы первым исследователем, посетившим береговую область этого труднодоступного района Северного острова Новой Земли, составившим ее карту и давшим названия открытым им географическим объектам. Ведь Константин Дмитриевич знал о существовании немецкого географического журнала, издаваемого доктором А.Петерманом, где с середины XIX века печатались все карты и сообщения о наиболее известных экспедициях, особенно, если они касались закрытия “белых пятен”. Именно в этом журнале в 1880-х годах были опубликованы краткие сообщения о первых годах его зимовки и пребывании на Новой Земле в Малых Кармакулах. Вопросов больше, чем ответов.

И еще одна интересная и загадочная страница в летописи истории покорения “белых пятен” на Новой Земле. Через 10 лет именно сюда, в организованное в 1894 г. становище Маточкин Шар, что в Поморской губе, где еще до его основания в 1890-1891 гг. жил Носилов, направил свою яхту “Мечту” другой исследователь, прославивший Новую Землю, но уже не рассказами и очерками, а потрясающими картинами ее природы, — художник Александр Алексеевич Борисов (1866-1934). Привезенная с материка специальная изба-мастерская художника располагалась всего в пятистах метрах от избы Константина Дмитриевича (“станция Носилова” была на правом берегу галечниковой пересыпи, отгораживающей реку Маточку от моря, а изба художника — на левом. — Н.В.). В ней Борисов вместе со своими спутниками зимовал в 1899-1901 гг. Но ни в одном из опубликованных произведений художника даже не упоминается о существовании “домика-станции Носилова”.

Почему именно такое загадочное совпадение в местах базирования на Новой Земле двух этих исследователей? Ведь неизведанных районов было еще много, тем более, что у Борисова была своя яхта и он мог бы выбрать другое место для зимовки. Да и построек на островах тысячекилометрового по протяженности архипелага в тот период было известно не более десятка. Поэтому не заметить дом

Носилова на берегу залива, где в то время стояла лишь несколько ненцких чумов, было нельзя. Почему же художник Борисов умалчивает о своем “соседстве” с Носиловым? Или носиловского дома уже не было (ненцы могли разобрать его на дрова, как они делали это повсеместно), или ненцы жили в нем и художник принял этот дом, как построенный архангельским губернатором для переселенных сюда с материка промысловиков? Снова вопросы...

Возможно, выбор места А.А.Борисовым для своей художественной мастерской на арктическом архипелаге был не случаен. Известно, что Носилов и Борисов были знакомы и встречались. Этот документальный факт зафиксирован в книге Н.П.Борисова (22), племянника А.А.Борисова. В брошюре Л.П.Осинцева (7, с. 73) сказано, что рабочий кабинет Носилова украшали картины Борисова. Зная, что А.А.Борисов неохотно продавал свои полотна, можно с большой долей уверенности предполагать, что они были преподнесены в подарок Константину Дмитриевичу художником во время их личной (или личных?) встречи. Носилов после первого своего пребывания на Новой Земле мог выступать где-нибудь с лекциями или рассказами о зимовке и путешествиях на далеком полярном архипелаге. И не исключено, что даже в Санкт-Петербурге, где в это время Борисов обучался в Академии художеств. Здесь-то и могла произойти их встреча, а после увлекательных рассказов Носилова об арктических походах и показов многочисленных фотографий Новая Земля “захватила” художника.

Так или иначе, в период двухлетнего пребывания на Новой Земле Борисов в сопровождении зоолога Т.Е.Тимофеева и двух ненцев-проводников 11 апреля 1901 г. выехал на собаках по маршруту К.Д.Носилова, прошел его, описал все заливы и мысы, горы и реки, где ранее побывал писатель. В немецком географическом журнале участник борисовской экспедиции А.М.Филиппов (23) опубликовал карты экспедиции художника. Поэтому официально считается, что право “первооткрывателя” заливов Чекина, Незнаемого и Медвежьего принадлежит Борисову; он же является автором установленных новых географических названий на карте этой области Новой Земли.

Возвратился же на Новую Землю он только через полтора года, в 1890 г. Его зимовка в Маточкином Шаре проходила еще до организации здесь архангельским губернатором ненецкого поселения — становища Маточкин Шар. В Поморской (Староверской) губе, на правом берегу в устьевой части реки Маточка, где в течение нескольких десятилетий находился один из традиционных районов поморских зверобойных промыслов, Носилов поставил избу, которую впоследствии бывавшие здесь путешественники называли “домик Носилова”. Сам же писатель называл ее “станцией”. В журнале “Всемирная иллюстрация” (24, с. 179) сообщалось, что: “г. Носилов, отправившись на остров из Архангельска летом прошлого года, привез с собой специальный дом для зимовки с метеорологическим павильоном и поставил его при западном входе в Маточкин Шар, на берегу лучшей морской гавани на всем этом побережье. Тотчас после ухода парохода, который отвозил путешественника, его прислуга и три семьи самоедов, оставшиеся с ними тут зимовать, принялись за постройку зданий; через полмесяца они были готовы, и на станции началась обычная работа. [] До ноября путешественник не раз делал экскурсии по проливу в Карское море, для чего у него имелось небольшое судно, собирал там коллекции животных и птиц, проводил опись берегов и измерения глубины”. Константин Дмитриевич осуществлял ежедневные метеорологические наблюдения. Кроме него, в “домике-станции” зимовали два матроса — один из них Мишка из Поморья, служивший у Носилова коком (рассказ “Наши инженеры”) (25, с. 65-85). Посетившие в 1900 г. становище Маточкин Шар известные русские зоологи и путешественники Б.Житков и С.Бутурлин привели в своей брошюре (26) карту, на которой отмечены положение “домика-станции” Носилова и достопримечательные места этого пункта на Новой Земле (Рис. 3). Заметим, что в тот период еще сохранялся крест с надписью Носилова.

Знакомство с произведениями Носилова, вошедшими в книгу “На Новой Земле. Очерки и наброски” (6), позволило автору определить места и временные рамки описанных в ней событий (см. Таблицу).

В период пребывания на архипелаге Константин Дмитриевич близко сдружился с переселенными сюда ненцами, вместе с ними жил в

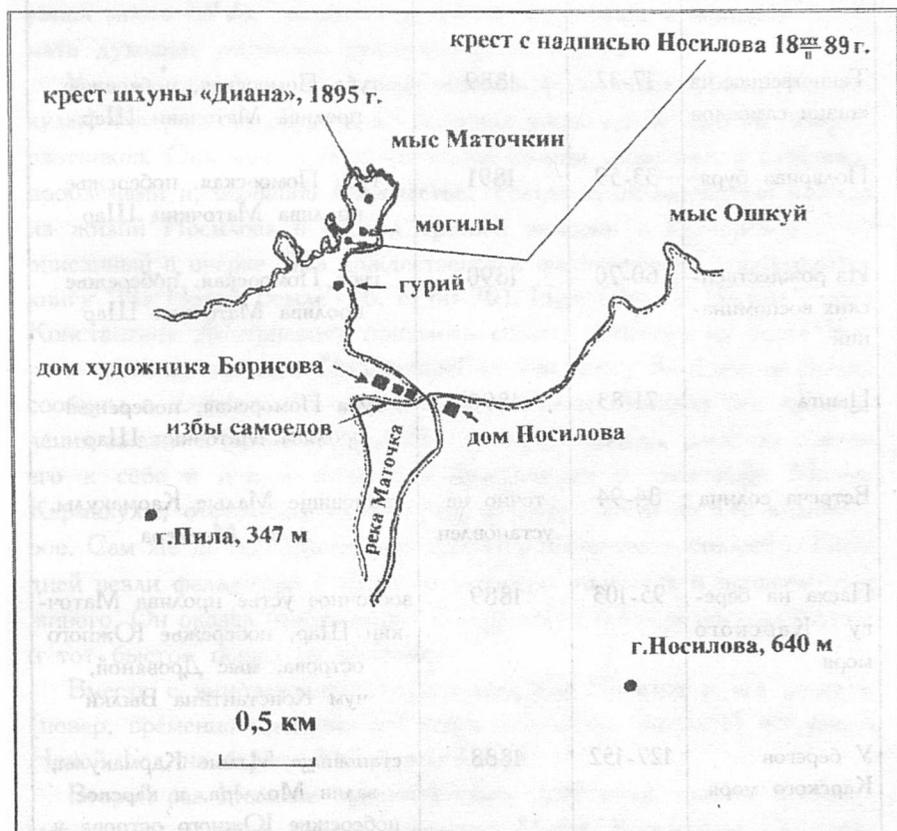

Рис. 3. Местоположение “домика-станции” Носилова в губе Поморской и ее достопримечательности (по состоянию на 1900 г.) (рисунок из статьи Б.Житкова и С.Бутурлина, 1901)

Таблица

МЕСТА И ВРЕМЯ СОБЫТИЙ, ОПИСАННЫХ
К.Д.НОСИЛОВЫМ В КНИГЕ “НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ”

Название рассказа, очерка	Страницы в книге	Год описываемых событий	Место описываемых событий
Из моего путешествия на Новой Земле	1-16	1887	становище Малые Кармакулы, залив Моллера
Таинственное из жизни самоедов	17-32	1889	губа Поморская, побережье пролива Маточкин Шар
Полярная буря	33-59	1891	губа Поморская, побережье пролива Маточкин Шар
Из рождественских воспоминаний	60-70	1890	губа Поморская, побережье пролива Маточкин Шар
Цынга	71-83	1890	губа Поморская, побережье пролива Маточкин Шар
Встреча солнца	84-94	точно не установлен	становище Малые Кармакулы, залив Моллера
Пасха на берегу Карского моря	95-103	1889	восточное устье пролива Маточкин Шар, побережье Южного острова, мыс Дровяной, чум Константина Вылки
У берегов Карского моря	127-152	1888	становище Малые Кармакулы, залив Моллера, и карское побережье Южного острова у залива Литке
История одного самоеда	153-227	1887-1889	история записана в Малых Кармакулах, где проживало семейство Фомы Вылки

чумах, ел их пищу, делил с ними все невзгоды зимовки и пережил голод, участвовал в ненецких праздниках и встречал Пасху. Писатель был первым, кто в своих произведениях представил реальную картину жизни, быта и обычаев, религиозные обряды новоземельских ненцев-переселенцев. За время пребывания на Новой Земле писатель в совершенстве изучил ненецкий язык, свободно говорил и общался с самоедами-охотниками. Из общения с ними Константин Дмитриевич узнал много об их преданиях и жизни, фольклоре и научился понимать духовное состояние этого северного народа.

Уже в первый же год своей зимовки (становище Малые Кармакулы) Константин Дмитриевич снискал уважение и любовь ненцев-охотников. Они шли к нему со всеми своими горестями и заботами, проблемами и, особенно в несчастье. Только один наглядный пример из жизни Носилова в период третьей зимовки в Поморской губе, описанный в очерке "Из рождественских воспоминаний", вошедших в книгу "На Новой Земле" (6, с. 60-70). Перед самым Новым Годом Константину Дмитриевичу пришлось спасти раненого на охоте старого охотника-самоеда. Приехавший за ним ненец Константин Вылка сообщил о случившемся на охоте несчастье и Носилов без промедления выехал к раненому старику. Осмотрев самоеда, писатель привез его к себе в дом и послал за фельдшером в становище Малые Кармакулы, отстоявшее от Маточкина Шара почти на 150 километров. Сам же до приезда медика принялся выхаживать больного. Пять дней везли фельдшера в пургу на собачьих упряжках и привезли еле живого. Он оказал необходимую медицинскую помощь пострадавшему и тот быстро пошел на поправку.

Вместе с зимовавшими в чумах ненцами Носилов и все русские (повар, временно пребывавший здесь фельдшер, матросы) встречали Новый Год на берегу Маточкина Шара.

Второй раз Носилов принимал самое деятельное участие в оказании ненцам помощи, будучи в колонии Малые Кармакулы. Он организовал поиски жены-старухи ненца Фомы Вылки, который зимовал в 1887/88 гг. в чуме с женой и сыном на карском побережье и из-за голода вынужден был откочевывать отсюда на запад, в Малые

Кармакулы. Во время этого перехода ненцы попали в сильную метель и пургу, длившиеся несколько дней; изможденная и ослабшая от голода жена Ф.Вылки уже не могла идти, ее зарыли в снег, где она пролежала 8 дней. После того, как ненец с сыном добрались до становища и сообщили о постигшем их несчастье, Константин Дмитриевич послал на поиски нескольких ненцев, а сам в колонии спасал отца и сына Вылок (6, с. 199-215).

Наиболее интересным для наших современников представляются сведения о жизни ненецких переселенцев на Новой Земле, которые описаны К.Д.Носиловым в рассказах, вошедших в книгу "На Новой Земле" (6) и отдельных брошюрах (13, 15, 25, 27).

С ненцами писатель участвовал в празднике "Встреча солнца", который наблюдал в период зимовки в Малых Кармакулах. Появление солнца после долгой полярной ночи — это яркое событие в однообразной жизни самоедов. Появление солнца свидетельствует о приближении весны и начале охоты, без которой они не представляют своей жизни.

Встреча солнца приходилась на "Афанасьев день" (18 января), его появление было встречено криками, возгласами, выстрелами из пушки, пальбой из ружей.

На долю Носилова выпала и такая важная роль как обучение грамоте ненецких детей. Вместе с жившим в Малых Кармакулах священником Ионой они основали самую северную в мире (в тот период) школу. Этот материал подробно изложен в рассказе "Самоедская школа" (27, с. 120-129).

Носилов очень гордился этой своей затеей, отмечая, что таких школ нет ни на Шпицбергене, ни в Гренландии. На Новой Земле в то время не было постоянно действующей церкви. Но, учитывая, что на Новую Землю были переселены крещенные ненцы, Никольский Корельский монастырь основал в Малых Кармакулах скит, на содержание которого выделялись деньги и куда каждую навигацию на зимний период (с осени до следующего парохода) командировался священник с помощником (28, 29). В период пребывания Носилова в Малых Кармакулах службу проводил отец Иона (30), который приплыл на судне "Великий князь Владимир" из Архангельска на

Новую Землю в июне 1887 г. вместе с писателем (31). Под школу вначале использовали комнатку батюшки. На стенах развесили самые разные картины, карты, из заголовков газет вырезали подвижные буквы, выкрасили доску охрой, и даже песку замаскировали вышитыми платками. Учиться пожелали почти все самоеды, взрослые и дети. Носилов называл свою школу — народный университет.

Вначале обучали самоедов русскому языку. Арифметику познавали при помощи пальцев. Много времени тратили на объяснение и рассказы по картинам из атласа зверей, птиц и насекомых. Интерес вызывали у ненцев и рассказы о жизни русского народа, на сельскохозяйственные темы (например, что такое зерно, откуда берется мука и как выпекают хлеб). За зиму, используя передвижные буквы, доски и небольшие дешевые азбуки, учителя обучили детей грамоте и основным понятиям жизни на материке. Наиболее смысленные из детей даже научились неплохо писать и читать. На Новый Год в школе была устроена елка. Елку соорудили из палки, в которую повтыкали прутья из метел. Елку раскрасили как могли — повесили калачи, конфеты и пряники, убрали разноцветной бумагой и восковыми свечами, а сверху водрузили букет засохших цветов. К лету некоторые ученики уже читали по-славянски, приготавливаясь к чтению Апостола в маленькой церкви становища. Лучшим ученикам организовали экскурсию на материк. Когда в июле 1888 г. в становище пришел первый пароход, детей вывезли на настоящую экскурсию в Архангельск, где они были проэкзаменованы архипастырем, который поздравил каждого и вручил подарки. Уже после отъезда Носилова из Малых Кармакул в становище под школу отвели отдельный домик, который был специально выстроен у храма. Школу оснастили библиотекой, учебными пособиями, географическими картами и глобусом. Она стала похожа на все настоящие школы — с экзаменами, оценками...

Подводя итог анализа литературного наследия писателя К.Д.Носилова, можно заключить следующее.

Писательский талант Носилова позволяет рассматривать опубликованные им произведения как литературные памятники лето-

писи изучения и освоения Новой Земли человеком, в которых указаны достоверные исторические события и конкретные личности, участвовавшие в них. Используя разработанный в Институте Наследия метод анализа исторических событий по опубликованным литературно-художественным произведениям и их сопоставления с современной географической картой, позволил автору на основе тщательного изучения очерков и рассказов писателя реконструировать ряд неизвестных страниц летописи освоения человеком этой области Русской Арктики.

Впервые используя опубликованные произведения, были выяснены главные события новоземельского периода жизни Носилова, датированы конкретные описанные им факты и географические пункты, где происходили эти события, составлена карта-схема маршрутов поездок писателя по территории архипелага и выяснены районы его путешествий (Рис.2).

В качестве важнейших научных результатов, полученных К.Д.Носиловым за три проведенных им зимовки на архипелаге необходимо указать следующие.

Носилов впервые в истории изучения Новой Земли, изучил столь обширный участок территории Южного и Северного островов, обследовав их не с моря, как абсолютное большинство его предшественников и последователей, а по суше, на собачьих упряжках.

Носиловым были описаны сезонные и межгодовые кочевки переселенных сюда ненцев, связанные с поисками наилучших охотничьих промысловых участков, сохранившиеся у ненцев национальные обряды и элементы язычества. Писатель впервые дал правдивую информацию о лишениях, которые выпадали на долю переселенцев на Новой Земле из-за голода, суровых климатических условий, нищеты и иных причин.

Кроме этно-социальных материалов, в произведениях писателя содержится ряд интересных сведений как географического характера (наблюдения за климатом, состоянием припайного льда и т.д.), так и касающихся биологии (о местах концентрации промысловых

животных, их поведении во время бури, этологические аспекты жизни песца и т.д.). Писатель собирал коллекции минералов (часть из них правда пришлось оставить на острове из-за невозможности вывезти на собачьих упряжках во время третьего путешествия на карское побережье в 1889 г.), изготовлял чучела и тушки зверей и птиц и посылал их в зоологические музеи, живых песцов подарил московскому зоологическому саду.

Литература

1. Носилов К.Д. 1937. Северные рассказы. Свердловск: Свердловское областное издательство, 269 с.
2. Носилов К. 1892 а. Русская колония и первый храм на Крайнем Севере // Прибавления к церковным ведомостям, № 21, с. 755-764.
3. Садовский Б.И. 1910. Русская колонизация Новой Земли // Материалы по исследованию Новой Земли. Под редакцией И.В.Сосновского. Выпуск 1. СПб.: Главное управление земледелия и землеустройства, с. 91-110.
4. Омельчук А.К. 1989. К.Носилов. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 240 с.
5. Андреев К.П. 1886. Метеорологические наблюдения // Экспедиция Императорского Русского географического общества. Труды Русской полярной станции на Новой Земле. Часть 2. СПб, 159 с.
6. Носилов К.Д. 1903. На Новой Земле (Очерки и наброски). М.: Издание А.С.Суворина, 327 с.
7. Осинцев Л.П. 1993. Носиловские дачи. Курган: Периодика, 105 с.
8. Воронова О.П. 1977. Президент Новой Земли Тыко Вилка. М.: Советский художник, 157 с.
9. Боярский П.В. 1996. Научные исследования Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) памятных мест на Новой Земле, связанных с экспедицией и зимовкой голландского мореплавателя Виллема Баренца // Виллем Баренц на Новой Земле. Находки и исследования. М.: Вереск, с. 3-32.
10. Боярский П.В. 1998. Научные исследования Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) в 1994-1997 гг. // Новая Земля. Природа. История. Археология. Культура. Труды Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ). Книга 1. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, с. 8-38.
11. Носилов К.Д. 1909. Песец // Естествознание и география, № 1, с. 1-19.

12. *Носилов К.Д.* 1909. Песец (продолжение) // *Естествознание и география*, № 2, с. 1-14.
13. *Носилов К.Д.* 1907. В снегах. Рассказы и очерки из жизни северных инородцев. Библиотека для семьи и школы. Четвертое издание редакций журналов "Юная Россия" и "Педагогический листок". М.: Типография "Русского Товарищества" печатного и издательского дела, 169 с.
14. *Носилов К.Д.* 1909. Песец (продолжение) // *Естествознание и география*, № 3, с. 1-20.
15. *Носилов К.Д.* 1908. На диком севере. Первый сборник рассказов. Библиотека для семьи и школы. М.: Типолиотография "Русского Товарищества" печатного и издательского дела, 115 с.
16. *Носилов К.* 1892. Русская колония и первый храм на Крайнем Севере (окончание) // *Прибавления к церковным ведомостям*, № 22, с. 795-800.
17. *Носилов К.Д.* 1911. По берегу Карского моря (Из путешествий по Новой Земле) // *Естествознание и география*, № 6, с. 1-15.
18. *Носилов К.Д.* 1911. По берегу Карского моря (Из путешествий по Новой Земле) (продолжение) // *Естествознание и география*, № 7, с. 29-42.
19. *Носилов К.Д.* 1911. По берегу Карского моря (Из путешествий по Новой Земле) (окончание) // *Естествознание и география*, № 8, с. 1-16.
20. *Корякин В.С.* 1987. Владимир Александрович Русанов (1875-1913?). М.: Наука, 128 с.
21. *Носилов К.Д.* 1911. На охоте. Очерки и рассказы. Библиотека для семьи и школы, 2-ое издание журнала "Юная Россия". М.: Типография К.Л.Меньшова, 93 с.
22. *Борисов Н.П.* 1983. Художник вечных льдов. Жизнь и творчество А.А.Борисова. 1866-1934. Ленинград: Художник РСФСР, 268 с.
23. *Philippow A.* 1903. Polarreisen des russischen Malers Borissow // *Dr. A.Petermanns Mitteilungen aus Justus Perthes Geographischer Austalt*, bd.49, s. 217-219.
24. Всемирная иллюстрация, 1891, т. 46, № 11, с. 179.
25. *Носилов К.Д.* 1908. На диком севере. Второй сборник рассказов. Библиотека для семьи и школы. М.: Типолиотография "Русского Товарищества" печатного и издательского дела, 111 с.
26. *Житков Б., Бутурлин С.* 1901. По Северу России. Отчет Императорскому обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии по командировке летом 1900 года в Архангельскую губернию и на

острова Колгуев и Новая Земля. Москва: Товарищество типографии А.И.Мамонтова, 178 с.

27. Носилов К.Д. 1912. У рыбаков и звероловов Севера. Библиотека для семьи и школы. Издание журнала "Юная Россия". М.: Типолитография "Русского Товарищества" печатного и издательского дела, 135 с.

28. Справка о командировках на Новую Землю духовных лиц в прежнее время и открытие там монашеского скита в 1889 г. // Архангельские епархиальные ведомости, 1889, № 14-15, часть неофициальная, с. 265-268.

29. Шашков А. 1893. Остров Новая Земля и Николаевский скит на нем // Архангельские епархиальные ведомости, № 21, часть официальная, с. 541-566.

30. Еще о Новой Земле и пребывании там иеромонаха Ионы с 3 сентября 1887 г. по 28 июля 1888 г. // Архангельские епархиальные ведомости, 1889, № 13, с. 243-252.

31. Мероприятия архангельского епархиального начальства к религиозно-нравственному просвещению поселенцев (самоедов) на Новой Земле // Архангельские епархиальные ведомости, 1889, № 6-9, с. 177-188.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕДЕНИН Ю.А., МАЗУРОВ Ю.А.

Экологический мониторинг недвижимых объектов
культурного наследия (документы и комментарий)3

МАЗУРОВ Ю.А.

Культурное наследие и экологическая
ситуация регионов России15

ГУСЕВ С.В.

Археологическое наследие России:
опыт анализа состояния памятников
в 1996, 1997, 1998 гг.29

РАБОТКЕВИЧ А.В.

Государственная политика в области
охраны памятников истории и культуры в России
в XVIII - начале XX вв.36

КУЗНЕЦОВА Л.П.

Обзор законов, принятых субъектами
Российской Федерации об охране историко-культурного
и природного наследия (по состоянию на 1998 год)72

СОРОКИН А.И.

Проблемы сохранения и использования
Плещского историко-природного комплекса99

ШОЛОХОВ А.М., ТУРЧИН Т.Я.	
Природа и природопользование на территории Государственного музея-заповедника М.А.Шолохова	105
НАБИЕВА У.Н.	
Концепция атласа культурного наследия Дагестана	114
ВЕШНИНСКИЙ Ю.Г.	
Аксиологическая география городской среды регионов России	121
СТЕПЕНЕВ В.И.	
Современная аграрная реформа в России: актуальность исторического наследия в природопользовании	138
ИВАНОВА И.Г.	
Градостроительное своеобразие Торопца и пути его сохранения	159
ВЕХОВ Н.В.	
К.Д.Носилов на Новой Земле: реконструкция исторических событий конца XIX века по опубликованным произведениям писателя	185

Научное издание

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Информационный сборник № 8

Ю.А.Веденин, Н.В.Вехов, Ю.Г.Вешнинский,
С.В.Гусев, И.Г.Иванова, Л.П.Кузнецова,
Ю.А.Мазуров, У.Н.Набиева, А.В.Работкевич,
А.И.Сорокин, В.И.Степенев, Т.Я.Турчин, А.М.Шолохов

Научный редактор Павел Матвеевич Шульгин

Утверждено к печати Редакционно-издательским советом
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва

Лицензия ЛР № 020730 от 3 марта 1998 г.

Редактор Н.В.Яркина

Компьютерная верстка и дизайн: Д.С.Захарьин, Н.П.Лакутина

Подписано в печать 10.07.2000

Формат 60x84 1/16. Гарнитура академическая.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,5. Тираж 400 экз.

Заказ № 197. Цена договорная

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2

Отпечатано в ИПП "Гриф и К°"

г. Тула, ул. Свободы, 38

ПАР № 060231 от 20.10.97

